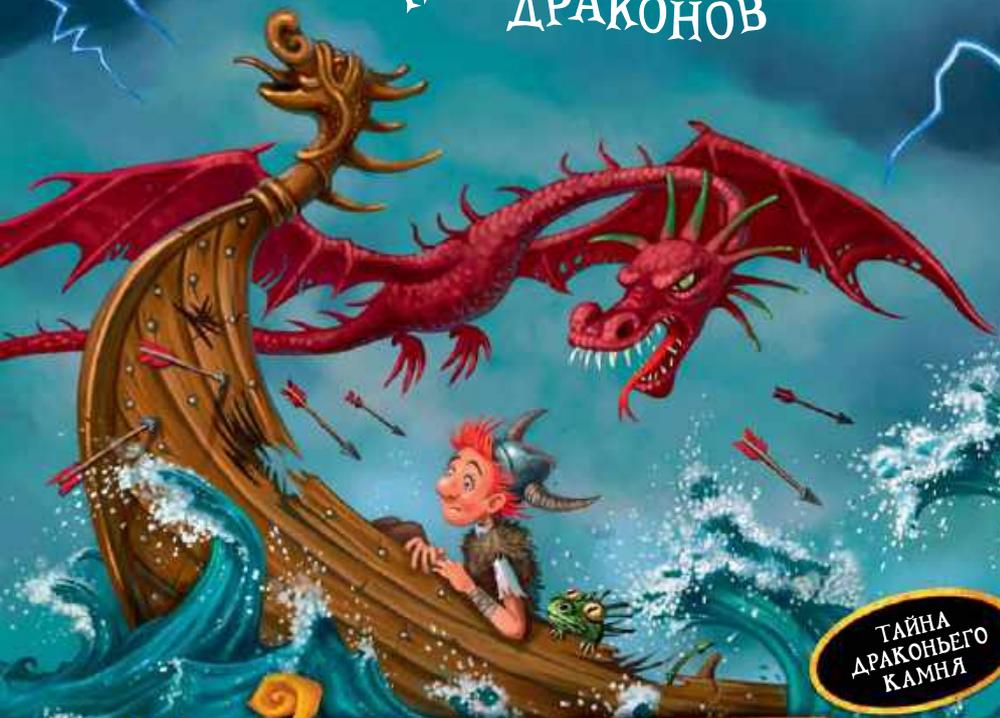

КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА

КНИГА 12

КАК СПАСТИ ДРАКОНОВ

ТАЙНА
ДРАКОНЬЕГО
КАМНЯ

КРЕССИДА КОУЭЛЛ

ОТКРЫТЫЙ
ОКЕАН

Небесный полог
Гора Душегубов

(Здесь живут чудовища:
Моредраконус Гигантский,
Злокоготь, Смертедых)

ДУШЕГУБСКИЕ ГОРЫ

МАРОДЕРСКАЯ
ГАВАНЬ

Последний приют

территория Воителя Ри

Риф

Где-то там
Америка
(если есть)

Летнее
Течение

ЗАВТРА

Ничего

ЗАМЕРЗШИЙ ОСТРОВ
НИГДЕ

ЛУЖДАЮЩИЕ
ЛЕДЯНЫЕ
ОСТРОВА

Ледяная теснина

Отчаяние
Черноторода

Зимний ветер

ГОСТЕДАВНА́Я
ЗЕМЛЯ

ВАРВАРСКИЙ АРХИПЕЛАГ

Острова
Туликовые

Шандарах

остров
Черепушников

Угрюмое море

Молчанна

Негодяевка

Бой-бабы острова

Пролив Торова Гнева
Истерия

остров
Магманьяков

Подземелья
Драчунов

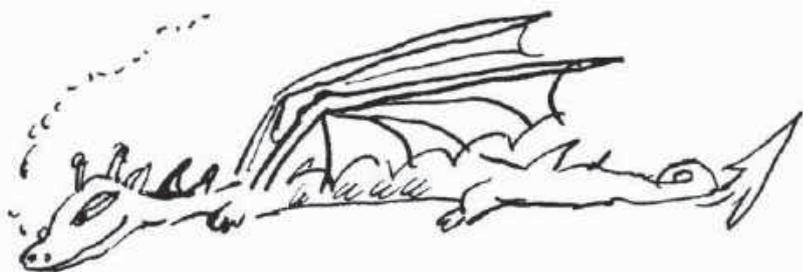
ЗЫББ
(Берегась
слизнецкашка)
Зыбущие
пески

Совершенно необязательно читать книги Иккинга по порядку. Но если вам очень хочется, то порядок такой:

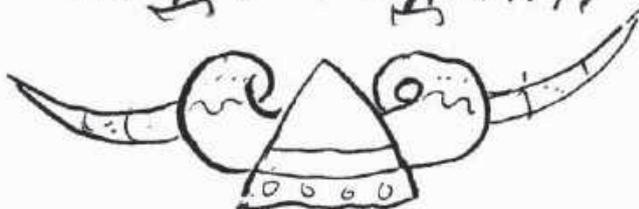
1. Как приручить дракона
2. Как стать пиратом
3. Как разговаривать по-драконьи
4. Как перехитрить дракона
5. Как разбудить дракона
6. Как одолеть дракона
7. Как разозлить дракона
8. Как освободить дракона
9. Как украсть Драконий меч
10. Как отыскать Драконий камень
11. Как предать Героя
12. Как спасти драконов

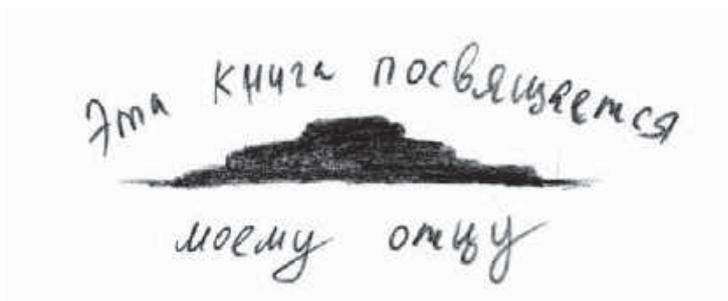

ВНИМАНИЕ!

Если вам вдруг покажется,
будто события этой книги
имеют какое-то отношение
к реальным историческим
фактам, имейте в виду — это
ЧИСТАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ.

МЫ ВАС
ПРЕДУПРЕДИЛИ!

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44
К 73

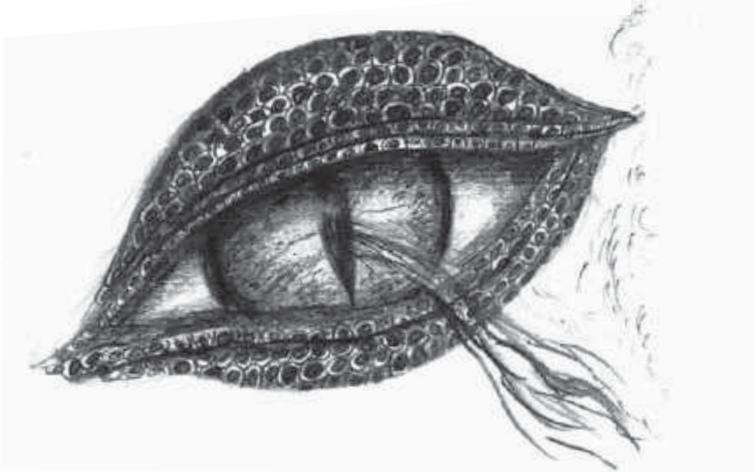
Cressida Cowell
HOW TO FIGHT A DRAGON'S FURY
Text and illustrations copyright © 2015 by Cressida Cowell
All rights reserved
Originally published in Great Britain in 2015 by Hodder Children's Books

Перевод с английского *Анастасии Кузнецовой*
Серийное оформление и иллюстрация на обложке
Екатерины Платоновой
Иллюстрации в тексте *Крессиды Коуэлл*

ISBN 978-5-389-11268-1

© А. А. Кузнецова, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

КАК СПАСТИ ДРАКОНОВ

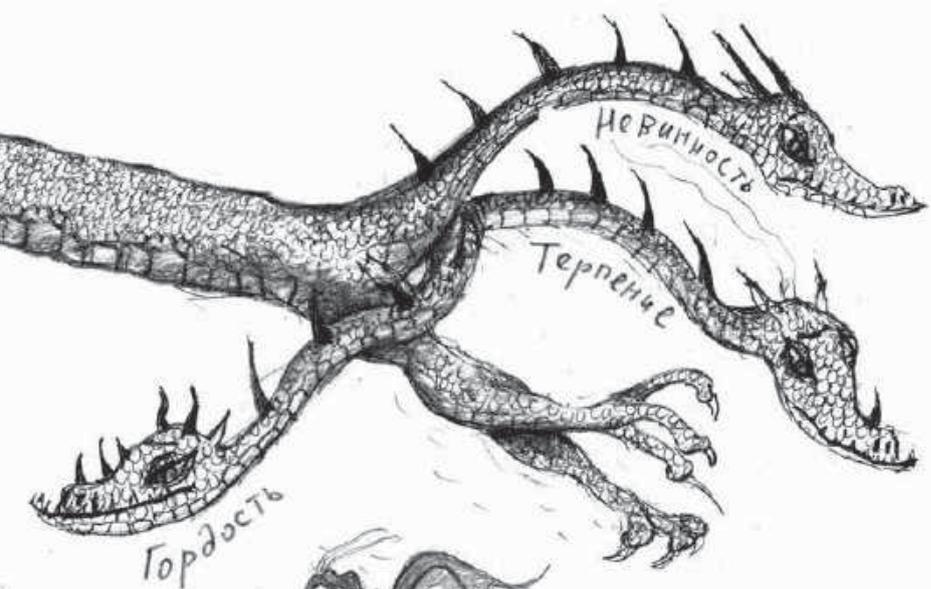

Сочинил ИККИНГ
КРОВОЖАДНЫЙ КАРАСИК III

Перевела с древнорвежского
КРЕССИДА КОУЭЛЛ

Санкт-Петербург

Иккинг
(герой
этой
истории)

Буримуха

СТОИК ОБШИРНЫЙ

РЫБЬЕНОГ

Валгаларама

Камикадза

Ярисса

Берта,
предводительница
Бои-баб

Плевака
Крикливый

Неимоверный
Крутяк

← Толстолуз
Пивобрюх

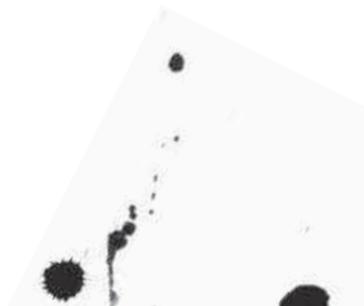
Мухрюндель

ЭЛВИН
ВЕРОЛОМНЫЙ

ведьма ЭКСЕЛЛИНОР

ПРЕДЫСТОРИЯ

«Во времена моей юности в мире жили драконы...»

С этих слов началась наша история.

Жил да был мальчик по имени Иккинг Кровожадный Карасик III. Жил он на островке под названием Олух со своим охотничьим драконом Беззубиком и верховым драконом Ветрогоном. Жил свободно и весело в мире, полном драконов.

Иккинг был сыном вождя Стоика Обширного и меньше всего походил на героя-викинга, каким его обычно представляют, — худенький, рыжий, невзрачный паренек. Но зато он отлично бился на мечах и один из немногих умел говорить на языке драконов. За это его прозвали Заклинателем Драконов.

Однажды, в злосчастный день, Иккинг, так уж вышло, выпустил на волю великого моредраконуса по имени Ярогнев, который сто лет провел закованным в цепи в жуткой лесной тюрьме на острове Берсерк. Ярогнев поднял Драконье восстание, чтобы стереть с лица земли весь род человеческий, и теперь люди и драконы бьются не на жизнь, а на смерть.

Драконы сожгли деревушку Хулиганов, где Иккинг вырос, и изгнанные из своих домов люди со-

брались на острове Завтра в ожидании Последней Битвы.

Теперь людей может спасти только одно. На острове Завтра должен короноваться новый Король Дикозапада. Как только Король вступит в свои права, он будет посвящен в тайну Драконьего Камня, а тайна эта в том, как с помощью Камня уничтожить всех драконов навсегда. Но Королем может стать лишь тот, кто собрал Десять Утраченных Королевских Сокровищ, разбросанных по всему Варварскому архипелагу и забытых на сто лет.

Пережив одиннадцать захватывающих и долгих приключений, Иккинг Кровожадный Карасик III одно за другим собрал-таки Десять Утраченных Сокровищ. Ему помогали его лучшие друзья Рыбьенег и Камикадза, дряхлый моредраконус по имени Одинклык и прекрасный трехглавый дракон Смерть, способный маскироваться до полной невидимости.

Но злодей Элвин Вероломный (говорящее имечко, да?) украл у Иккинга все десять Сокровищ. Сейчас Элвин уже на острове Завтра и вот-вот получит корону. Если Элвин станет Королем, он воспользуется властью Драконьего Камня, чтобы истребить драконов навсегда.

Все уверены, что Иккинг мертв, что стрела одного из воинов Элвина Вероломного попала ему прямо в сердце. Но на самом деле Иккинг выжил

и лежит без сознания на песчаной отмели крохотного островка Последний Приют, от которого рукой подать до Завтра.

Однако у Иккинга нет ни верхового дракона, ни лодки, ни Утраченных Сокровищ. А без Утраченных Королевских Сокровищ нечего и думать плыть на остров Завтра. Стоит Иккингу ступить на берег, как из песка взметнутся Драконы-Стражи Завтра и унесут незваного гостя в небесное забвение...

Да уж, положение хуже некуда.

Сегодня Светопреставление Солнцеворота, день Последней Битвы между драконами и людьми.

У Иккинга остается всего лишь день, чтобы стать Королем Дикозапада и спасти драконов.

Всего один день...

СУМЕЕТ ЛИ ИККИНГ СПАСТИ ДРАКОНОВ?

МИРУ НУЖЕН ГЕРОЙ

Род людской еще не знал таких черных времен. Ужасная судьба нависла над архипелагом.

Еще совсем недавно на зеленых островках кипела жизнь, а уютные деревушки гнездились на каждом пригорке. Теперь эти деревушки сожжены дотла, и даже сами почерневшие от пламени холмы кажутся обглоданными. Горы опрокинуты, реки повернуты вспять, деревья выдернуты с корнем и плачут смолой, а лик земли покрывают глубокие раны от когтей разъяренных драконов.

Дым горящих деревень и пылающих лесов сливался с предрассветной дымкой, порождая зловещий туман, в котором жуткими призраками проступали дракон Ярогнев и бесчисленные бойцы его армии, собравшиеся в Мародерской гавани.

Большинство еще спало, прикрыв глаза и прибрав алчные когти в ожидании Последней Битвы между драконами и людьми.

Занимался день Свето-
преставления, и миру ну-
жен был Герой.

И не какой-нибудь,
а Герой, способный из-
менить ход истории.

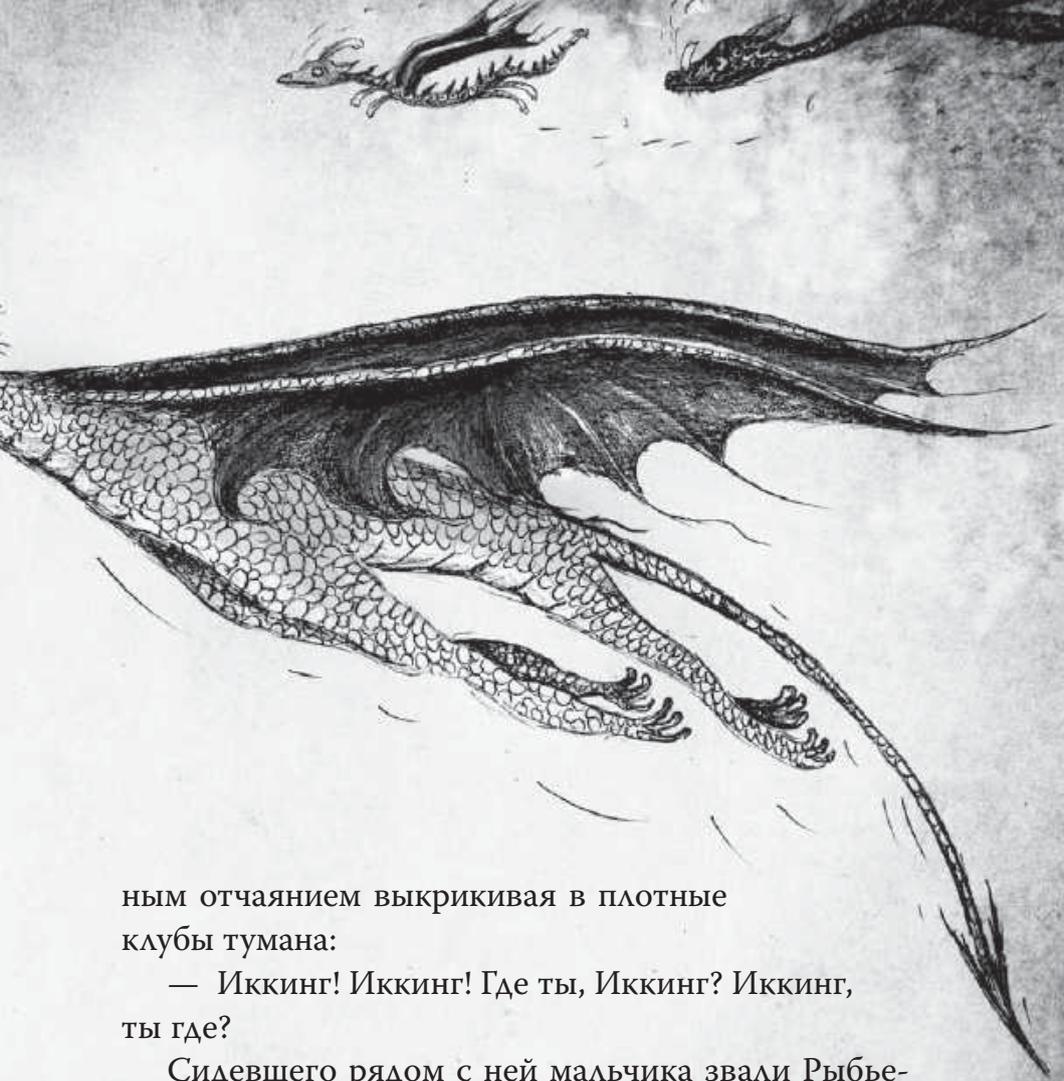
Даже сейчас, при
самых бледных про-
блесках едва начавше-
го утра последнего
дня Солнцеворота,
были те, кто искал
такого Героя.

Двое юных воинов-ви-
кингов, мальчик и девочка,
летели на спине красивого
трехглавого дракона по имени Смерть.
Одежда обоих давно превратилась в лохмотья. Ре-
вущий вихрь драконьей войны, спаливший дотла
их родные острова, занес воинов далеко-далеко от
дома. Бешеные ветра подхватили их и проволокли
по всем закоулкам архипелага.

Только Герой мог теперь их спасти, и обоим бы-
ло страшно — очень-очень страшно, — хотя девоч-
ка притворялась, будто вовсе не боится.

Свирепая коротышка из племени Бой-баб, с во-
лосами такими спутанными, словно по ним прошел-
ся тайфун, свесилась со спины Смерть, с ярост-

ным отчаянием выкрикивая в плотные клубы тумана:

— Иккинг! Иккинг! Где ты, Иккинг? Иккинг, ты где?

Сидевшего рядом с ней мальчика звали Рыбье-ног. Он напоминал потрепанного паука, кудрявые волосы частью обгорели, а на носу криво сидели разбитые очки.

— Иккинг мертв, Камикадза, — произнес он тихо, с усталой обреченностью. — Все знают, что он погиб. Даже видели, как это случилось...

Где ты-ы ?!?
Где ты-ы-ы-ы ?!?
б

охотился в туманной мгле отнюдь не вслепую. Он вел поиск четко, уверенно и целенаправленно.

Накануне он собственноручно укусил Героя Иккинга, оставив у него в предплечье два любимых клыка, и теперь слышал, как эти клыки зовут его где-то там, внизу, в туманных морях. «Тик-тик, тик-тик», — ныли зубы вампира-ищейки. «Тик-тик, тик-тик», — дергали они руку Героя там, внизу, в темноте.

И высоко в мглистом небе нетопырьши уши ищейки локаторами поворачивались на звук: «Тик-тик, тик-тик».

«Нет-нет, — думал про себя вампир-ищейка. — Герой всего лишь тяжело ранен, но не мертв... Но он умрет, о да, непременно, уж я об этом позабочусь...»

Ярогнев тоже знал, что Герой еще жив.

Иккинг, где ты?

И сквозь весь туман, через весь архипелаг летели поисковые отряды драконов, высматривая и вынюхивая Героя в бескрайней пустыне морей.

Всю ночь летели они над Угрюмым морем, роняя ядовитую слюну с клыков и сверкая кошачьими глазами — на север к замерзшему острову Нигде, на восток к заливу Разбитого Сердца, на юг к Пылающему лесу, на запад к Загадке и Хлябям. Они рассекали воздух, словно мстительные призраки и духи прошлого, и все как один злобно повторяли нараспев:

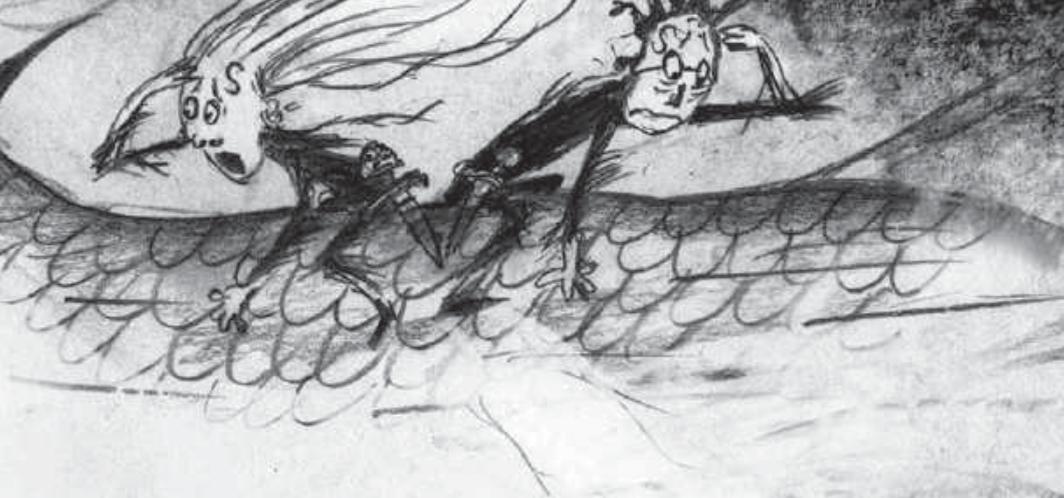
— Гнать Героя... Гнать Героя... Гнать Героя...

И...

— Иккинг! Где ты, Иккинг? Иккинг, где ты-ы-ы?

Небольшая банда песакаул тоже участвовала в поиске. Они заметили, как вампир-ищейка выслеживает помеченную зубами жертву, а уж они-то знали, кто эта жертва, и последовали за вампиром сквозь туман...

— Иккинг! Где ты, Иккинг? Иккинг, где ты-ы-ы?

Да уж, Герой миру
крайне необходим. А то
всего через пару-тройку крат-
ких часов проснется и остальная
драконья армия, и развернется ад.

Но кто первым доберется до Иккинга
в последний день Солнцеворота? Друзья с надеж-
ными руками и любящими сердцами или враги
с клыками и огнем?

За мной, читатель, если не боишься. Держись за
мою руку, мы полетим быстрее вампира-ищейки
и незаметней Смертеня. Мы раньше их выследим
Героя по тиканью вампирских клыков и окажемся
там, где он лежит, — на крохотном островке По-
соследний Приют.

Крохотный островок Последний Приют, где все
начинается и все заканчивается...

Так начнем же сначала, хотя это и конец.

1. КАК БЫ ПЛОХО НИ КАЗАЛОСЬ, ВСЕГДА МОЖЕТ СТАТЬ ХУЖЕ

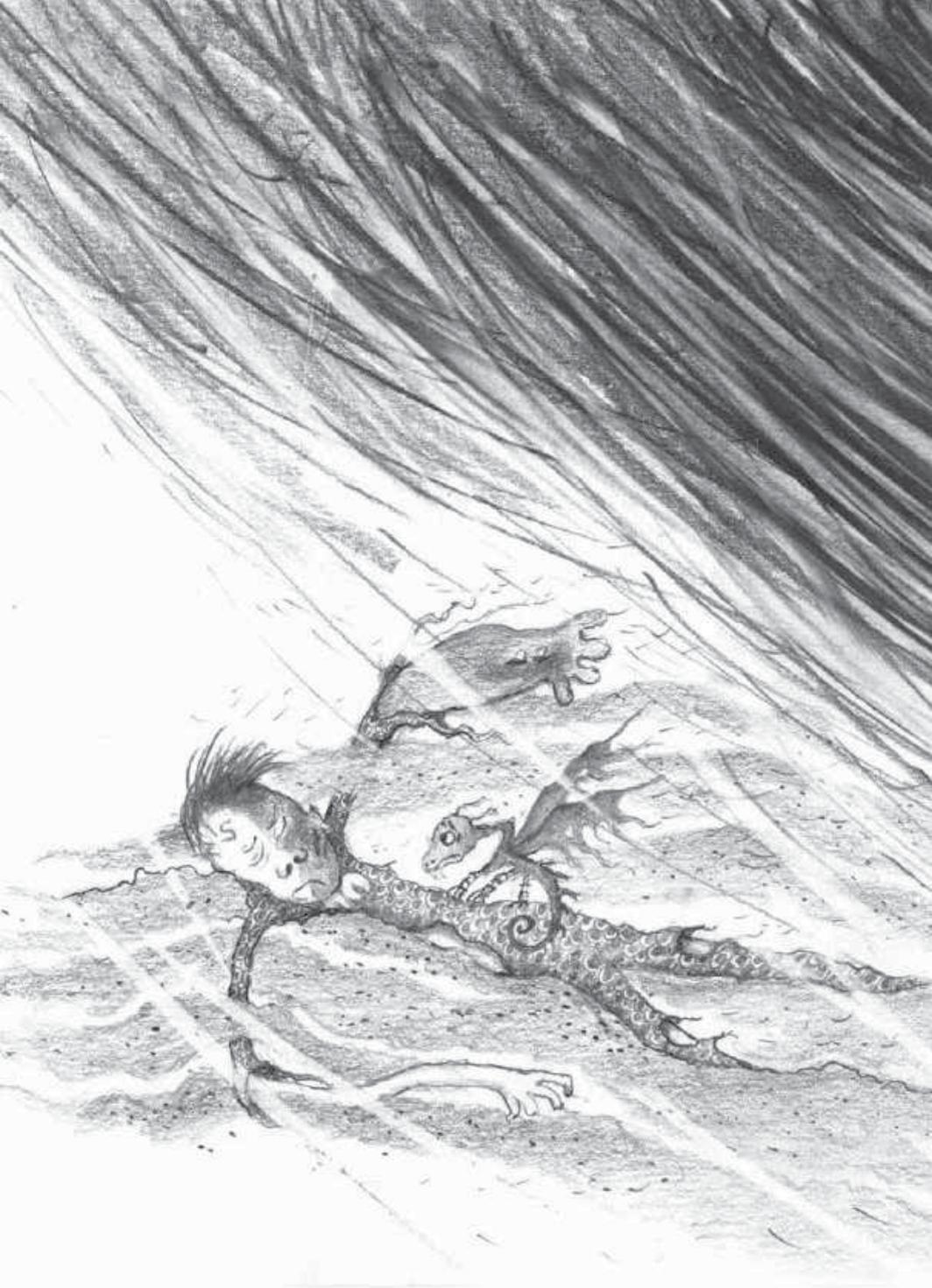
В последний день Солнцеворота, известный еще как Светопреставление, Иккинг Кровожадный Карасик III лежал без сознания на отмели крохотного островка Последний Приют.

Денек выдался аховый — холод стоял жуткий, солнце с трудом выползло из-за обледеневшего горизонта, а Зимний Ветер Одина завывал как сотня баньши. Предраассветный туман, пропитанный едким дымом войны и горящих лесов, лежал так густо и плотно, что уже на расстоянии вытянутой руки почти ничего нельзя было различить.

Однако и польза от тумана имелась: он скрывал черные следы разрушений вокруг. Скрывал множество драконов, что всю ночь охотились на Героя. Скрывал могучее войско Ярогнева, которое только-только начинало просыпаться и шевелиться в истерзанной Мародерской гавани неподалеку.

И самого Иккинга туман тоже укрывал.

Иккинг и в лучшие времена не очень-то походил на героя-викинга, лицо у него было самое обыкно-

венное, совершенно незапоминающееся. Но сейчас он представлял собой поистине жалкое зрелище, ни дать ни взять сломанное огородное пугало, по которому еще и ненароком потоптались. Он лежал наполовину в воде, облепленный водорослями. Одежда давно превратилась в лапшу, оба глаза заплыли от синяков, лицо было подрано драконьими когтями, а тело покрыто коркой морской соли. Накануне его цапнул за левую руку вампир-ищейка, и теперь она распухла, да и вся левая сторона тела приобрела странный лиловый оттенок.

Словом, не тот Герой, от которого ждешь спасения в час, когда над всем человечеством нависла смертельная угроза.

Но он был жив. По крайней мере... пока.

На груди у Иккинга восседал дряхлый охотничий дракон по имени Одинклык. Лет ему было за тысячу, и больше всего он напоминал сморщенный и побитый градом осенний лист.

Одинклык уже пытался вытащить Иккинга на песок, цепляясь за рваный воротник безрукавки. Но как он ни тянул своими старыми усталыми лапками, толку не было — размером-то дракон едва мог тягаться с тощим крольчонком. И изгвазданное безвольное тело мальчишки не сдвинулось ни на дюйм.

— **О боги, о боги...** — причитал Одинклык в отчаянии. Он грел Иккингу сердце теплом соб-

ственного тельца и мягко пытался разбудить мальчика, дуя в лицо теплым воздухом. — И впрямь хуже не бывает... нас же обнаружат, если мы не уберемся отсюда... И, боюсь, надвигается прилив, захлебнешься еще — только этого нам не хватало... Очнись, Иккинг, очнись! Ты должен очнуться!

Веки у паренька затрепетали. Одиноклык, не зная, что еще предпринять, плеснул ему в лицо морской воды. Иккинг фыркнул и закашлялся.

— **Хвала великим Крыльям в Небе!** — воскликнул Одинклык, от возбуждения попрыгивая с лапки на лапку и потирая крылышки на манер кузнечика. — **Он жив и просыпается!**

Мальчик открыл глаза. Вернее, один глаз. Второй слишком распух и открываться не желал.

— **Ох, Иккинг,** — заворковал Одинклык, — **мне так жалко было тебя будить, мальчик мой, но тебе надо поскорее выбраться из воды — прилив надвигается...**

Иккинг, постанывая и кашляя, сел и прижал ладонь ко лбу. Голова болела так, словно сам Тор-кузнец методично бил по ней молотом, причем как изнутри, так и снаружи, — от ударов у Иккинга до боли звенело в ушах.

— Где я? — прошептал Иккинг, выкашливая морскую воду и силясь вдохнуть.

— **На маленьком островке Последний Приют,** — подсказал Одинклык. — **Боюсь,**

КТО Я ???

твой корабль затонул, вместе со всеми Утраченными Сокровищами. А Элвин выловил их, и теперь они все у него, а значит, нам надо поторапливаться...

— Почему я был на корабле? — перебил Иккинг. — Кто такой Элвин? Какие еще Утраченные Сокровища? Кто ты? И, главное... кто я?

Одинклык заморгал:

— Прощу прощения?

— Кто я такой? — повторил Иккинг.

— Ты не знаешь, кто ты? — пискнул дракон. — Нет, ты правда хочешь сказать, что не знаешь, кто ты такой?

Иккинг кивнул.

— О боги, о боги, о боги, о боги! — застонал Одинклык. — Как бы плохо ни казалось, всегда может стать хуже! Мальчику память отшибло!

Боюсь, тут Одинклык угадал. Когда корабль пошел ко дну, Иккинга треснуло по голове мачтой и действительно отшибло память.

— Извини. — Иккинг с несчастными видом поежился. — Я не помню ни кто я, ни как я тут очутился — вообще ничего.

Он напряг память, но царившие вокруг удушливый дым и туман словно заползли через уши ему в большую голову, перевернули там все вверх тормашками и перемешали.

Он понимал только, что ему холодно и больно, что произошло нечто ужасное, а он как раз был занят чем-то очень важным.

— Это катастрофа! Не говоря уже, что очень долгая история, — отозвался, тревожно переминаясь с лапки на лапку, Одинклык. — Я просто выразить не могу, как нас поджимает время. Я — Одинклык, ты — Иккинг Кровожадный Карасик Третий, и ты великий-превеликий Герой!

— Я? — удивился Иккинг, оглядывая свое тощее тело в лохмотьях. — Что-то непохоже!

— Поверь мне. Да, непохоже, но это так. Признаю, ты не типичный викингский герой, но ты очень умен и умеешь говорить по-драконьи, а тех, кто это может, во всем мире по пальцам перечесть. Просто пора-

зительно: ты не помнишь, кто ты есть, а вот драконий язык не забыл...

— Ну да! — снова удивился Иккинг, естественно, по-драконьи.

— А теперь сосредоточься как следует, — досадливо продолжал Одинклык, изо всех сил стараясь не впасть в панику, — потому что положение у нас несколько отчаянное. Глянь вон туда! — И донельзя возбужденный Одинклык указал трясущимся крылышком на северо-восток.

Один глаз у Иккинга вообще не видел, ибо слишком распух и не открывался, но мальчик слегка наклонил голову влево и медленно и мучительно приподнял набрякшее веко правого глаза — крохотной щелочки как раз хватило.

— Что-то я там ничего не вижу, — заметил он.

И правда, туман был такой густой, что ничего не было видно.

— Ладно, придется тебе поверить мне на слово, — пропищал Одинклык. — **ВОН ТАМ**, на острове Душегубов, дракон Ярогнев собрал множество таких здоровенных и свирепых драконов, каких мир еще не видел. Он собрал их, этих диких и необузданных тварей, с одной единственной целью... А цель Ярогнева... истребить всех людей.

Повисло тягостное молчание.

Иккинг с трудом сглотнул и закашлялся. Вокруг клубился дым, забираясь в нос, холодное море, казалось, просачивалось до самых костей. Мальчишку била дрожь, и он прямо слышал, как стучит сердце: бух... бух... бух...

— Светопреставление... — прошептал Иккинг. Единственное смутное воспоминание всплыло на поверхность, словно плавник акулогада, и скрылось так же внезапно, как и возникло. Медленно напознал ужас. — Светопреставление... последняя битва между драконами и людьми.

— Ты точно знаешь? — спросил он, неуверенно вглядываясь в туман.

— Абсолютно, — с тревогой отозвался Одиноклык. — И ты, Иккинг Кровожадный Карасик Третий, Герой, последняя и единственная надежда и людей, и драконов.

— Я? — поперхнулся Иккинг. — Я?!

Он недоверчиво хохотнул, сразу закашлявшись, и оглядел себя. Зрелище было то еще: ноги — как плети водорослей, руки — как цыплячи крылышки, а левое предплечье явно от чего-то пострадало, потому что распухло вдвое против обычного. И к тому же приобрело лиловый оттенок, так же как и вся левая половина тела.

— Герои бьются на мечах, швыряют топоры и копья и еще всякое. А я что могу

против драконьей армии? — В голосе Иккинга проступало отчаяние.

— На самом деле ты на удивление хороший мечник...

Иккинг махнул в сторону Одинклыка больной рукой:

— Ну уж точно не сейчас! Я и клинок-то не удержу. Что я, зашлепаю противника до смерти? Или слюнями забрызгаю — то-то страху будет...

Одинклык пропустил его слова мимо ушей:

— Нам надо как можно скорее выбраться с этого острова. Я видел, как Ярогнев всю ночь рассылал поисковые отряды на охоту за тобой, и... Ой, мамочки!

Бурый дракончик резко вскрикнул и, округлив и без того большие глаза, уставился на крохотный коричневый дротик, торчащий из его костлявой лопатки.

— Ой! Тор всемогущий, в меня попали! — пискнул Одинклык.

Многие виды драконов пуляются крохотными дротиками, содержащими слабые дозы яда, от которых жертва засыпает. Одинклык указал крылышком в поросшие травой дюны:

— Тревога! Тревога! Поисковый отряд Драконьего восстания!

Иккинг резко обернулся. На берегу никого не было, только густой черный дым, да ветер, да крики чаек.

ДЗЫНЬ!

Очередная стрелка мелькнула всего в паре дюймов от носа Иккинга. Вроде бы она прилетела с откоса на берегу. Времени на раздумья не оставалось, и Иккинг просто решил бежать.

Он вскочил на ноги и сделал неприятное открытие, что вся левая сторона у него не только необычного цвета, но и онемела следом за рукой. Он словно стал наполовину медузой.

Иккинг заковылял вперед, шатаясь, как пьяный матрос, споткнулся и упал, — как оказалось, очень вовремя, потому что очередной дротик благополучно миновал его, пролетев над головой. Мальчик подкатился к Одиноклыку, вынул у дракончика из-под лопатки стрелку и засунул малыша под потрепанные остатки безрукавки.

— **Ты живой?** — стуча зубами, спросил Иккинг.

— **Все в порядке!** — пропищал Одиноклык. — **Некоторое онемение присутствует, но в остальном все нормально...**

ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ!

Иккинг откатился за большой валун неподалеку. Мелкие дротики летели с заросшего травой края пляжа. С колотящимся от страха сердцем Иккинг

прикинул направление и, вывернув шею, попытался выглянуть из-за камня единственным здоровым глазом...

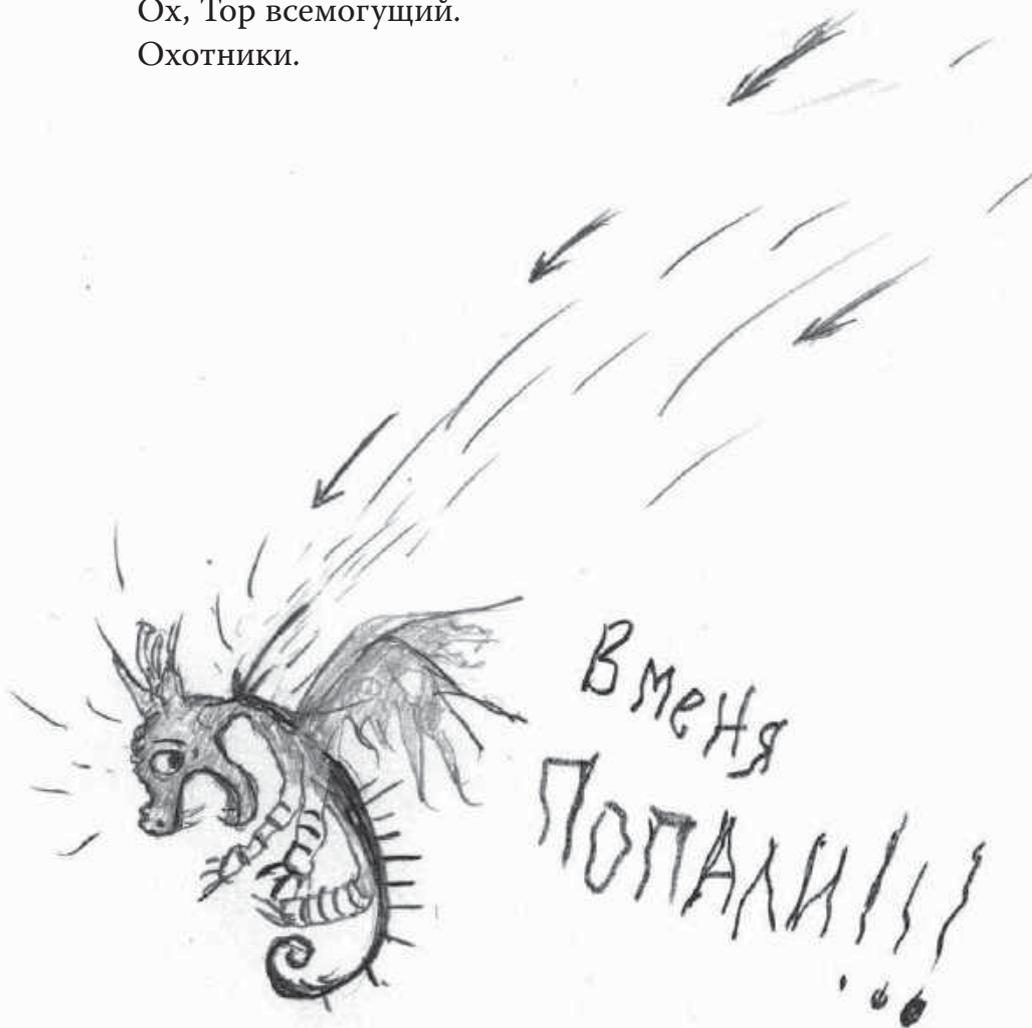
И тут, сквозь дым и туман, он их увидел.

Глаза.

Светящиеся в темноте драконьи глаза.

Ох, Тор всемогущий.

Охотники.

2. ВИДИТЕ, И ПЯТИ МИНУТ НЕ ПРОШЛО, А УЖЕ ОПЯТЬ СТАЛО ХУЖЕ

— Что происходит? — прошептал Иккинг Одинклыку. — Кто эти драконы? Почему они хотят меня убить?

У Одинклыка нехорошо набрякли веки — казалось, он вот-вот потеряет сознание.

— Я тебе рассказывал... — пропищал он. — Это Мятежные драконы. Они не пускают тебя стать Королем, потому что ты Герой, который находит Утраченные Сокровища...

— Что?! — заорал Иккинг, а в это время...

ДЗ-З-ЗЫНЬ!!!

...валун, за которым они прятались, накрыла новая туча дротиков.

— О боги... — И Одинклык, чувствуя, что засыпает, зачастил еще быстрее: — Это очень-очень длинная история, Иккинг, но так важно, чтобы ты все понимал... С чего начать? Давным-давно на острове Завтра Король Чернобород Оголтельый убил своего сына Иккинга Второго, решив, что тот поднял против него

Привет

Драконье восстание, и заключил сыновнего дракона, Ярогнева, в лесную тюрьму...

— У нас нет времени на ВСЮ историю! — крикнул Иккинг под «ДЗЗЗЫНЬ-ДЗ-ЗЫНЬ-ДЗЫНЬ» летящих над головой дротиков. — Расскажи самое важное!

— В ней все важное! — пискнул Одинклык в полной панике.

— Поищу-ка я нам укрытие побезопаснее, — сказал Иккинг. — Этот валун маловат...

Тут, откуда ни возьмись, кто-то заерзал по загровку Иккинга и баском поинтересовался:

— А где печеньки?

У Иккинга чуть сердце не лопнуло.

— А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А! — заорал он и отчаянно принялся лупцевать себя по затылку, вполне резонно решив, что на него напали сзади и схватили за шею.

— Не волнуйся, не волнуйся, — успокаивающе заворковал Одинклык. — Это просто еще один дракончик. Должно быть, ты сунул его к себе в рюкзак, чтоб защитить, когда корабль

тонул. Не бойся, он не опасен, он на нашей стороне... Наверное, только что проснулся...

И точно, на спине у Иккинга висел небольшой, изрядно подданный рюкзак. Из рюкзака с жужжанием вылетел маленький, круглый домашний дракончик, больше всего напоминавший веселого поросенка.

Это был Мухрюндель.

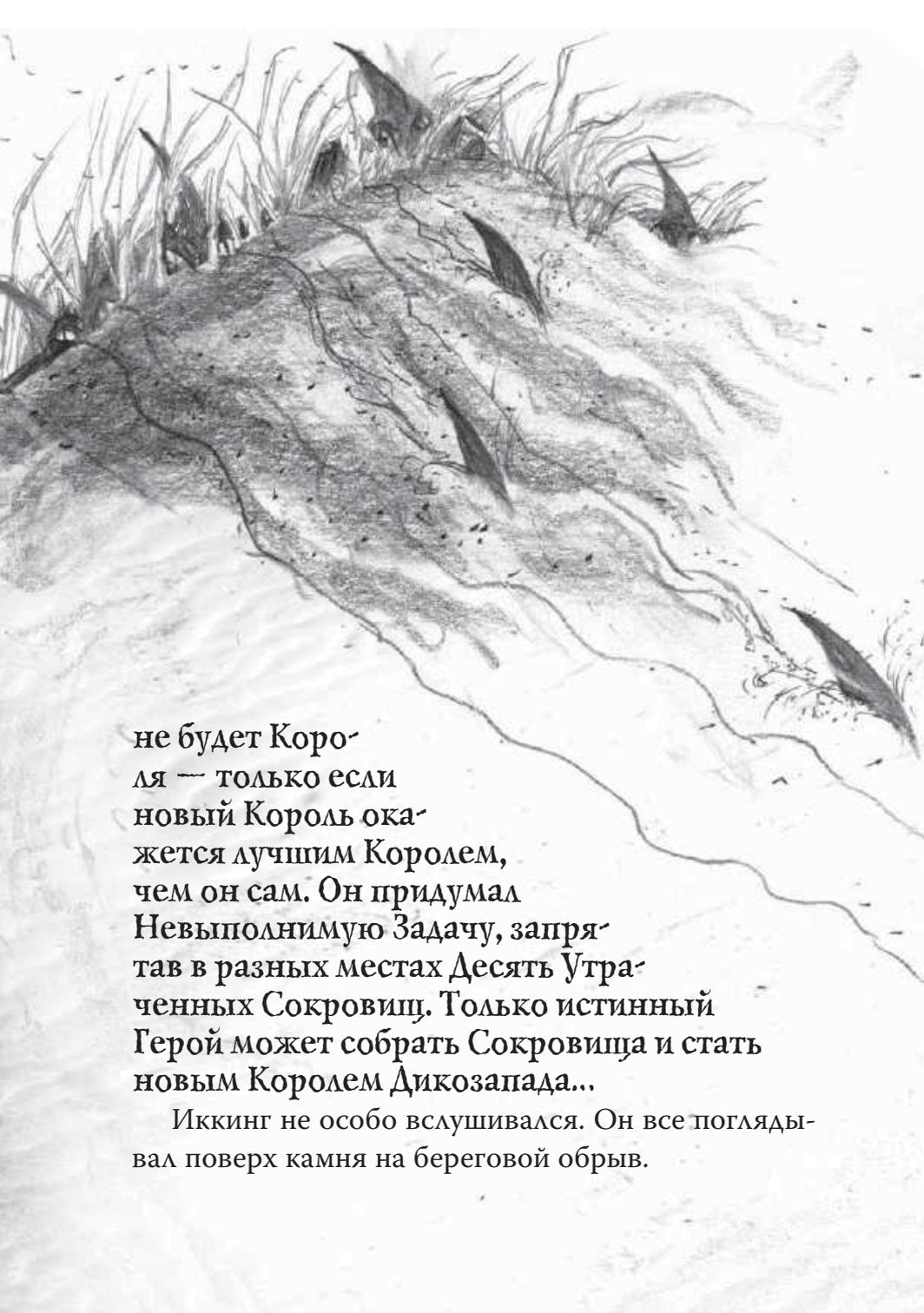
Мухрюндели — самые глупые и самые добродушные драконы в Варварском архипелаге. Врага они скорее залижут, чем укусят, и хлопот от них больше, чем толку.

— Гав! Вуф! — с воодушевлением пролаял маленький Мухрюндель (он почему-то считал себя собакой). — Привет, мамочка! Чайку? Я мигом! Я по самое не могу к вашим услугам!

— О боги... да уж, не сомневаюсь, — простонал Иккинг в легкой истерике. — Но ты пока просто оставайся с нами тут за камнем и постарайся, чтоб тебя не ПРИСТРЕЛИЛИ.

— Вернемся к нашей истории, — продолжал Одиноклык. — Так вот, Чернобород Оголтельый раскаялся и провозгласил, что на Дикозападе больше никогда

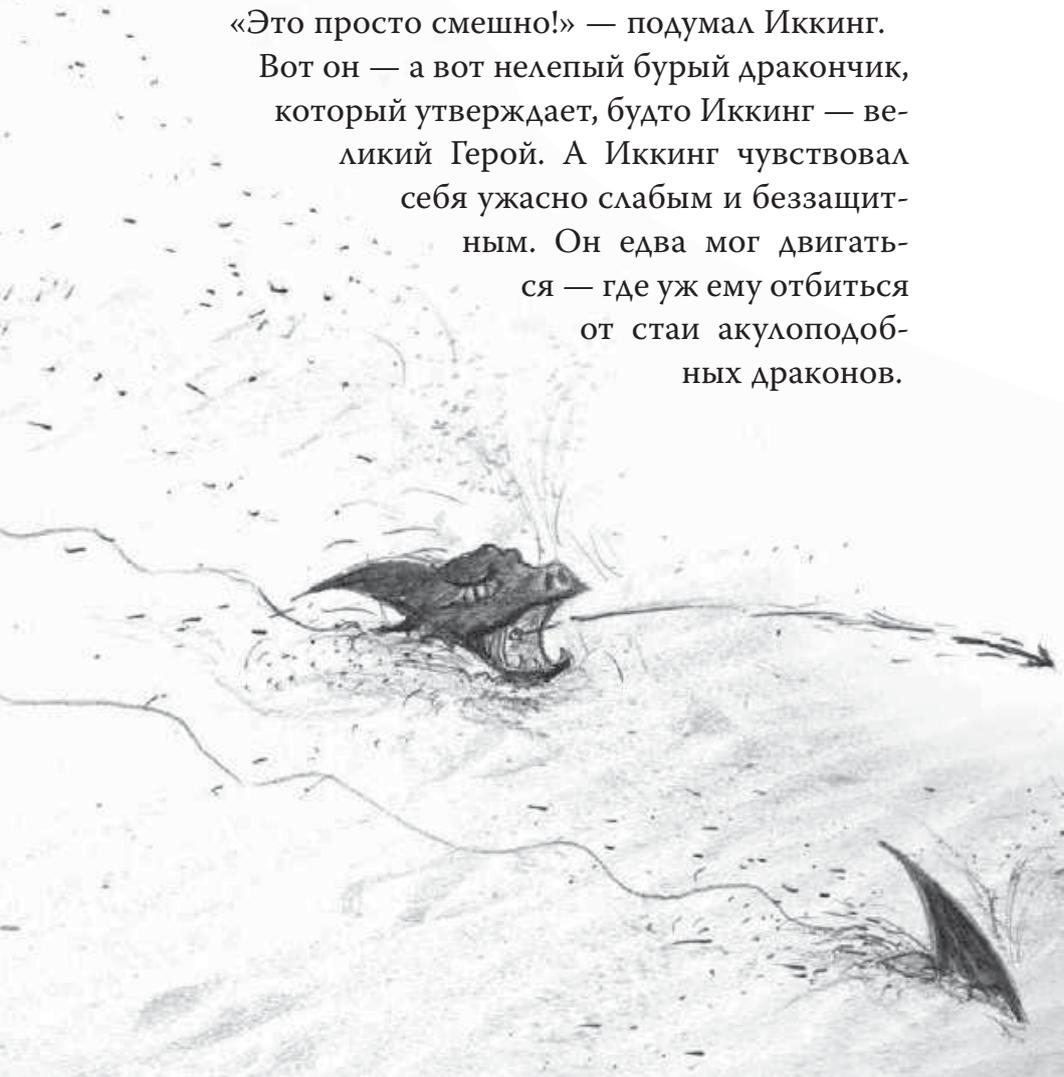
не будет Коро-
ля — только если
новый Король ока-
жется лучшим Королем,
чем он сам. Он придумал
Невыполнимую Задачу, запрят-
ав в разных местах Десять Утра-
ченных Сокровищ. Только истинный
Герой может собрать Сокровища и стать
новым Королем Дикозапада...

Иккинг не особо вслушивался. Он все поглядывал поверх камня на береговой обрыв.

Темные фигуры украдкой перебирались через гребень и тут же зарывались в прибрежный песок — только плавники на макушках торчали наружу. А потом эти акулы плавники принялись рассекать песок, как воду. Время от времени твари высовывали головы и плевались отравленными дротиками.

«Это просто смешно!» — подумал Иккинг.

Вот он — а вот нелепый бурый дракончик, который утверждает, будто Иккинг — великий Герой. А Иккинг чувствовал себя ужасно слабым и беззащитным. Он едва мог двигаться — где уж ему отбиться от стаи акулородных драконов.

И тут, откуда ни возьмись, словно тролль из сундука, выскочило воспоминание: «Пескакулы».

Он знал, что эти драконы — песакакулы.

Откуда — непонятно, просто знал.

И, как выяснилось, не только это.

Он знал о них все.

Знал, что это стайные звери размером примерно с собаку или волка. Способны завалить добычу гораздо крупнее себя — с помощью усыпляющих стрелок. Получив некоторое количество дротиков, жертва теряет сознание, а песакакулы насаждают на нее всем скопом и убивают без борьбы.

— Как ни прискорбно, — пищал Одиноклык, упорно продолжая рассказ, хотя никто не слушал, — хотя именно ты, Иккинг, нашел все Утраченные Сокровища, Элвин Вероломный украл их у тебя, и вот-вот его коронуют. А как только

он станет Королем, он узнает тайну Драконьего Камня, обладающего властью уничтожить всех драконов навек... Ты слушаешь, Иккинг?

Нет, Иккинг, как ни странно, не слушал.

У него было дело поважнее — остаться в живых.

Одинклык пока не отключился, следовательно, чтобы усыпить более крупное существо вроде Иккинга понадобится пять-шесть стрелок. Чуть поодаль торчал из песка остов разбитого корабля — вполне можно докатиться. Если удастся добраться до этого укрытия, не заполучив по пути слишком много дротиков, появится время подумать, что делать дальше...

Но у Мухрюнделя были другие планы.

— Ой, смотри, эти драконы играют в «палочку»! — возбужденно пропищал дракончик. — «Палочка» — моя любимая игра! Она гораздо лучше прятков! И я ее ТАК умею!

Не успел Иккинг его задержать, как Мухрюндель вылетел из-за валуна и принялся метаться туда-сюда в попытках поймать дротики пастью.

— Нет! — испуганно и раздраженно крикнул Иккинг. — Нет, Мухрюндель, нет! Нельзя ловить дротики! Они отравлены!

Но Мухрюндель не слушал.

— Классные дротики! — распевал он, на радостях так быстро виляя хвостиком-завитушкой, что хвостик слился в размытое пятно. — Стрелочки мои! ЛЕТИТЕ к Мухрюнделю!

— Стрелки ПЛОХИЕ, Мухрюндель, ПЛОХИЕ! — орал Иккинг, а Мухрюндель гнался за тремя или четырьмя сразу.

От возбуждения он всегда жужжал громче обычного, а новая игра так захватила его, что он и вовсе не слышал Иккинга из-за собственного жужжания.

— Тьфу ты! — пискнул Мухрюндель, упустив очередную стрелку.

— Почти! — взвизгнул он, когда его поросычьи зубки снова щелкнули в пустоте.

К счастью, Мухрюндель был не просто не таким хорошим игроком в «палочку», каким себя считал, но совершенно безнадежным. Однако дротики вокруг летали тучами, и попадание было только вопросом времени.

— Ой, ну этот-то я точно поймаю... — сказал себе Мухрюндель, заметив летящий прямо на него дротик, прищурился и ловко развернулся так, чтобы оказаться точно на пути стрелки.

Иккинг перенес вес на правую ногу и, собрав все силы, совершил Геройский ПРЫЖОК к Мухрюнделю, успев подставить под дротик разбухшее левое предплечье, и снова упал лицом в песок.

— Mamочка тоже играет! — прочирикал Мухрюндель. — Молодец, мамочка!

Дракончик так возбудился, что надулся и плавал в воздухе на расстоянии вытянутой руки от Иккинга. Тот потянулся, поймал пролетающего Мухрюнделя за хвостик-закорючку и под шквалом дротиков частью запрыгал, частью покатился вперед, волоча себя, сонного Одиноклыка и надувшегося, перевозбужденного Мухрюнделя под прикрытие корабельного остова.

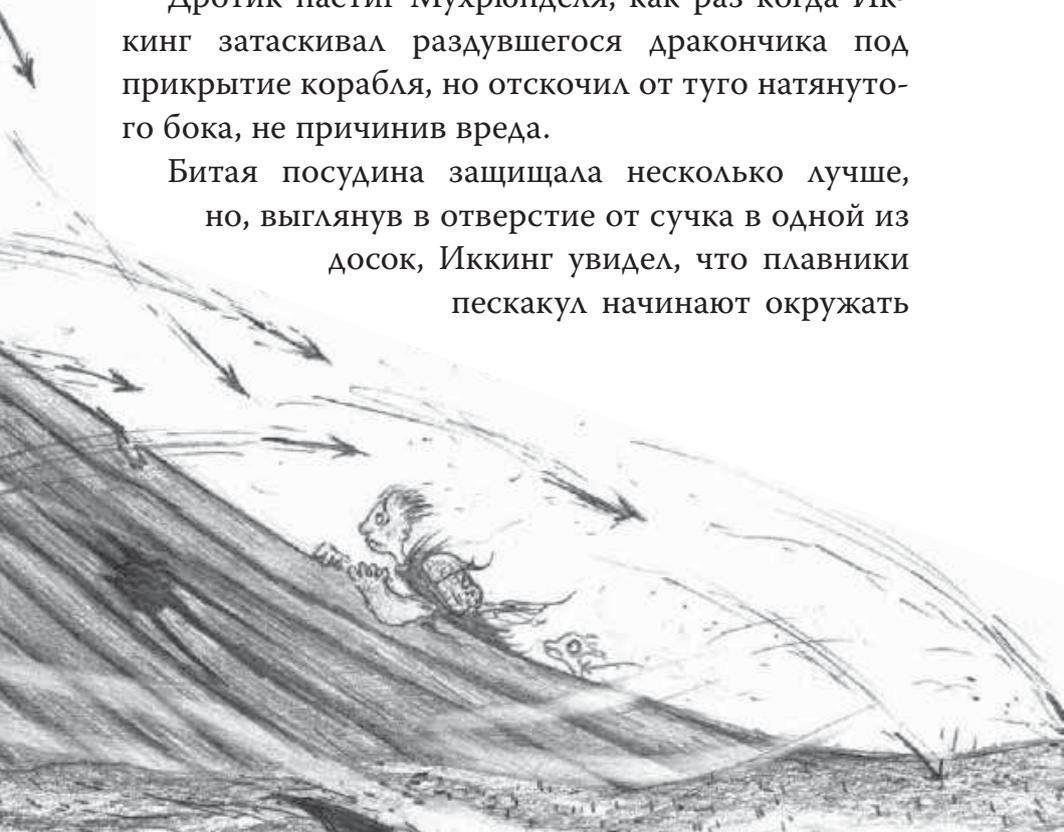
ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ!

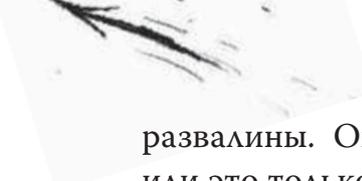
Три стрелки вонзились в обшивку в тот самый миг, когда Иккинг нырнул внутрь.

БАМС!

Дротик настиг Мухрюнделя, как раз когда Иккинг затаскивал раздувшегося дракончика под прикрытие корабля, но отскочил от туго натянутого бока, не причинив вреда.

Битая посуда защищала несколько лучше, но, выглянув в отверстие от сучка в одной из досок, Иккинг увидел, что плавники песакаул начинают окружать

развалины. Они правда подобрались еще ближе или это только кажется?

Тяжело дыша от страха, Иккинг лихорадочно ощупывал Мухрюнделя.

— Как ты себя чувствуешь, малыш?

— Прекрасно! — весело пискнул дракончик. — Один в меня попал, но я был УХ, и он от меня просто БАМС! Слышал? Слышал? БАМС!

Приободрившись, Иккинг переключил внимание на дротик у себя в предплечье. Вся левая сторона у него и так уже онемела, разницы не чувствовалось.

Однако, вытаскивая стрелку, он с отвращением заметил у себя в руке пару неких штучек. Штучки были белые и до тошноты напоминали зубы. ГАДОСТЬ.

— Одиноклык, ты не в курсе, откуда у меня в руке два ЗУБА? — спросил Иккинг, с омерзением разглядывая находку.

— Ах да, — успокаивающе закурлыкал Одиноклык, — забыл упомянуть, маленькая дополнительная неприятность: тебя вчера укусила вампир-ищейка.

ВАМПИР-ИЩЕЙКА? Тор всемогущий... Иккинг снова припал подбитым глазом к дырке от сучка. Все новые и новые песакулы выныривали из травы на обрыве и зарывались в песок. Их плав-

ники подбирались все ближе и ближе к разбитому кораблю...

Погодите секундочку! А это что там, на самом краю россыпи плавников? Явно не песакаула!

В траве светились два красных глаза. Казалось, они парили в воздухе, а затем вокруг них медленно проступила тварь куда страшнее песакаулы — дракон-хамелеон с головой нетопыря и телом обезьяны...

«Вампир-ищейка», — щелкнуло у Иккинга в голове.

Так вот почему поисковый отряд с такой легкостью его обнаружил. Вампиры-ищейки и песакаулы охотятся почти одинаково.

Только вампиры не плюются дротиками, а кусают жертву, оставляя в ней один или два зуба, а потом отпускают. Яд от укуса постепенно парализует жертву, а вампир находит ослабевшую добычу с помощью следящего устройства в виде собственных зубов. Они тикают внутри тела укушенного, как часы.

Извините. Гадость, но правда.

— Ох, Тор всемогущий, час от часу не легче... — пробормотал Иккинг себе под нос.

— **Вернемся к истории,** — пропищал Одиноклык, пуча в тревоге глаза. — **Ты должен добраться до острова Завтра, Иккинг, и стать Королем вместо Элвина!**

— К троллям историю! — рявкнул Иккинг. — Не время для историй! Потом расскажешь...

— Для историй всегда время! — взвизгнул Одинклык. — Эти драконы здесь и сейчас всего лишь мелкая неприятность, я же пытаюсь изложить тебе общую картину...

— Эти мелкие неприятности вот-вот нас прикончат! — в панике перебил Иккинг.

Трясущимися руками он подобрал пару камней и швырнул их как можно дальше в сторону нападающих. Камни с глухим стуком упали на песок — мимо.

— **ТЫ ДОЛЖЕН ВЫСЛУШАТЬ МЕНЯ, ИККИНГ!** — взмолился Одинклык. Он уже так отчаялся, что невероятным усилием вскарабкался по безрукавке Иккинга, уселся прямо перед его лицом, взял мальчика крылышками за щеки и уставился ему в глаза.

Вот теперь он завладел вниманием слушателя. Гипнотический взгляд желтых глаз моредраконуса всегда приковывает внимание.

— Если Элвин Вероломный станет Королем, он воспользуется силой Камня, чтобы уничтожить драконов **НАВЕКИ!** — выкрикнул бурый дракончик в лихорадочной тревоге. — Поэтому **ТЫ** должен остановить Элвина! **ТЫ** должен перебраться на остров Завтра, и **ТЫ** должен стать Королем вместо него! А потом

ТЫ выедешь навстречу Ярогневу и убедишь его отозвать восстание! Вот почему это так срочно! Вот почему мы так спешим!

— Ладно, ладно... — отозвался Иккинг, поглаживая бурого дракончика по шейке — уж больно расстроенный у того был вид. — Сделаю, сделаю...

— Но это **ОЧЕНЬ ТРУДНО!** — взвизгнул Одинклык. — Потому что у тебя нет ни **ЛОДКИ**, ни **УТРАЧЕННЫХ СОКРОВИЩ**, ни **ОРУЖИЯ**...

— Не волнуйся, я все сделаю...

— Очень важно, что Судьба привела нас на Последний Приют, Иккинг. Не могу сказать тебе, почему это так важно, но именно здесь был похоронен Чернобород Оголтельй.

Люди не знают, что ты еще жив, потому что вчера Элвин убил твоего двоюродного брата Сморкалу, и все думают, что это был ты... — Голос Одинклыка звучал уже очень устало, и старичок тараторил как можно быстрее, понимая, что вот-вот отключится. — **Короче, не доверяй НИКОМУ. Все хотят тебя убить. Ярогнев, Элвин — ВСЕ ПЫТАЮТСЯ ТЕБЯ УБИТЬ...**

— Не стану я никому доверять, — утешительно пообещал Иккинг.

— И наконец, Иккинг, когда доберешься до Завтра, ни в коем случае не...

Но больше Одинклык ничего не успел сказать. Под действием сонного зелья с песакакульего дробтика веки его тяжелели, раздвоенный язычок заплетался.

Он сделал последнюю попытку:

— Ни в коем случае не...

Но поздно.

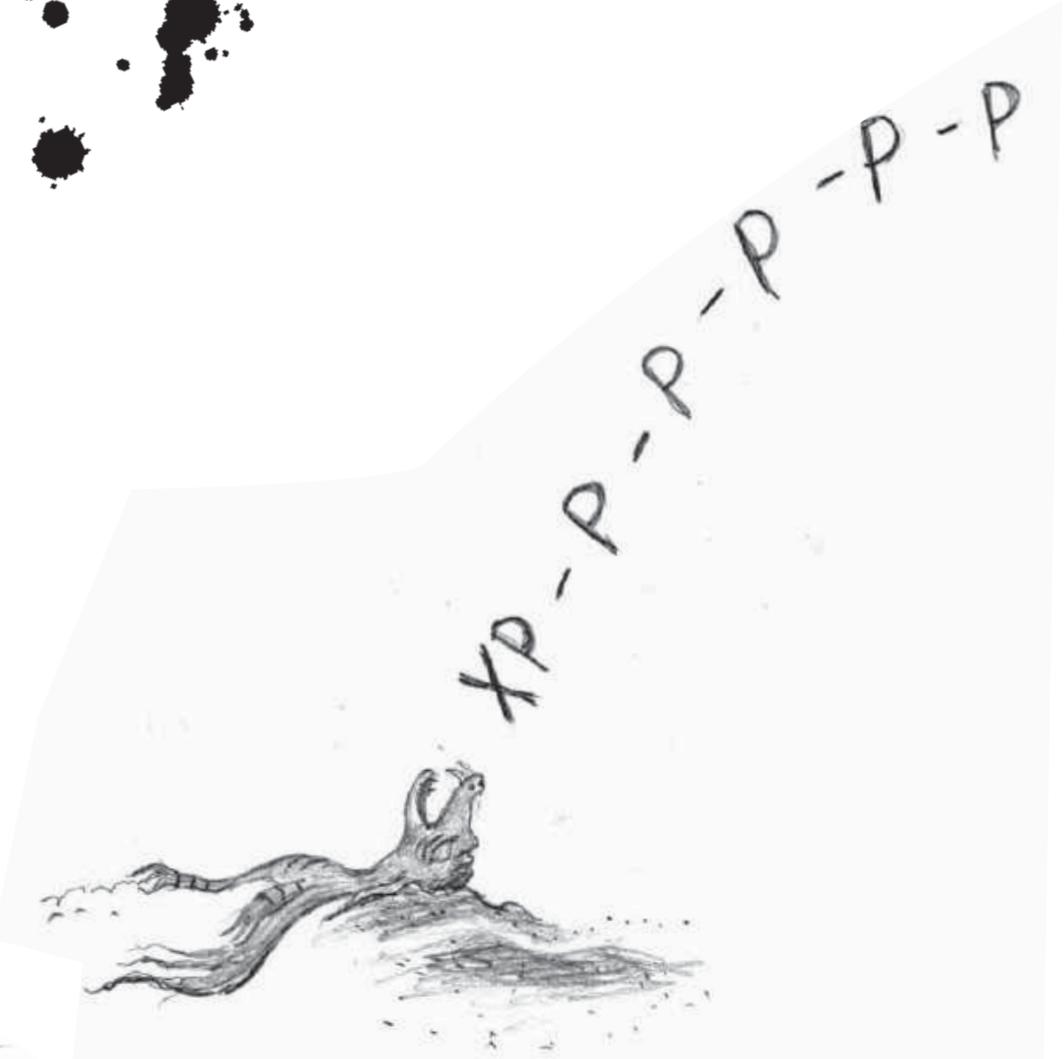
Одинклык закрыл глаза и обмяк, не успев договорить.

Что было очень некстати по меньшей мере, поскольку сказать-то он пытался вот что: «Когда доберешься до Завтра, ни в коем случае не высаживайся на песок, потому что его охраняют Стражи-Защитники Завтра». И это были очень важные сведения.

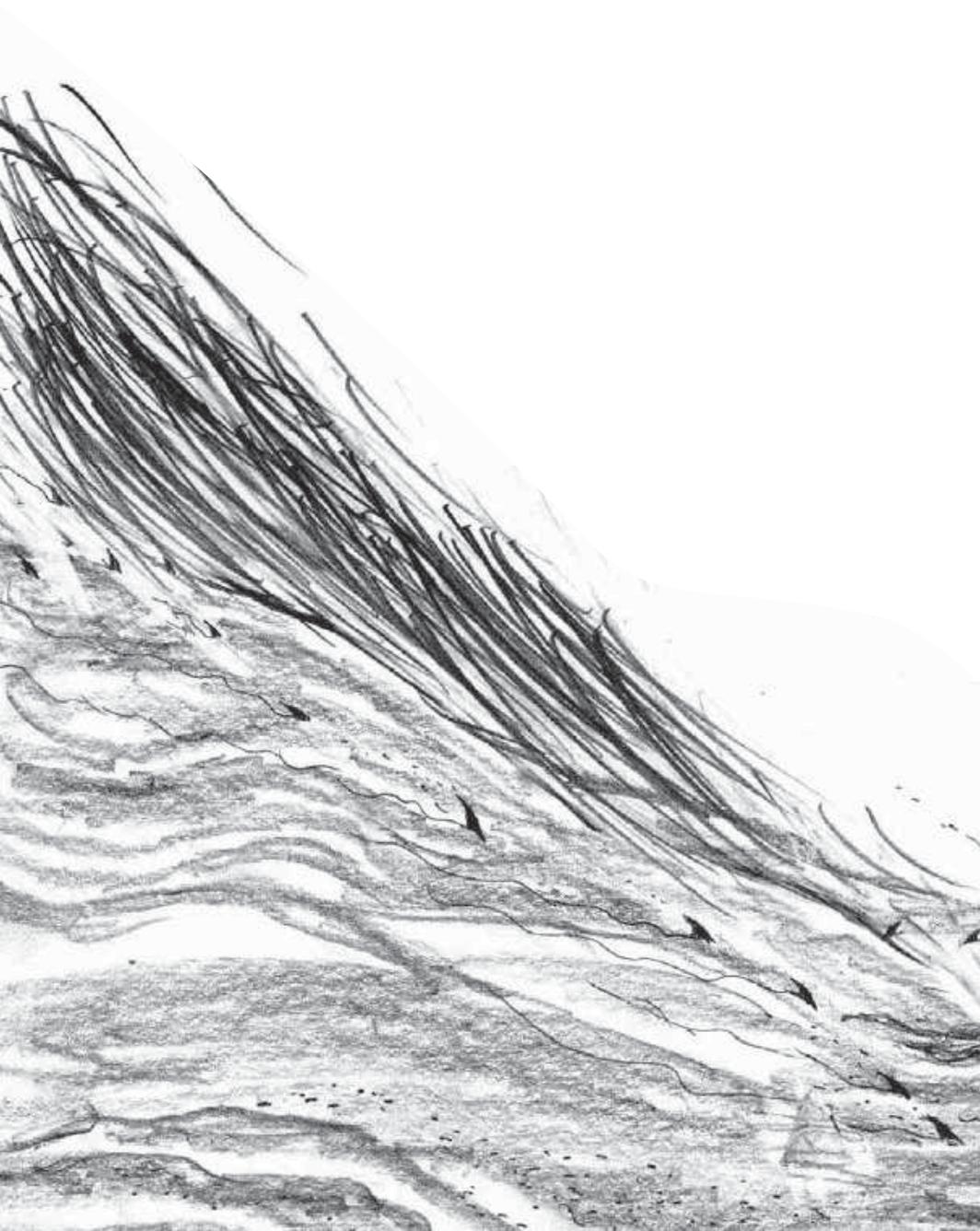
Одинклык был совершенно прав.

Как бы плохо все ни складывалось, всегда может стать еще хуже.

Хр-р-р-р-р-р-р-р

3. МЕЛКАЯ НЕПРИЯТНОСТЬ

Пять минут назад Одинклык пытался разбудить пребывающего в обмороке мальчишку.

Теперь они поменялись ролями.

— **Очнись!** — шептал Иккинг, нежно потряхивая дракончика и щекоча его за ушами. — **Пожалуйста... очнись! Я не знаю, что делать!**

Яд в дротике не убил Одинклыка, но оказался достаточно силен, чтобы очень крепко усыпить дракончика. И теперь он похрапывал, на удивление громко и раскатисто для такого малыша, в счастливом неведении о надвигающейся драконьей атаке.

Не паниковать, НЕ ПАНИКОВАТЬ...

Силы врага: тридцать песакаул и один ну очень жуткий вампир-ищейка.

Силы Иккинга: спящий Одинклык, полупарализованный Герой, способный только скакать на одной ноге или ползать, в теле у которого засело отвратительное следящее устройство, и один

очень милый, но до крайности глупый Мухрюндель, выжидательно пыхтящий перед человеком, вывалив язык.

Все ближе и ближе подползали пессакулы.

Все ближе и ближе подбирался вампир-ищейка.

Чем ближе подбирался вампир, тем сильнее горела от боли рука у Иккинга, словно зубы чувствовали присутствие хозяина. Они шевелились внутри мышцы, и их зазубренные краешки причиняли Иккингу настоящие страдания.

И тут он расслышал жуткое сопение по ту сторону деревянного корпуса судна.

Ох, ради Тора, враги уже так близко, что слышно их пыхтение. Надо взглянуть еще разок...

Иккинг едва успел отпрянуть от дырочки из-под сучка: к его полному ужасу, с той стороны в укрытие заглядывал гигантский глаз вампира-ищейки.

Дрожа, Иккинг дождался, пока глаз уберется, и выглянул в дырочку сам.

Дракон-ищейка припал к земле прямо перед кораблем, так близко, что Иккинг видел, как шевелится, принюхиваясь, его нос и капает слюна с вампирских клыков. Враг издавал угрожающее «чак-чак», возникающее у драконов в глубине гор-тани, когда они вот-вот набросятся... Длинный извилистый хвост оплетала какая-то веревка и волочилась за ним по песку¹.

Надо срочно что-то делать, что угодно, иначе они обречены.

И тут Иккинга посетила безумная идея. Дротики не подействовали на раздутого Мухрюнделя... Надо заставить дракончика отвлечь песакул, пока сам Иккинг разбирается с вампиром.

— Мухрюндель, мне нужна твоя помощь, — прошептал Иккинг настойчиво. — Я хочу, чтобы ты поиграл в пятнашки...

— Ой, ОБОЖАЮ пятнашки! — воодушевленно пискнул Мухрюндель. — А кто вода? Ты или я?

¹ Вербка осталась после боя Иккинга с вампиром-ищейкой в предыдущей книге.

— Водами будут песакаулы, — прошептал Иккинг.

— Это те, которые поют такую красивую песенку? — уточнил Мухрюндель.

— Они-они, — подтвердил Иккинг. — Но тебе придется сделаться УХ, Мухрюндель.

— Вот так? — Дракончик изо всех сил сосредоточился и раздулся, как воздушный шар.

— Именно, — похвалил Иккинг. — А потом я хочу, чтобы ты вылетел наружу, только ни за что не дай им себя поймать...

— Заметано!

Мухрюндель сделался круглым и лиловым, как здоровенная виноградина, если можно представить себе виноградину с хвостиком-закорючкой и поросячьей мордочкой, которая вся аж светится от счастья.

— **ОБОЖАЮ** играть в пятнашки! В пятнашки я умею даже лучше, чем в «палочку»! Им **НИ ЗА ЧТО** не поймать меня!

Вот они удивятся-то...

НЕ ПОЙМА

БАМ!!!

ЕТЕ МЕНЯ!!!

— Жди, пока не подам сигнал, — прошептал Иккинг, снимая безвольное тельце Одиноклыка с безрукавки и укладывая его в рюкзак — для безопасности.

Затем он сгреб большую охапку водорослей и прилепил себе на голову, а сам обмазался мокрым песком и илом.

Мухрюндель притаился под самым краем борта, круглый как луна, и возбужденно хихикал про себя.

— Вот они удивятся то... — весело похрюкивал он.

Иккинг преник глазом к дырке от сучка. Вампир-ищейка пригнулся еще ниже, готовый напасть...

— Пошел! — шепнул Иккинг.

Мухрюндель пробкой вылетел из-за борта, вереща:

— Не поймаете меня!

БАМС! БАМС! БАМС! БАМС!

БАМС! БАМС! БАМС! БАМС!

Пескакулы выпустили дротики одновременно, но все стрелки срикошетили от круглого тельца надутого Мухрюнделя и попадали на песок, не причинив вреда.

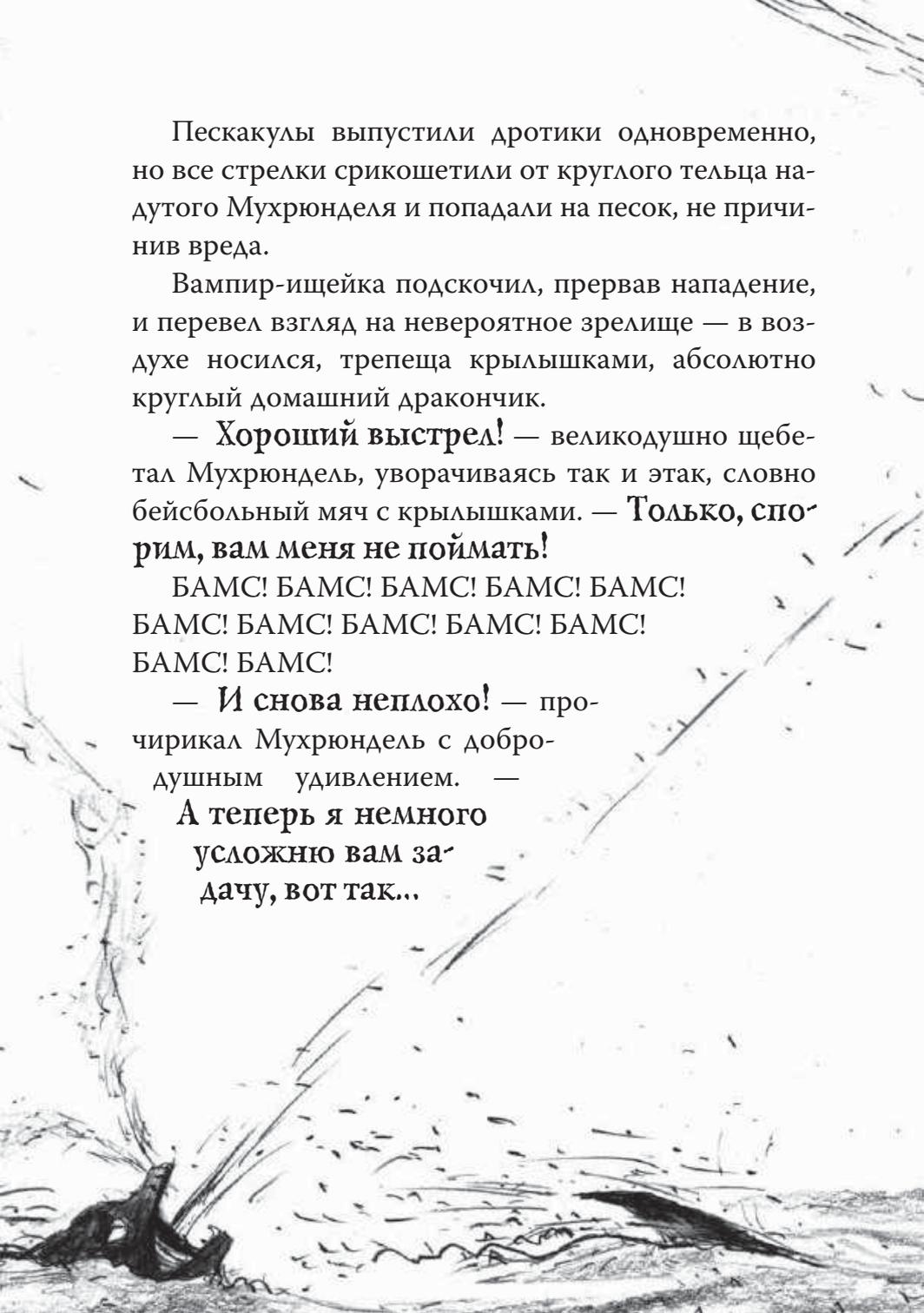
Вампир-ищейка подскочил, прервав нападение, и перевел взгляд на невероятное зрелище — в воздухе носился, трепеща крылышками, абсолютно круглый домашний дракончик.

— **Хороший выстрел!** — великодушно щебетал Мухрюндель, уворачиваясь так и этак, словно бейсбольный мяч с крылышками. — **Только, спорим, вам меня не поймать!**

БАМС! БАМС! БАМС! БАМС! БАМС!
БАМС! БАМС! БАМС! БАМС! БАМС!
БАМС! БАМС!

— **И снова неплохо!** — прочирикал Мухрюндель с добродушным удивлением. —

А теперь я немного усложню вам задачу, вот так...

БАМС! БАМС! БАМС! БАМС! БАМС! БАМС!

За мгновение, пока вампир-ищейка изумленно тарачился на Мухрюнделя, Иккинг выполз из-под укрытия. Сердце у него тяжело колотилось, а предплечье горело так, что ему пришлось закусить губу, чтоб не орать в голос. Облепленный песком и илом, в модной шапке из водорослей, Иккинг как можно быстрее извивался на песке, волоча раздутую и онемевшую половину тела.

Пескакулы ничего подобного Мухрюнделю никогда раньше не видели. Чем гуще они осыпали его дротиками, тем больше стрелок отскакивало от кругленького тельца. Это

сбивало с толку. Хищники выпустили по умильно-му домашнему дракончику столько дротиков, что накачанная ядом под завязку малявка должна была бы уже валяться замертво на песке, а не порхать взад-вперед и вести светскую беседу.

— Ой, ребята, у вас так здорово получается! Наверное, вы не первый раз играете! Но вы же не ожидали... такого...

БАМС! БАМС! БАМС! БАМС! БАМС! БАМС!
БАМС! БАМС!

— Ой! — удивленно воскликнул Мухрюндель. — Ожидали!

— Ссдоххни, жирный мелкий дракошши-ка, сссдохххни! — шипели песакаулы, поливая Мухрюнделя дротиками.

Толстячку, разумеется, было хоть бы хны, и от ярости песакаулы потеряли головы (как это часто бывает) и принялись расстреливать его уже в упор, слишком сильно сжав круг, так что оказались почти рядом друг с другом. Вампир-ищейка замороженно наблюдал за ними.

Пока внимание вампира-ищейки было занято боем, Иккинг переполз на другую сторону. Он осторожно подобрал волочащуюся за вампирским хвостом веревку и обмотал ее вокруг гигантского, поросшего крупными толстыми ракушками валуна. Узел он использовал самый крепкий, какой знал, — нерушимо крепкий рифовый жесткач, которому некогда научил его отец.

Странно устроено человеческое сознание. Про отца Иккинг начисто забыл, а как вязать нерушимо крепкий рифовый жесткач — помнил.

И только-только он закончил вязать узел, как вампир-ищейка ме-е-едленно стал поворачивать голову от захватывающего выступления Мухрюн-дедя обратно к кораблю.

Иккинг как можно быстрее пополз в противоположную сторону. Сердце колотилось, под ложечкой сосало, предплечье разрывалось от боли.

Вампир взглянул на корабль, сообразил, что зубов там больше нет, и резко обернулся. Иккинг застыл как изваяние, в жалкой надежде, что дракон примет его за камень с кучкой водорослей наверху.

Однако песчано-водорослевая маскировка не помогла — вампир-ищейка тут же его узнал. Глаза у дракона засветились красным...

С леденящим воплем дракон бросился к Иккингу, выставив когти и ощерив клыки. Под чешуей перекачивалась могучая мускулатура.

Иккинг тоже заорал и неуклюже попятился — на миг ему показалось, что он слишком близко...

Но посреди прыжка веревка размоталась до конца и дернула вампира-ищейку назад — в последний момент. Страшные челюсти щелкнули в воздухе перед самым носом Иккинга. Тварь обдала героя смрадным дыханием, едва не откусив ему голову.

— Йяаоу-у-у! — взвыл вампир-ищейка, ведь привязанная к валуну веревка очень больно дернула его за хвост. А все знают, что это очень неудобно, когда тебя тянут за хвост, и к тому же унижительно.

— Йяаоу-у-у! — снова взвыл дракон.

И тут вампир-ищейка взбесился.

Он заметался, пытаясь удрать, но только запутался еще больше. Он дергал веревку, тянул во все стороны изо всех сил и бился так отчаянно, что, несмотря на боль в хвосте, ухитрился сдвинуть камень на пару дюймов. Но нерушимо крепкий рифовый жесткач держал крепко.

Вот почему с незапамятных времен все викингские отцы утверждают, что очень важно как следует владеть искусством вязания узлов.

«Придет день, — говорят папы-викинги, — когда ты возблаговаришь свою счастливую звезду, что применил нерушимо крепкий рифовый жесткач, а не скользкую-прескользкую скользящую петлю».

И это совершенно справедливо: когда привязываешь вампира-ищейку за хвост к валуну, крайне важно правильно выбрать узел.

Однако лучше бы вообще было его не привязывать, и Иккинг скоро понял почему. На самом деле он узнал о вампирах-ищейках нечто новое.

На морде у вампира появилось очень странное выражение, словно он принимал какое-то важное

решение. А затем дернул камень изо всех своих немалых сил, скорчил ужасную рожу и скосил пылающие красным глаза к носу, являя собой воплощение крайней сосредоточенности.

«Ой-ой, — подумал, оглядываясь через плечо, Иккинг. Он наполовину скакал, наполовину полз по песку прочь. — Видал я такое выражение у других драконов. Хвост отбрасывает. Вот не знал, что вампиры-ищейки так умеют...»

Вампир-ищейка действительно отбрасывал хвост.

Способностью этой обладают далеко не все драконы, но и они прибегают к ней только в самом крайнем случае. Большинство созданий очень привязаны к своим хвостам и держатся за них до последнего — разве что положение становится совсем уж отчаянным.

Длинный извилистый хвост вампира-ищейки отделился от хозяйского крупа и упал на песок.

Дракон злобно ухмыльнулся. Хвост его больше не держал, а значит и камень тоже.

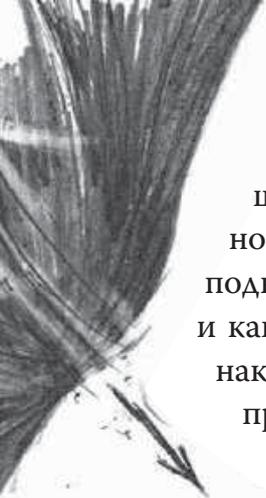
Он был свободен.

Свободен схватить зубами этого гнусного мелкого похитителя клыков и...

Он пошел вперед, как громадная черная пантера: мышцы перекатывались, пасть оскалена в безумной ярости, голова опущена — вот-вот бросится.

«О нет...»

«О нет», — заплакал Иккинг, услышав мягкие, неотвратимые шаги за спиной, подбиравшиеся все ближе. Он, шатаясь, поднялся на единственную здоровую ногу и как можно быстрее заскакал по берегу. Однако довольно трудно, доложу я вам, развить приличную скорость на мокром песке, если можешь только прыгать на одной ноге.

«О нет-нет-нет-нет-нет...»

— Мухрюндель, на помощь! — крикнул Иккинг.

Мухрюндель с озабоченным жужжанием уже завис у вампира-ищейки над плечом.

— Извините, дяденька Страшный Летучий Мыш, но, по-моему, вы что-то обронили, — пропищал дракончик, услужливо показывая лапкой на брошенный хвост.

Вампир пропустил вежливое напоминание мимо ушей и продолжал гнаться за скачущим Иккингом большими тигриными прыжками, из разинутой пасти капала слюна...

Но Мухрюндель полетел за ним, вереща:

— Вы хвост забыли, дяденька Летучий Мыш! Хвост позабыли-и!

А верещал дракончик громко — вдруг бедный Летучий Мыш не только рассеянный, но и глухой. Одержимые песакаулы по-прежнему осыпали Мухрюнделя дротиками, которые обидно отскакивали от неуязвимой круглоты, как камни от железной крыши.

**БАМС! БАМС! БАМС! БАМС! БАМС! БАМС!
БАМС-ДЗЫНЬ!**

Испуганно и сердито взвизгнув, вампир-ищейка остановился как вкопанный посереде прыжка — один из дротиков отскочил от любезного Мухрюнделя и — бамс-дзынь! — воткнулся вампиру в заднюю ногу.

— **Йоу-у-у!** — взвыл вампир-ищейка.

И тут его нагнал запыхавшийся Мухрюндель.

— **Правильно, дяденька, он во-он там!** — пропищал Мухрюндель, указывая всеми четырьмя короткими лапками назад, где печально замер на песке брошенный хвост.

Но вампир-ищейка не слушал.

БАМС-ДЗЫНЬ! БАМС-ДЗЫНЬ! Еще два дротика отскочили от Мухрюнделя и воткнулись в корму вампира, и без того весьма чувствительную после всех мучений с дерганьем и сбрасыванием хвоста.

— **ИЯАРРРО-О-О-О-ОУ!**

Ищейка подскочил на всех четырех. Не веря своим глазам, он уставился на дротики. Уже чувствовалось, как немеют нога и круп.

мы победили! Мухрюндель, мы победили!!!

Он забыл про Иккинга.

Глаза полыхнули красным.

Он разинул могучую пасть, ощерил капающие слюной клыки и с громовым ревом ринулся на песакаул.

Встревоженно покрикивая, песакаулы начали поспешное отступление. Они взлетали, через плечо обстреливая дротиками вампира. Десять, двадцать дротиков вошло в тело преследователя, но он по-прежнему гнался за ними, настигая и безжалостно уничтожая всех песакаул, до кого сумел дотянуться.

Только нашпигованный уже тридцатью дротиками вампир-ищейка наконец остановился, вздрогнул пару раз и опрокинулся на песок в глубоком сне.

Песакаулы, сердито вереща, растаяли в небе.

На берегу остались только спящий вампир-ищейка, неподвижные тела семи-восьми песакаул, жужжащий в недоумении («Куда это все вдруг подевались?») Мухрюндель и покрытый песком Иккинг Кровожадный Карасик III в дурацкой шапке из водорослей.

— О боги, — выдохнул Иккинг. — Просто не верится... мы победили?

Похоже, дело обстояло именно так.

— Мы победили! — Иккинг радостно вскинул сжатый кулак. — **Мы победили! Мухрюндель, мы победили!**

— **Правда?** — неуверенно отозвался Мухрюндель и, медленно-медленно сдуваясь, опустился Иккингу на плечо. — **Я очень удивлен. Ведь у остальных вроде так хорошо получалось...**

— **Я тоже очень удивлен,** — согласился Иккинг, в награду почесывая Мухрюнделю пузико. — **Ты отлично играешь в пятнашки, твои умения нам очень-очень пригодились.**

Иккинг и себе удивлялся.

Он одолел всех этих песакаул!
И вампира-ищейку! И все сам
с помощью одного лишь
Мухрюнделя!

Может, он и вправду такой Герой, как утверждает этот Одиноклык.

Может, раненый, и безоружный, и беспомощный, он и справится.

Но недолгая радость испарилась так же быстро, как сдулся услужливый Мухрюндель.

Ибо туман истончился. И за силуэтами улетающих песакаул, уже не больше чаек на фоне светлеющего неба, сквозь клубы дыма Иккинг впервые разглядел остров Душегубов. От увиденного его затошнило, как если бы желудок его принялся вертеть сальто на палубе корабля в штормовом море.

Внезапно Иккинг понял, что пытался сказать ему Одиноклык. И песакаулы, и вампир-ищейка и вправду были всего лишь мелкими неприятностями.

НАСТОЯЩИЕ ТРУДНОСТИ были впереди.

Душегубский остров с его горами, вонзавшимися в небо, словно ведьмины пальцы, весь кишел драконами.

Иккинг никогда столько драконов не видел.

Тысячи и тысячи и тысячи чудовищ облепили остров так плотно, что под ними не видно было скал.

Занимался рассвет, и драконы начинали просыпаться. Огромными удушливыми облаками поднимались они над горами, кружили, орали, дрались и зависали, словно рой рассерженной саранчи.

Иккинг обнаружил, что с той же легкостью, с какой заговорил по-драконьи, не помня собственного имени, определяет вид дракона по форме крыла, крику и зловещим очертаниям. На острове собрались самые жуткие драконы Варварского архипелага.

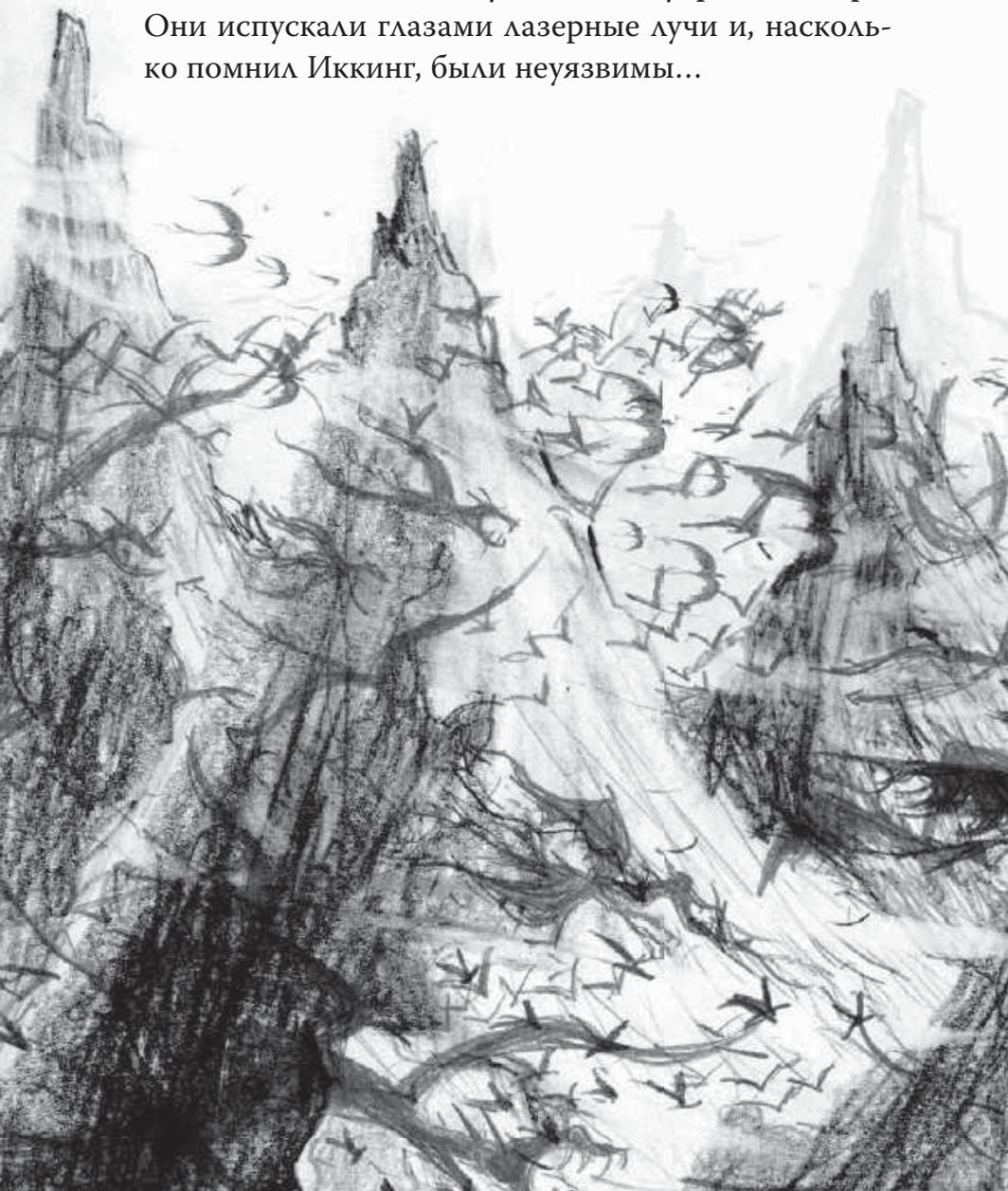
Кошмар стал явью.

Подпальники, духожомы и ядострелы. Мозгоеды, вертокруты и огнефуки с вываленными длинными языками, рогахвосты, бритвокрылы, рыкозавры и шматозавры, саблезубые ездовые и ледовые змии, дрелинги, ужастры и темнодыхи...

Такое безумное множество опасных и злобных видов просто не укладывалось в голове.

Тор всемогущий, это не вислоносые адозубы там? И свирепторы... и... трехглавые бесогоны... и длинные шеи Торových громовников, которые молнии из ноздрей мечут... И... клянусь кудрявой бородой и волосатыми подмышками всемогущего Тора! Не гигантская ли туша Одинова кошмара всплывает там, перед самым островом? Одиновы

кошмары, многоглазые гиганты, обитали в темных и пустынных глубинах Открытого Океана и никогда не заплывали так глубоко во внутренние моря. Они испускали глазами лазерные лучи и, насколько помнил Иккинг, были неуязвимы...

Вода вокруг темной туши Одинова кошмара, насколько хватало глаз, кишела страшными зазубренными плавниками акулогадов...

Вдалеке Иккинг различал смутные очертания других островов архипелага. Все они были охвачены пламенем, дымились как вулканы, и над каждым висела туча драконов, все больше, и больше, и больше, уходя в бесконечность...

Ох, Тор всемогущий...

Рассказ Одиноклыка оказался правдой до последнего слова. Это Драконье восстание. Это последний день Солнцеворотя.

Иккинг только что одолел нескольких пескаул и вампира-ищейку.

Но пескаулы мчались обратно к Душегубским горам, к Ярогневу, к восстанию, и они расскажут там, где прячется Иккинг.

И на сей раз Ярогнев не пошлет за Иккингом пескаул или даже вампира-ищейку. Нет, он отправит вертокрутов, клинозавров, мозгоедов — всех самых страшных бойцов драконьей армии, и они перелетят через узкую полоску воды на крохотный островок, где некуда спрятаться, некуда убежать.

И отбиться Иккинг с Мухрюндедем и спящим Одиноклыком никак не смогут.

Что там Одиноклык говорил про то, что нужно сделать?

Иккинг попытался припомнить рассказ старика. Тогда было не до того, столько всего происходило одновременно...

Иккинг должен добраться до острова под названием Завтра.

Ему надо стать Королем вместо какого-то Элвина.

А потом убедить этого дракона Ярогнева отозвать восстание.

И все в один день.

И у него нет ни лодки, ни Утраченных Сокровищ, ни оружия.

Одинклык был прав.

Это — настоящая проблема.

Вот это проблема.

4. НЕПРИЯТНОСТЬ ПОКРУПНЕЕ

Тем временем чуть к северу от острова Завтра возлежал, наполовину погрузившись в воды Мародерской гавани, необъятный дракон.

Дракон был совершенно неподвижен, словно война превратила его в гору, — или в вулкан, судя по громадным жел-

тым облакам сернистого пара, поднимавшимся от его покрытого боевыми шрамами тела, испещренного следами бесчисленных ран и ожогов. Огромная дымящаяся гора. Ни малейшего движения не происходило на ее склонах — ни усик не шевельнется, ни мышца не дрогнет, ни рябь по чешуе не пробежит, не биения сердца не было заметно — кроме дыма, ничто не говорило, что он жив и сделан не из камня.

Но что это там, на самой верхушке драконогоры? Просто трещина по камню побежала... Дракон приподнял веки, всего на тонюсенький волосок, и стал виден тлеющий глубоко в его глазах огонь, исходящий жаром, как лава в кратере.

Война изменила этого дракона, и отнюдь не к лучшему.

Это был Ярогнев, и сегодня, в день Светопреставления Солнцеворота, он сойдется в поединке с новым Королем Дикозапада.

Дракон хорошенько отдохнул перед битвой и теперь наблюдал за Тесниной Героев, крохотной полоской воды между Душегубскими горами и островом Завтра, как кот наблюдает за мышинной норой.

Великанские глаза Ярогнева видели всё.

Он видел, как вернулись с Последнего Приюта песакулы, и знал, что они расскажут ему, что Иккинг жив.

«Нечего, — спрашивал себя Ярогнев, — совершенно нечего бояться, даже если он и вправду жив, ведь так?»

У мальчишки нет Сокровищ! Ни единого! Следовательно, стоит Иккингу хоть пальцем коснуться песков Завтра... стоит ему даже на драконе хоть на дюйм вторгнуться в воздушные пределы Завтра... что ж, пески оживут и породят ужасных монстров, известных как ДРАКОНЫ-СТРАЖИ ЗАВТРА. Они вырвутся из песка, сцапают мальчишку своими страшными когтями и даруют ему Смерть в воздушном забвении...

Значит, совершенно нечего бояться?

И даже если по некоей невероятной и невозможной случайности Иккинг уцелеет в лапах драконов-стражей и получит корону без Сокровищ, Одиноклык обещал предать нового Короля, даже если этим Королем станет Иккинг, выкрасть у него Драконий Камень и принести его Ярогневу перед битвой.

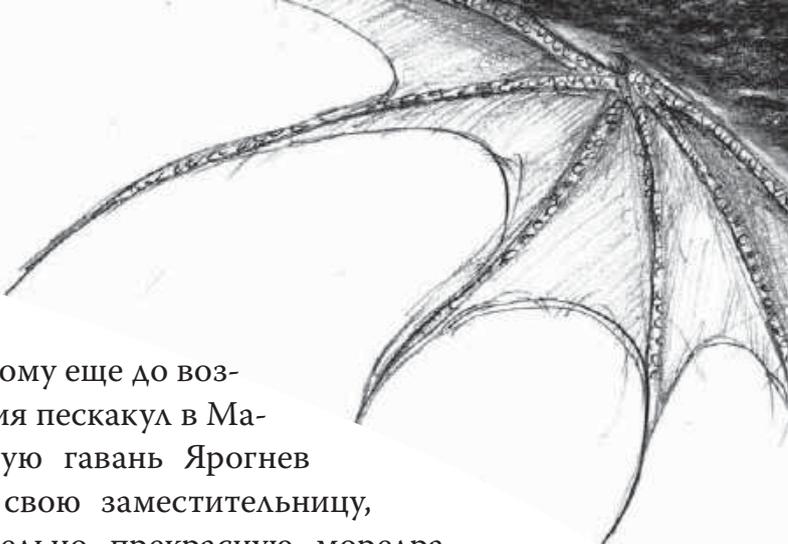
Никакой Король без Камня не победит. Ни Иккинг. Ни Элвин. Никто.

Короля без Камня можно будет переломить пополам, как спичку.

Бояться нечего...

Абсолютно нечего.

Но громадные глаза Ярогнева видели всё. И ему было не по себе.

Поэтому еще до возвращения песакаул в Мародерскую гавань Ярогнев вызвал свою заместительницу, ослепительно прекрасную моредраконницу чуть меньше его самого, по имени Луна. Ее прозвали так, потому что она сияла словно бы лунным светом. Она озаряла темные тучи вокруг, от нее исходили пульсирующие волны жара, и дождевые капли с шипением испарялись, коснувшись ее сияющего тела.

— Возможно, мальчишка жив, Луна... — прошипел Ярогнев.

Ему не требовалось шевелить губами — моредраконусы способны общаться между собой телепатически. Ничто не дрогнуло на поверхности драконоподобной горы, разве что глаза в момент передачи мыслей вспыхнули чуть ярче.

— Отправь своих лучших и самых безжалостных бойцов через Теснину Героев на поиски мальчишки. И, Луна... сама туда не летай.

— Ты не доверишь мне, Король? — уязвленно вскинулась Луна.

— Я не сомневаюсь в твоей верности, Луна, но ожесточить сердце труднее, чем ты думаешь. Особенно против благонамеренных людей вроде Иккинга, — ответил Ярогнев. — В этом мальчишке есть нечто... — Слова Ярогнева раскатисто отдавались в голове Луны. — Многие драконы отказались сражаться на нашей стороне из-за этого мальчишки. Одноглаз, например... и даже эти доставучие микродракончики не присоединяются к восстанию. Чирикают, да грубо так, мол, Иккинг некогда спас жизнь их королю или еще какую чушь... Это наш последний шанс, Луна. Люди становятся все хитроумнее. В ближайшие несколько веков они изобретут оружие такой мощи, что просто сотрут нас с лица земли, потому что люди не способны делить этот мир с кем бы то ни было. Но если ударить сейчас, драконы обретут свободу навек...

— Свободу... — с тоской выдохнула Луна. — Свобода... Лететь куда вздумается, в бескрайнем небе. Взмывать вверх, вверх, вверх на вольных ветрах, касаться самой луны, нырять в сладостную черную пустоту Открытого Океана... ах... свобода...

— Отправь своих лучших бойцов, Луна, — проворчал Ярогнев. — Но сама останься.

Луна склонила сияющую голову. Она пошлет отряд самых жутких и безжалостных драконов уничтожить Иккинга прежде, чем он доберется до Завтра: адозубов, вертокрутов, клинозавров... просто на всякий случай.

Ярогнев стал медленно погружаться в волны, пока над поверхностью не остались только глаза. Он не сводил взгляда с Теснины Героев.

Ярогнев заглянул в будущее — людей надо уничтожить прежде, чем они сумеют уничтожить драконов.

Смотреть, ждать. Всего несколько часов.

Он знал, что грядет Светопреставление. Гибель мира. Но чей мир погибнет сегодня?

А тем временем на высоких утесах Завтра, среди развалин Чернобородова города просыпались побитые остатки человеческого войска. Здесь собрались люди со всех концов архипелага, всех их из дома выгнал огонь.

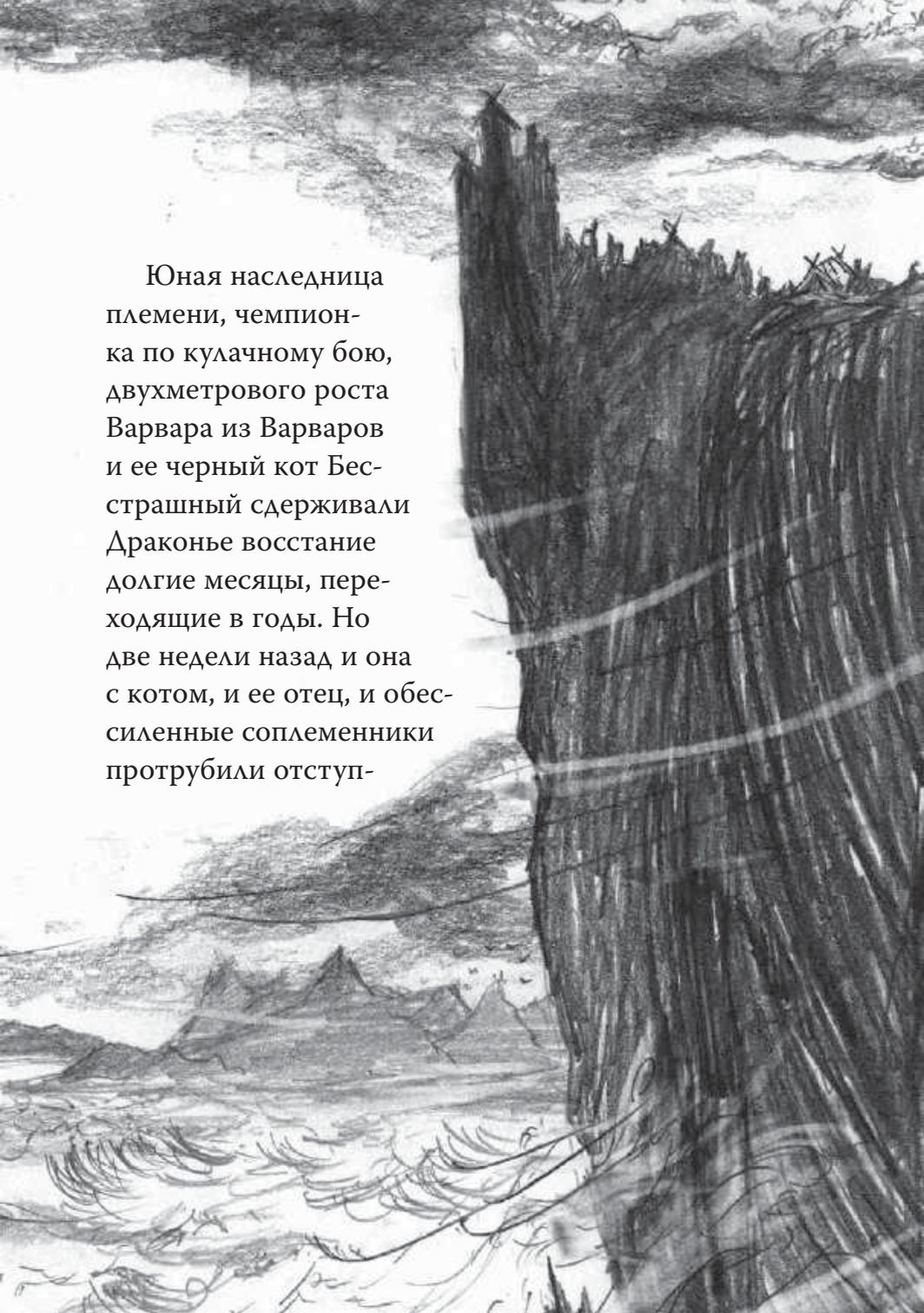
Архипелаг к югу и востоку лежал в руинах, его было не узнать: черные обугленные острова, там, где были деревни, — и следа от них не осталось, в каменных склонах зияли огромные каверны, и жуткая вонь горелого жилья носилась над заливом.

Конечно, здесь были сторонники Элвина — Драчуны, Истероиды, Душегубы, Берсерки, Головорезы, Гостедавы, Отщепенцы и Страхолюды.

Но и Воинам Драконьей Печати пришлось бежать вслед за Элвином. Их отличала Печать Дракона на лбу — это были Хулиганы, Остолопы, Бой-бабы, Молчанцы, Тихушники и Миролюбы. И независимые племена тоже пришли: Странники, Зыбуны, Нигдешники и Никогдашники, не говоря уже о Неповторимом Крутняке и Яриссе и их спутниках, Десяти Женихах. Даже Варвары, самые свирепые воины в архипелаге, отступили перед драконами.

Варвары брали с собой на битву отлично выученных котов. Те ехали на плечах у хозяев и бросались на противника посреди боя. (Весьма действенная тактика, ведь, когда тебе в лицо вцепился кот, мечом особо не помашешь.)

Юная наследница племени, чемпионка по кулачному бою, двухметрового роста Варвара из Варваров и ее черный кот Бесстрашный сдерживали Драконье восстание долгие месяцы, переходящие в годы. Но две недели назад и она с котом, и ее отец, и обесиленные соплеменники протрубили отступ-

ление и присоединились к путешествию на запад, чтобы сражаться под знаменами Элвина.

Стоик и Валгалларама, отец и мать Иккинга, тоже проснулись, хотя едва прикорнули. Эти великие Герои были викингами, непривычными к нежным чувствам, но Стоик, утешая, обнял жену, и они улеглись на твердую землю, положив между собой шлем, принадлежавший, как они думали, их мертвому сыну.

За день до этого двоюродный брат Иккинга, Сморкала, героически натянул одежду Иккинга и полетел на его драконе в бой. Половина племен архипелага видела, как Сморкала со стрелой в груди канул в море, поэтому Стоик и Валгалларама

Ведь я же
не виноват, правда,
Валгалларама?

были уверены, что Иккинг погиб и отправился в Валгаллу.

— Ведь я же не виноват, правда, Валгалларама? — Стоик устало оглядывал изничтоженные острова, стиснув в ладонях лохматую голову. Где-то там осталась его земля, его корабли обратились в пепел, его прежний мир канул в небытие. — Неужто это проклятие пало на всех нас из-за того, что я не пустил младенца-Иккинга по волнам на смерть, когда мы узнали, что он недомерок? Неужто боги наказывают нас за то, что я слишком любил своего сына, чтобы последовать обычаю? Неужели Иккинг — наш любимый Иккинг — не должен был жить?

Ведь все беды начались с того, что Иккинг освободил дракона Ярогнева.

Валгалларама положила свою чугунную руку на плечо мужу.

— Мы воины, Стоик, — мягко сказала она. — Мы оба знаем, что такое война, что те, кого мы любим, могут лишиться жизни, и поэтому никогда нельзя затевать войну по пустякам. Но рабство людей и драконов было позором, который просто не мог продолжаться. — На суровом, словно высеченном из камня лице великой Героини горе не отражалось. — Иккинг правильно выпустил Ярогнева, а ты правильно не последовал обычаю. Бывают такие Вопросы, такие битвы, такие Иккинги, ради которых стоит лишиться всего мира. И даже когда все кончается катастрофой, невозможно сделать неверный выбор, если делаешь его по любви.

— Твоя правда, Валгалларама, — отозвался Стоик. Слова жены даровали ему пусть маленькое, но утешение, и он стал чуть меньше сутулиться. Прежний дух вождя отчасти вернулся к нему. — Я все же поступил правильно! Может, наш любимый

Они прижались
друг к другу лбами,

Иккинг и погиб, и этого горя нам никогда не избыть, но он был величайший Герой, так ведь?

— Так, — согласилась Валгалларама.

— Вижу Иккинга, как сейчас, — гордо вздохнул Стоик. — Вот он стоит посреди этой ужасной тюрьмы, Черного Сердца, прямо перед Элвином и орет: «Люди и драконы умирают в цепях — это, по-твоему, совершенство? Такие прекрасные создания, как он, должны быть уничтожены навеки? Мы должны навек попрощаться с волшебством, мечтами и полетами нашего детства? Я говорю — НЕТ!»

Стоик вскинул кулак в воздух, подражая благородному возмущению сына, и восхищенно покачал кудлатой головой:

— Какой был сын! Какой потрясающий парень... Да, я с гордостью погибну с Драконьей Печатью на лбу и горжусь, что был его отцом, хотя боги судили нам пробыть вместе так недолго...

Двое Героев в летах, чуть поскрипывая, прислонились друг к дружке. В последние годы они несколько отяжелели, а от постоянных боев на мечях коленные суставы склонны изнашиваться. Они прижались друг к другу лбами, Печать к Печати, словно два старых дерева, опирающихся друг на друга в бурю.

И наверное, они думали: по крайней мере, Иккингу не пришлось открыть глаза навстречу такому дню Светопреставления.

Викинги поклялись подчиниться воле богов, но кто знает, о чем думали боги, пока люди готовились к последней великой битве здесь, среди развалин Чернобородова замка.

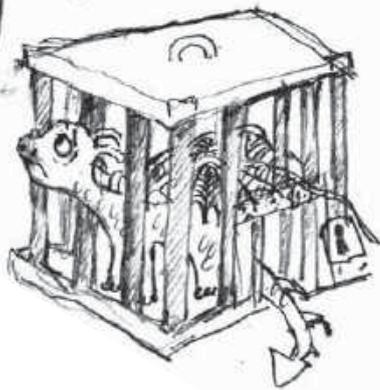
Берта, предводительница Бой-баб, печально точила боевой топор, погружившись мыслями в более счастливые времена, когда она бродила по пояс в восхитительных родных болотах, а рядом плыл ее верный Клиномет.

Варвара из Варваров грустно гладила Бесстрашного по гордой спине, пока шестеро ее телохра-

нителей испытывали стрелы и мечтали лететь по снежным просторам Варварии верхом на своих метельных драконах, чтоб ветер развеивал усы, а коты счастливо орали на плечах. Лететь и лететь назад, назад во времени в деревню, которой больше не существовало...

Даже воины Элвина почувствовали себя не в своей тарелке и приуныли. Обжора поглаживал

своего могучего
дракона-невидимку,
стараясь не думать
о том, как будет жить
без него. Да, эти люди
НЕНАВИДЕЛИ Элвина.

Но что им оставалось делать?
Только идти за ним.

Тучи драконов кишели повсюду, густые и темные, словно стаи саранчи. Небо почернело от них, они выпрыгивали из моря и ползли по ледяным полям. Теперь Элвин был единственной надеждой человечества.

Потому что у Элвина имелись Утраченные Сокровища, а значит, он единственный мог стать Королем.

Элвин стоял на развалинах Чернобородова замка — безногая, бессердечная, безжалостная машина войны, дыхание с шипением вырывалось из его железной маски. Он точил свой голодный крюк и уже торжествовал победу.

— Резче, резче! — покрикивал Элвин, пока Друиды-Стражи Завтра заводили трон на четыре

приземистых обрубка, где тот покоился некогда, давным-давно, во времена Черноборода Оголтелого, последнего Короля Дикозапада.

Они готовились к коронации.

Поблизости ждали своего часа остальные девять Утраченных Сокровищ: тикалка, щит, корона, ключ-от-всех-замков, Драконий Камень, второй лучший меч, рубин в форме сердца, стрела и охотничий дракончик Иккинга, Беззубик — самый маленький и вредный охотничий дракон во всем архипелаге. Его крохотная клетка висела на спинке трона. Беззубик тоже думал, что его хозяин умер. Бедняжка ослабел от непрерывного плача, шипы у него на спинке горестно обвисли. Он поднимал головку и выл в небо, словно маленький волк.

Полуци, гнусный хозяеубица,
кошмар ходячий!

— Не мог бы кто-нибудь заткнуть этого дракона? — процедил Элвин, с надеждой стискивая меч, Лезвие Бури.

Но поделаться он ничего не мог — Беззубик был одним из Утраченных Сокровищ, поэтому, пока Элвин не получит корону, он и пальцем не смеет тронуть малявку.

— Обещаю тебе, мерзкий крылатый головастик, — поклялся Элвин, прижав лицо к прутьям клетки, злобно уставившись на Беззубика единственным глазом и грозя ему крюком, — что самым первым делом, став Королем, я сверну тебе твою лягушачью шею...

— Б'бе-беззубик тебя сначала всего искушает! — заорал в ответ Беззубик по-драконьи. — Ты гугну-гну-гну-сный хозяеубийца, кошмар ходяч'чий!

Дракончик просунул мордочку сквозь прутья и плюнул огнем Элвину на здоровую руку. А затем завыл еще громче.

— А-а-аййй! — взвизгнул Элвин и сунул палец в рот. — Если б только я мог прикончить тебя ПРЯМО СЕЙЧАС, тварь ты уродская!

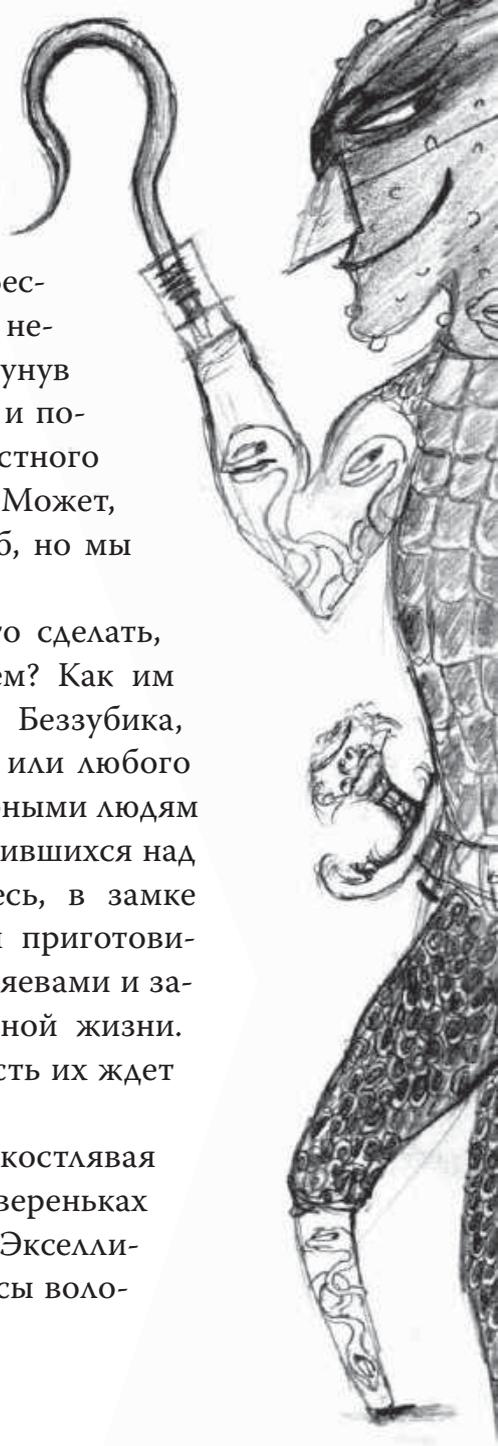
— Не м-можешь! — всхлипнул Беззубик с остатками прежней дерзости. — Б'бе-беззубик одно из Утраченных Сокровищ'ч... и притом самое ЛУЧ'ШЕЕ...

...ся из Элвина?

— Не волнуйся, малыш Бес-сумик, — шепнул Стоик с неуклюжим сочувствием, просунув палец сквозь прутья клетки и поглаживая дрожащего несчастного дракончика по спинке. — Может, твой хозяин Иккинг и погиб, но мы о тебе позаботимся...

Но как Стоик сможет это сделать, когда Элвин станет Королем? Как им с Валгалларамой защитить Беззубика, или Серебряного Призрака, или любого из драконов, оставшихся верными людям и теперь просыпавшихся и вившихся над головами хозяев-людей здесь, в замке Черноборода? Эти драконы приготовились идти в бой вместе с хозяевами и защищать их ценой собственной жизни. Неужели в награду за верность их ждет уничтожение?

Словно большая белая костлявая собака, прискакала на четвереньках Элвинова маменька, ведьма Экселлинор. Ее длинные белые волосы волочились за ней по грязи.

— Терпение, Элвин, сладкий мой, — промурлыкала она. — Тебе уже недолго откладывать удовольствие казнить этого крысеныша... и любого другого, кто посмеет тебя раздражать... — Она многозначительно повела глазами в сторону Воинов Драконьей Печати.

Элвин потряс обожженной рукой и здорово приободрился:

— Вот стану Королем, одолею Ярогнева с помощью Камня и тут же начну казнить...

Он на минутку отвлекся от затачивания крюка, чтобы предаться счастливым мечтам обо всех казнях, которые ему хотелось бы провернуть в первые полчаса правления. (Кстати, его маменька, ведьма Экселлинор, занимала в данном списке одну из верхних позиций, но, на ее счастье, не догадывалась об этом.)

Всего лишь час оставался до той минуты, когда он станет Королем.

Один крохотный час, а затем ему расскажут Тайну Драконьего Камня, так что, если подумать, ему даже не ПРИДЕТСЯ сворачивать Беззубику шею.

Он сможет просто воспользоваться силой Камня и уничтожить драконов навеки...

«Тик-так-тик-так-тик-так-тик-так» — покачивалась на поясе у Элвина тикалка, отсчитывая минуты до коронации.

Кто же уцелеет, люди или драконы?

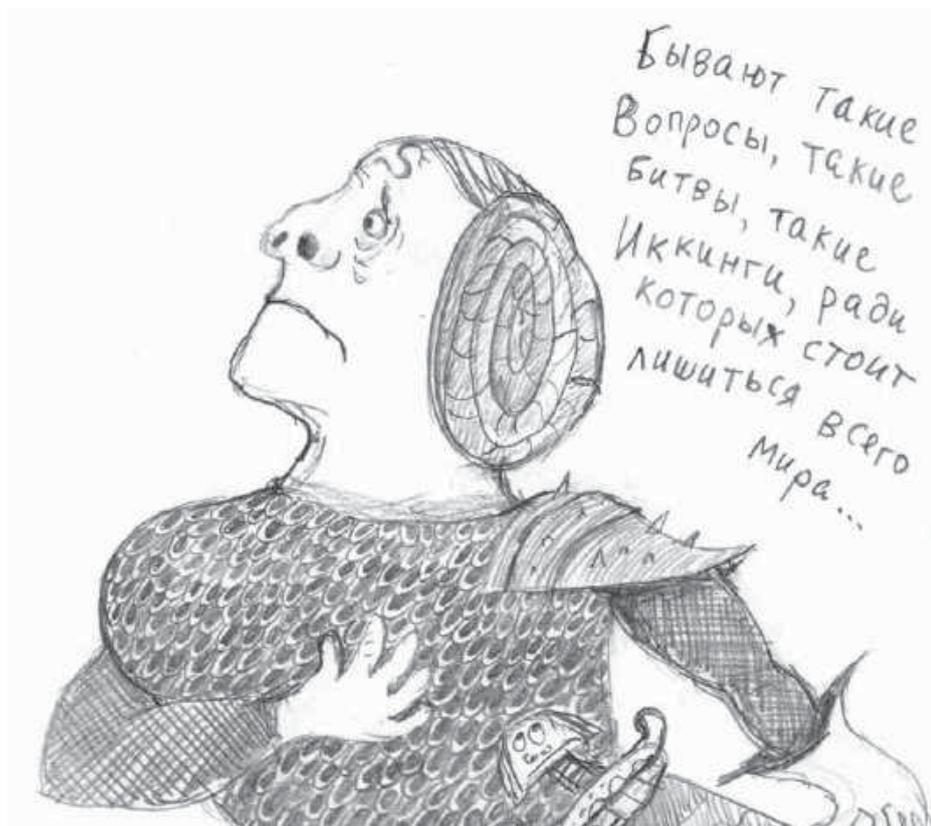
Оба лагеря приготовились. В обоих понимали, что еще до заката бесчисленное множество тех, кому изменит удача, полягут на поле боя, в точности как Иккинг днем раньше, и что далеко не все из них увидят завтрашний рассвет...

Наблюдение. Ожидание.

Еще всего пара-тройка часов.

Они знали, что грядет Светопреставление.

Но чей мир погибнет в нем?

5. ДОБРАТЬСЯ ДО ЗАВТРА

— Нам надо на остров, про который говорил Одинклык, Мухрюндель... Остров называется то ли Вчера, то ли Завтра, то ли еще как-то, — говорил Иккинг, дрожащими пальцами ощупывая Одинклыка — не проснулся ли? — Но попасть туда надо **БЫСТРО**.

— Просыпайся, Одинклык! Просыпайся! Пожалуйста, проснись! — шептал Иккинг, в отчаянии щекоча старичка за ушами и под мышками.

Но нет. Одинклык храпел себе, необычайно громко для такого маленького и пожилого дракона.

— Так, не просыпается. Мухрюндель, боюсь, нам придется действовать самим. Но это же ничего, верно? Мы же справимся? Только вот времени у нас немного... — продолжал Иккинг, торопливо запихивая Одинклыка обратно в рюкзак.

Левая сторона тела чуть ожила, да и в голове вроде прояснилось — прямо как вокруг, когда растаял туман. Ничто так не прочищает мозги, как **СМЕРТЕЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ**.

Так.

Иккинг быстро доковылял до спящего вампира-ищейки, храпевшего едва ли не громче Одиноклыка. Сейчас будет больно, но сделать это необходимо. Он поднес руку к храпящему рылу дракона и отвел глаза, не желая видеть то, что должно произойти.

— Ой!

Два зуба с омерзительным чпоканием выскочили из руки Иккинга и, как магнитом притянутые, встали на место в две ямки в пасти у вампира.

Даже если ищейка проснется, теперь ему Иккинга не выследить!

— **Гадость**, — булькнул Мухрюндель.

Иккинг торопливо замотал рану оторванным от рубашки лоскутом. Кровило сильно. Он нагнулся подобрать несколько песакакульих дротиков и рассовал их по карманам, а затем, хромя и подсакивая, побежал по песку. На ходу он старался подбодрить Мухрюнделя:

— **Все будет хорошо, Мухрюндель. Я хочу сказать, посмотри, как мы уделали этих пескаул. Не переживай. Мы справимся...**

А Мухрюндель и не переживал. Он тренировался лететь вверх тормашками.

— **Нам всего лишь надо добраться до этого Завтра**, — повторял Иккинг. — **Уверен, Мятежные драконы не смогут за нами туда следовать...**

Но который из островов Завтра? Может, вон тот большой остров к югу от Душегубских гор, единственный, где не видно драконов?

— **Это Завтра, Мухрюндель?** — спросил Иккинг, указывая на остров.

— **Ой, теперь мы играем в угадайку?** — Дракончик с готовностью перевернулся в обычное положение и озадаченно нахмурился, вглядываясь в очертания острова. — **Хитрый вопрос... Сдаюсь! Это блин? Чайная чашка? Бабушкина шляпа?**

— О боги, — выдохнул Иккинг.

Он заковылял дальше, вверх по песчаной дюне за берегом. С ее верхушки ему открылся вид на Открытый Океан на западе и еще один более крупный и плоский остров к северу, в форме загогулины вопросительного знака (на точке от этого знака Иккинг и стоял). И весь крошечный островок Последний Приют оказался теперь как на ладони. Потрясающе.

Весь остров был завален обломками разбитых викингских кораблей — гниющий остов тут оказался не один, их было тридцать или сорок. Они были разбросаны по всей безжизненной поверхности островка. Когда страшные бури Зимнего Ветра Одина загоняли незадачливые корабли в Теснину Героев, те, кого не уносило потом в холодную Атлантику, заканчивали свой путь здесь, на крохотном Последнем Приюте.

В душе Иккинга вспыхнула надежда.

— **Может, тут найдется что-нибудь не совсем разбитое, что мы сможем использовать, чтобы переплыть пролив!** — крикнул он Мухрюнделю и поковылял к поломанным кораблям, а ветер изо всех сил старался выдернуть его из песка и унести кувыркком в открытое море. — **Ищи корабль, способный держаться на плаву, Мухрюндель!** — Иккингу приходилось перекрикивать свист ветра.

Большинство кораблей разбились сотни лет назад, их потрепанные паруса давно ушли в землю и сгнили. Попадались жертвы и поновее, но у всех в корпусах зияли огромные дыры, а некоторые и вовсе раскололись надвое, и Иккинг понимал, что они не смогут перенести его через узкую полоску воды на Завтра.

— Нашел! — пискнул Мухрюндель, указывая двумя лапками одновременно.

— Нет, малыш, нам нужен такой, чтоб без дырок...

— Еще нашел!

— Нет, Мухрюндель, нам правда нужен совсем-совсем без дырок...

Чуть дальше Иккинг заметил перевернутую гребную лодочку и заторопился к ней. С нарастающим возбуждением он убедился, что лодка практически цела, только в одном месте какой-то большой морской монстр откусил кусок борта сверху.

«Может, левиафорган поработал? Или молодой Одинов кошмар, судя по расположению зубов... — подумал Иккинг. И тут же: — Ого, похоже, я знаю про драконов ужасную КУЧУ всего, если способен строить научные догадки в такую минуту...»

Лодка оказалась маленькой, и Иккинг смог перевернуть ее в одиночку. Тяжело дыша, он пота-

шил ее к берегу за конец полуистлевшей веревки, время от времени проваливаясь в топкую почву так глубоко, что опасался уже не выбраться. Дотащив лодку до кромки прибоя, он столкнул ее в воду, и, к величайшему облегчению Иккинга, она закачалась на волнах, пусть и несколько кособоко. Казалось, все идет ему на руку. Даже ветер сменил направление и теперь изо всех сил задувал в сторону острова, который, как Иккинг надеялся, и был островом Завтра. С таким ветром он поскачет по белым гребешкам волн прямо на остров — только бы лодка не потонула...

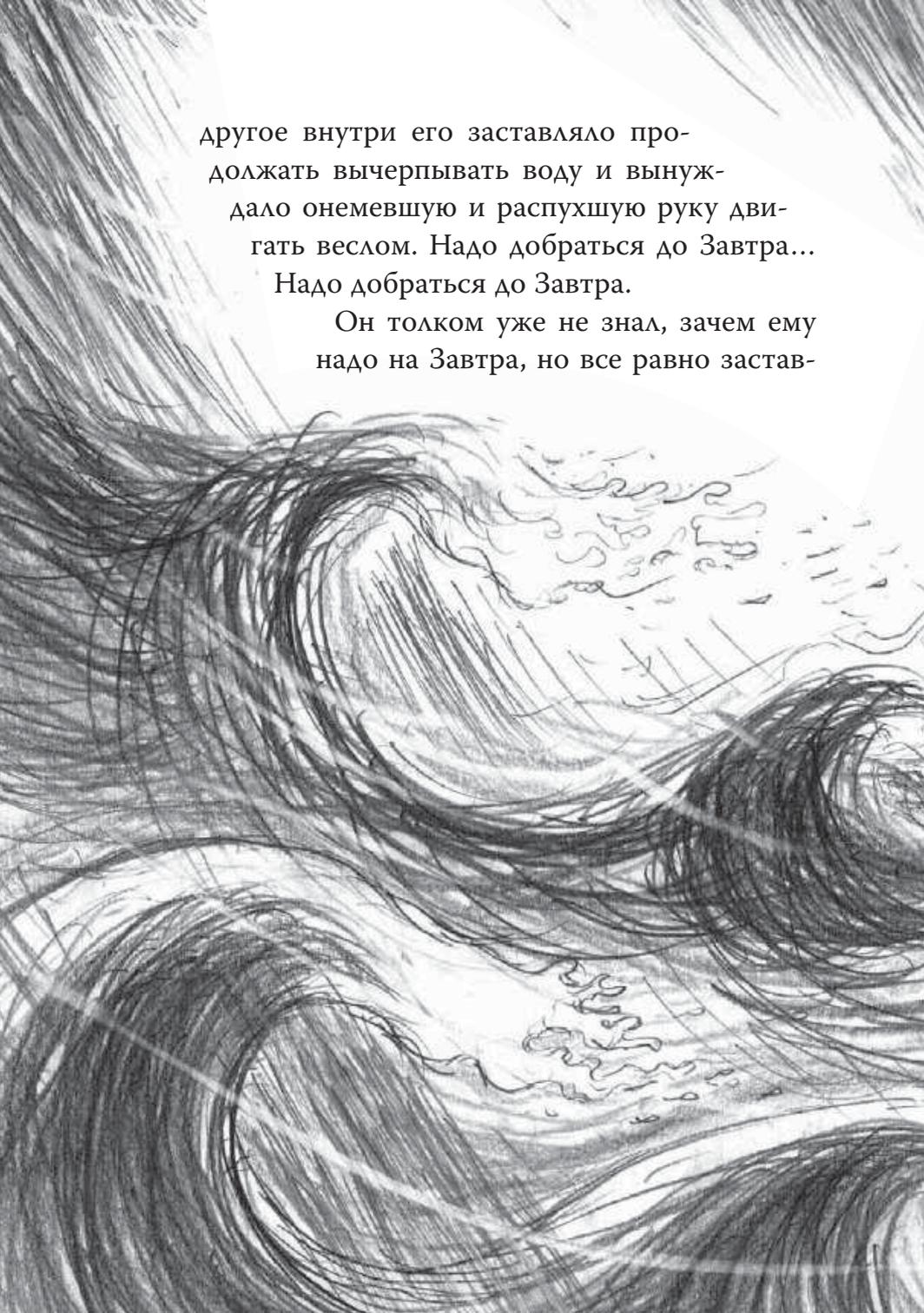
Иккинг оттолкнулся от Последнего Приюта, вычерпывая воду, перехлестывавшую через прокушенный борт, и как сумел направил лодку ломаным веслом, которое нашлось в ней, в нужную сторону. Глаза щипало от соли, каждая косточка ныла, а распухшая рука и пальцы на ногах так замерзли, что он их едва чувствовал.

Да уж, это получилось Последнее Испытание в лучшем виде — испытание и сердца, и тела, и разума, и духа. Иккинг так бесконечно устал, так замерз, так запутался, что какая-то часть его хотела сдаться. Просто лечь на дно лодки, и пусть себе наполняется морской водой и идет ко дну, в тихое мягкое ничто, где больше не будет боли. Но что-то

другое внутри его заставляло про-
должать вычерпывать воду и вынуж-
дало онемевшую и распухшую руку дви-
гать веслом. Надо добраться до Завтра...
Надо добраться до Завтра.

Он толком уже не знал, зачем ему
надо на Завтра, но все равно застав-

лял себя грести, вычерпывать воду, тратя на это жалкие остатки сил.

На полпути через пролив Иккинг слегка приободрился. Может, у него все-таки получится. Может, все-таки не сдует с курса...

Но тут он глянул в небо менее опухшим глазом и, благо туман как раз разошелся

на миг, увидел небольшую драконью армию, летящую к нему со стороны Душегубских гор. Затем туман сомкнулся и скрыл их.

«Клинозавры. Вертокрыты. Адозубы, — услужливо подсказала память. — Вооружены отравляющими газами, выкручивающими конечности языками и телескопическими челюстями».

Видимо, песакулы рассказали Ярогневу, где искать беглеца, и Ярогнев послал новых драконов убить его.

Иккинг столько знал про драконов, что заметил скорость полета каждого в стае и уже высчитал, что они перехватят его до того, как он ступит на берег Завтра, такой дразняще близкий теперь. Как ему отбиться от этих драконов, в одиночку, без оружия?

И тут оказалось, что по крайней мере один из драконов гораздо ближе, чем Иккинг думал. Послышался смутный гул, и нечто спикировало к нему прямо из тумана. Иккинг едва успел распластаться на дне лодки, чтобы его не смело.

Тор всемогущий! Это еще что такое?

Что бы это ни было, оно могло похвастаться идеальной маскировкой, практически невидимостью. Но когда оно уходило вверх, хамелеонье тело медленно сменило точно совпадавший с фоном оттенок мглистого неба на свой природный цвет — захватывающий оттенок морской волны.

Это был смертень, и притом трехглавый. Иккинг различил контуры трех его голов на фоне тумана. Смертени были крайне редки и исключительно опасны.

«Стреляет молниями, а также пламенем... один из редчайших и самых страшных боевых драконов в архипелаге...»

Иккинг заставил себя вскочить и стиснул дрожащей рукой жалкое сломанное весло, непрерывно вертя головой, чтобы не пропустить следующую атаку. Но вокруг ничего не было видно, кроме тумана, тумана и еще раз тумана.

— Гав! Гав! Гав! — предостерегающе залаял Мухрюндель.

Смертень зашел на бреющем снова. На сей раз, когда он спикировал, Иккинг нацелился на него веслом, но промахнулся и упал.

При этом повторном его заходе, как раз перед тем как упасть, Иккинг разглядел на спине у смертеня две дикого вида человеческие фигурки. Они что-то кричали. Меньшая, щеголявшая спутанной копной светлых волос, так что лица почти и видно не было, орала во весь голос и размахивала над головой мечом.

Три головы смертеня, кажется, спорили. Иккинг мельком заметил летящих рядом со смертенем еще двух драконов: черного ездового и желтого охотничьего, вид которого Иккинг не успел определить.

«Не доверяй никому», — велел Одинклык.

Видимо, это люди, которые, по словам старого дракона, тоже охотятся за Иккингом... И на вид свирепые.

Когда смертень атаковал в третий раз, Иккинг был готов.

Послышался тот же гул, и, когда практически невидимая тварь спикировала, Иккинг разглядел слабый контур гигантских растопыренных когтей. Он пригнулся, а распрямившись, изо всех сил ВРЕЗАЛ по когтям расщепленным веслом, которое при ударе едва не раскололось надвое.

Затем Иккинг выхватил два песакульных дротика и швырнул их здоровой рукой в нападавших. Один вошел в сияющий бок смертенья, а второй попал в желтого дракончика, крутившегося рядом.

Смертень взмыл и опять пропал из виду. Лодка раскачивалась так бешено, что едва не потонула. Вода хлестала через борт, и бедный Иккинг вычерпывал ее руками.

Все складывалось крайне неудачно, чтоб хуже не сказать. Ведь, разумеется, три головы Смертенья были Невинность, Гордость и Терпение (Терпение располагался посередине, потому что без него никак). А на спине у Смертенья восседали Рыбьенот Безымянный и Камикадза Наследница Бой-баб. А двое драконов-спутников были Буримуха, золотой нравный дракон Камикадзы, и Ветрогон, ездо-

вой дракон самого Иккинга. Это были лучшие друзья Иккинга во всем мире, и вместе с Иккингом, Одинклыком и Беззубиком они составляли Десять Воинов Драконьей Печати.

Но, конечно, Иккинг понятия не имел, кто они такие.

Иккинг, где ты?

6. ТРУДНО СПАСАТЬ ТОГО, КТО СПАСАТЬСЯ НЕ ЖОЧЕТ

Камикадза с Рыбьеногом провели долгую и утомительную ночь верхом на драконе, разыскивая Иккинга в тумане. Неудивительно, что вид у них сделался малость безумный, они ведь всю ночь глаз не сомкнули. Час за часом они прочесывали жуткую слепую мглу, прячась, когда натыкались вдруг на поисковые отряды Ярогнева, и высматривали, высматривали, высматривали Иккинга. Они облетели всю береговую линию Завтра, побывали к северу от Отчаяния Черноборода, к югу от острова Магманьяков и сорвали голоса, выкликая:

— Иккинг, где ты-ы-ы?

Долгая выдалась ночька.

Рыбьеног хотел стать скальдом, а в обстоятельствах типа «мы одни против всего мира» толку от него было мало. Время от времени он задремывал на плече у Смертеня, и ему снились более счастливые времена на острове Олух, где они с Иккингом сидели на зеленой травке и болтали о поэзии или еще о чем-то столь же мирном.

И вдруг он просыпался и оказывалось, что кругом туман, вся трава на Олухе давно сторела дотла,

по щекам текут слезы, а Иккинг наверняка мертв.

Единственным утешением Рыбьеногу служило само пребывание на спине у Смертеня. Есть нечто смутно обнадеживающее в присутствии громадного невидимого трехглавого Смертеня, поклявшегося всегда быть рядом и защищать тебя ценой собственной жизни.

— Взгляни правде в лицо, Камикадза, — произнес Рыбьеног с бесконечной печалью где-то в пятом часу утра. — Его шлем выловили из моря. Сотни людей видели, как он погиб. Невозможно, чтобы он уцелел.

В отличие от Рыбьенога Камикадза была из тех, кого хорошо иметь рядом в обстоятельствах типа «мы одни против всех», потому что она любила хорошенько подражаться и отличалась нестигаемой верой в лучшее. Но даже она начинала уже сомневаться, что Иккинг жив, хотя скорее умерла бы, чем признала это.

— И потом, — продолжал Рыбьеног еще тише, — даже если он жив, высадиться на Завтра

...к вдруг
он просыпался.

он не может, потому что остров охраняют Драконы-Стражи. И Королем ему не стать, потому что все Утраченные Сокровища у Элвина...

— Перестань, Рыбьенос, неужто Иккинг НИЧЕМУ тебя не научил? — резко отозвалась Камикадза. — Нет ничего невозможного, только невероятное. — Она утерла грязный нос рукавом. — Кроме того, разумеется, он не умер. Он наш Герой, поэтому умереть не может. А мы не можем сдаться. Он бы не сдался ради нас, верно? Я помню, что сказал закованный в цепи Иккинг, когда спасал меня от Ведьмы: «Я НИКОГДА не перестану сражаться с тобой, даже если слишком поздно... даже если все потеряно... даже если это невозможно... никогда, никогда, никогда...» — И Камикадза вскинула кулак в воздух, подражая Иккингу, в точности как сделал Стоик несколько раньше.

— Ветрогон, — продолжала она, обращаясь к потрепанному, мягкому верховому дракону в двадцать какой-то раз, — ты уверен, что не чувствуешь его? Совсем ничуточки?

Ветрогон так устал, что то и дело засыпал на лету и камнем проваливался метров на десять, прежде чем Камикадза

Он НЕ логчб,
сердцем чую.

окликала его, чтобы разбудить. Тогда ему приходилось судорожно трепыхаться, чтобы прервать падение. Он как раз снова начал клевать носом, но на Камикадзин вопрос поднял слипающиеся веки и помотал кудлатой головой. По скуле его сползла слеза.

И вот вообразите недоверчивое возбуждение измученных и перепуганных Воинов Драконьей Печати, когда шесть глаз Смертеня одновременно заметили нечто на волнах и вмиг с недосыпу приняли находку за садок для омаров. Но нет, это была лодка!

— Это Иккинг! — выдохнула Камикадза, вскинув голову в ответ на короткий радостный всхрап Смертеня. — Это Иккинг! Он жив!

Рыбьенг не мог поверить:

— Точно? В смысле, Камикадза, ты точно уверена?

— Да! Да!

И Смертень с Буримухой затрубили от радости, а Ветрогон от возбуждения сделал «бочку».

Однако праздновать было особенно некогда, потому что в тот же миг они заметили и жуткую драконью армию, стремительно приближавшуюся к лодке со стороны Душегубских гор.

— Вертокруты! — в ужасе прошептал Рыбьенг. — Адозубы... Мозгоеды... Бритвокрылы... хуже поискового отряда и не придумаешь...

— Должно быть, их послал Ярогнев, чтобы убить человека в той лодке! — крикнула Камикадза. — А значит, это точно Иккинг! Не волнуйся, Рыбьенег, мы ближе, чем они. Просто спикируем и спасем его раньше, чем они доберутся... **ВОИНЫ ДРАКОНЬЕЙ ПЕЧАТИ, НА ВЫРУЧКУ!**

Одним из больших преимуществ Смертеня является его способность маскироваться до полной невидимости. Теперь им оставалось всего лишь снять Иккинга с лодки, посадить обратно на Смертеня и растаять в воздухе на глазах у врага.

Представьте только, что вы всю ночь искали человека, в глубине души зная, что его не найти... единственного Героя, способного изменить ход истории... Героя, который, так вышло, ваш Герой, ваш лучший друг Иккинг... И вдруг, уже потеряв всякую надежду, находите его живым!

Неудивительно, что они слегка обезумели от радости, пикируя вниз, чтобы спасти его. Смертень шел на снижение...

— Иккинг! — орали Камикадза и Рыбьеног хриплыми, сорванными голосами в бешеном возбуждении.

— Иккинг! Иккинг! Иккинг! — выкрикали Невинность, Гордость и Терпение.

Все три головы Смертеня разбрасывали во все стороны победные молнии над Иккингом, так радовались они, наконец обнаружив мальчика.

Но когда Смертень услужливо протянул когти, чтобы выдернуть Иккинга в безопасность... Иккинг бросился на дно лодки.

— Что это он делает? — удивилась Камикадза, озадаченно таращась вниз. — О боги, выглядит он еще ужаснее, чем когда мы видели его в последний раз. Очень надеюсь, что раны не слишком серьезны... — И продолжала: — Да это САМАЯ немореходная лодка, какую мне доводилось видеть... Пикируй чуть медленнее, Тень, и как бы зависни над ним, чтобы он разглядел, кто мы...

Поэтому во второй раз Смертень зашел на перехват помедленнее, и Камикадза с Рыбьеногом орали как безумные: «Это мы, Иккинг, мы!» При этом Камикадза в дружеском приветствии размахивала мечом, но, похоже, это не подействовало, и при третьем снижении раненый Иккинг здорово саданул Смертеня по лапе и осыпал их песакакульми дротиками.

— Ой! — вскрикнула Гордость, когда один дротик угодил дракону в бок.

— Ай! — пискнула Буримуха, ужаленная в крыло.

Камикадза едва успела подхватить любимицу.

Немного не так представляли себе Камикадза с Рыбьенным счастливое воссоединение.

— Ну, по крайней мере, бросок у него стал лучше, — заметила Камикадза, извлекая стрелку из Буримухиного крыла. — Очень метко — для мальчишки, конечно...

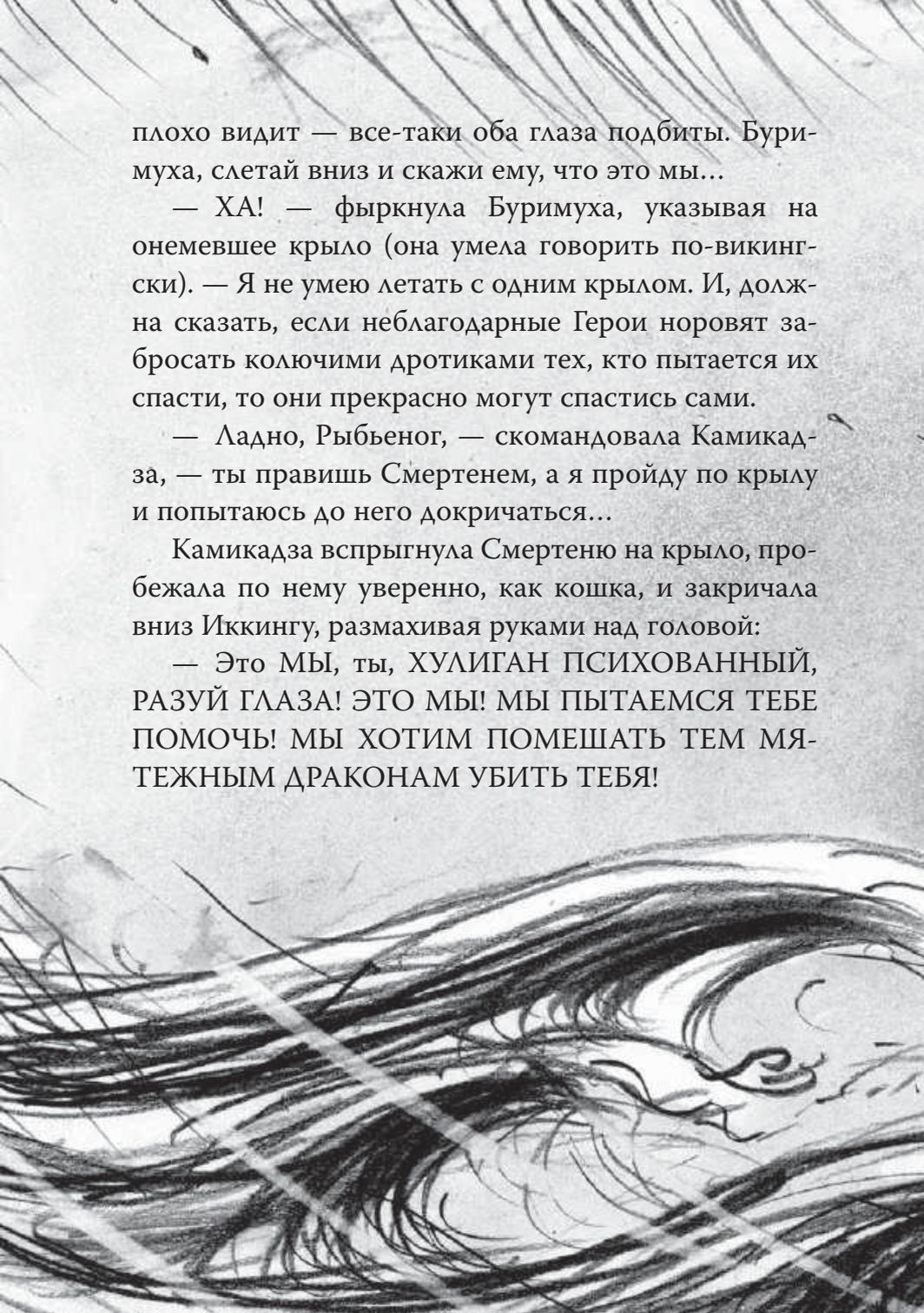
Она постаралась не выдать голосом обиду, потому что когда ты всю ночь, не смыкая глаз, ищешь того, кто тебе дорог, и наконец с разрывающимся от радости сердцем вопреки всему его находишь, то до некоторой степени надеешься, что он крепко обнимет тебя в духе рад-тебя-видеть, а не станет бросаться на тебя с веслами и осыпать пескаульими дротиками. Что, во имя Фрейи, нашло на Иккинга?

Почему он нападает? Разве он их не узнал?

Уж Смертенья-то Иккинг должен был узнать — не так уж много в архипелаге трехглавых драконов. Точнее, всего один.

Но они мельком видели белое от ужаса лицо Иккинга, когда он ударил Теня веслом, и было совершенно ясно, что он понятия не имеет, кто перед ним.

— Нельзя больше пикировать, пока он не понял, что это мы, — решила Камикадза. — В этот раз мы едва не потопили лодку. Должно быть, он

плохо видит — все-таки оба глаза подбиты. Бури-
муха, слетай вниз и скажи ему, что это мы...

— ХА! — фыркнула Буримуха, указывая на онемевшее крыло (она умела говорить по-викингски). — Я не умею летать с одним крылом. И, должна сказать, если неблагодарные Герои норовят забросать колючими дротиками тех, кто пытается их спасти, то они прекрасно могут спастись сами.

— Ладно, Рыбьенег, — scomандовала Камикадза, — ты правишь Смертением, а я пройду по крылу и попытаюсь до него докричаться...

Камикадза вспрыгнула Смертению на крыло, пробежала по нему уверенно, как кошка, и закричала вниз Иккингу, размахивая руками над головой:

— Это МЫ, ты, ХУЛИГАН ПСИХОВАННЫЙ, РАЗУЙ ГЛАЗА! ЭТО МЫ! МЫ ПЫТАЕМСЯ ТЕБЕ ПОМОЧЬ! МЫ ХОТИМ ПОМЕШАТЬ ТЕМ МЯТЕЖНЫМ ДРАКОНАМ УБИТЬ ТЕБЯ!

Это мы, Иккинг, это мы!

Гав!
Гав!

Но Иккинг швырнул в нее целую пригоршню дротиков, а Мухрюндель возбужденно загавкал.

По правде говоря, крайне трудно выручить того, кто выручаться не хочет.

— Поздно! — пискнул Рыбьенег, указывая вперед.

Предательский туман разошелся, и оказалось, что поисковый отряд Драконьего восстания подобрался опасно близко.

— Ладно, ладно, — отозвалась Камикадза, лихорадочно соображая. — Пора переходить к плану «Б». Обидно, ведь план «А» был куда проще...

— У нас имеется план «Б»? — удивился Рыбьенег.

— Всегда есть план «Б», — ответила Камикадза. — План «Б» таков: превращаемся из Спасательной Команды Воинов Драконьей Печати в ОТВЛЕКАТЕЛЬНУЮ Команду Воинов Драконьей Печати. Нам надо отвлечь Мятажных драконов, чтобы Иккинг сумел добраться до берега Завтра. Эти драконы не посмеют сунуться за ним туда, потому что побоятся Драконов-Стражей.

Это полностью соответствовало истине. Завтра оставался единственным островом, который Мятажные драконы не смели атаковать — настолько они боялись Драконов-Стражей.

— Но как управится с Драконами-Стражами Иккинг?

— Ну, у Иккинга наверняка имеется какой-то план, как разобраться с этими Стражами, ведь он уже направляется к берегу, — возразила Камикадза с трогательной верой в хитроумие Иккинга. — Он знает, что делает.

— А как ты собираешься отвлекать Мятежных драконов? — простонал Рыбьенег. — Для этого придется подлететь к ним поближе или будем отвлекать с безопасного расстояния?

— Подпусти их чуть поближе, Тень, — попросила Камикадза, припав к спине дракона у основания трех шей. Глаза у нее сверкали от возбуждения. — И убедись, что ты полностью невидим. А когда они на таком расстоянии, чтобы было хорошо слышно, мы...

Она прошептала что-то Смертеню в три уха. Тень понимал по-викингски, хотя ни одна из голов на нем не говорила, и все три заухмылялись в предвкушении небольшого розыгрыша.

— **Отлично**, — прошипел Гордость, глаза у него загорелись от радости.

— **Изящно**, — промурлыкал Терпение.

— Расстояние, на котором хорошо слышно, это как-то очень близко, — приуныл Рыбьенег, закрывая ладонями глаза.

Мятежные драконы сомкнулись над смехотворной полузатонувшей лодчонкой, глаза их пылали злобой.

— Надо выждать... — прошептала Камикадза, сидя невидимкой над ними. — Надо дожждаться, пока они смогут нас слышать...

— Но они уже совсем рядом... — простонал Рыбьенот.

На сей раз Иккинга атаковала не какая-то глупая кучка песакаул. Ядоплюи, рыкозавры, вертокруты, адозубы, дрелинги, мозгоеды и представители множества самых страшных видов архипелага кружили над его крохотной лодочкой.

Адозубы негромко постукивали челюстями. Этот жуткий предупредительный стук заставлял леденеть викингские сердца, когда они слышали, как он окружает их корабли в глухой ночи. Многоглазые вертокруты высовывали отвратительные языки, способные вырвать человеку руку. Мозгоеды медленно-медленно выдвигали жуткие жала, а дрелинги раскручивали сверла...

Три гигантских Торовых громовника медленно всплыли с глубины и устремили длинные шеи в небо, словно великанские бобовые стебли выросли из океана. Стебли тянулись все выше и выше, длинные щупальца красиво обвивали их, и каждое из этих щупалец могло ожечь ядом не слабее, чем у самой жгучей медузы.

Медленно, мрачно раздвинули поверхность волн темнодыхи. Темнодыхи так долго жили в темноте, что она проникла им в самые души...

Луна хорошо подобрала убийц для этого задания. Некоторые драконы и правда чудовища. Эти драконы были из тех, кто убивает без раздумий, без жалости, почти с удовольствием.

Но и покрасоваться, произвести неизгладимое впечатление они тоже любили. Они медленно окружали лодочку, придерживая до поры пламя, яд и электрические молнии, чтобы жалкий оборванный розовый червяк разглядел их во всей славе и понял, что ему предстоит...

Страх почти парализовал Иккинга. Мальчик скорчился на дне своего смехотворного суденышка, у которого моря было больше внутри, чем снаружи, и тщетно пытался заслонить собой перепуганного Мухрюнделя.

Вот и все. Вот и конец.

Повисла тошнотворная пауза, во время которой Мятежные драконы с отвратительным злорадством разглядывали свою добычу.

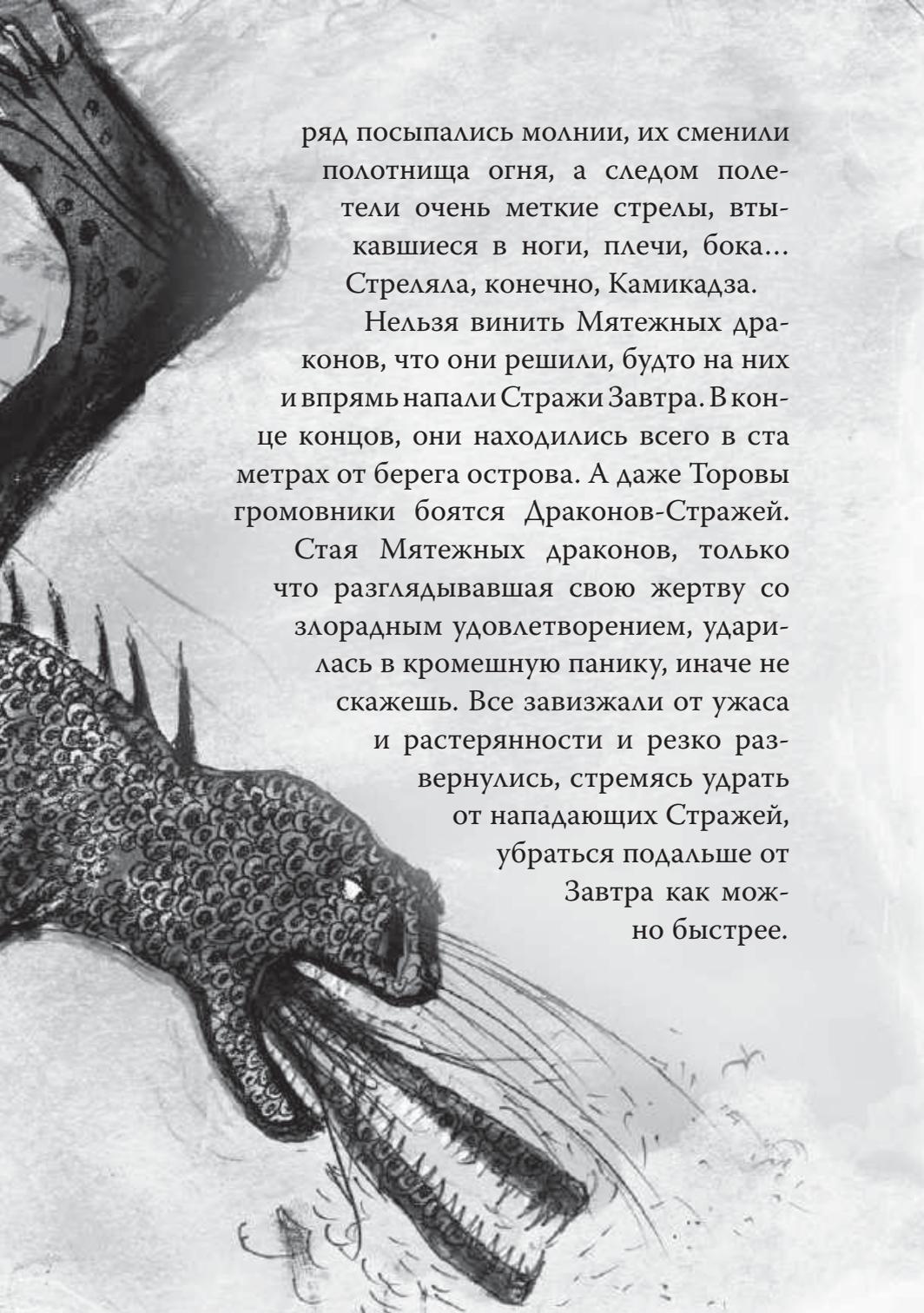
И тут, откуда ни возьмись, словно сам туман взвыл голосами валькирий:

— Мы-ы-ы Драконы-Стражи За-а-а-автра-а-а...

Камикадза тоже умела произвести неизгладимое впечатление.

Голоса, разумеется, принадлежали Гордости, Невинности и Терпению, но Мятежные-то драконы об этом не знали. Из мутной пелены на поисковый от-

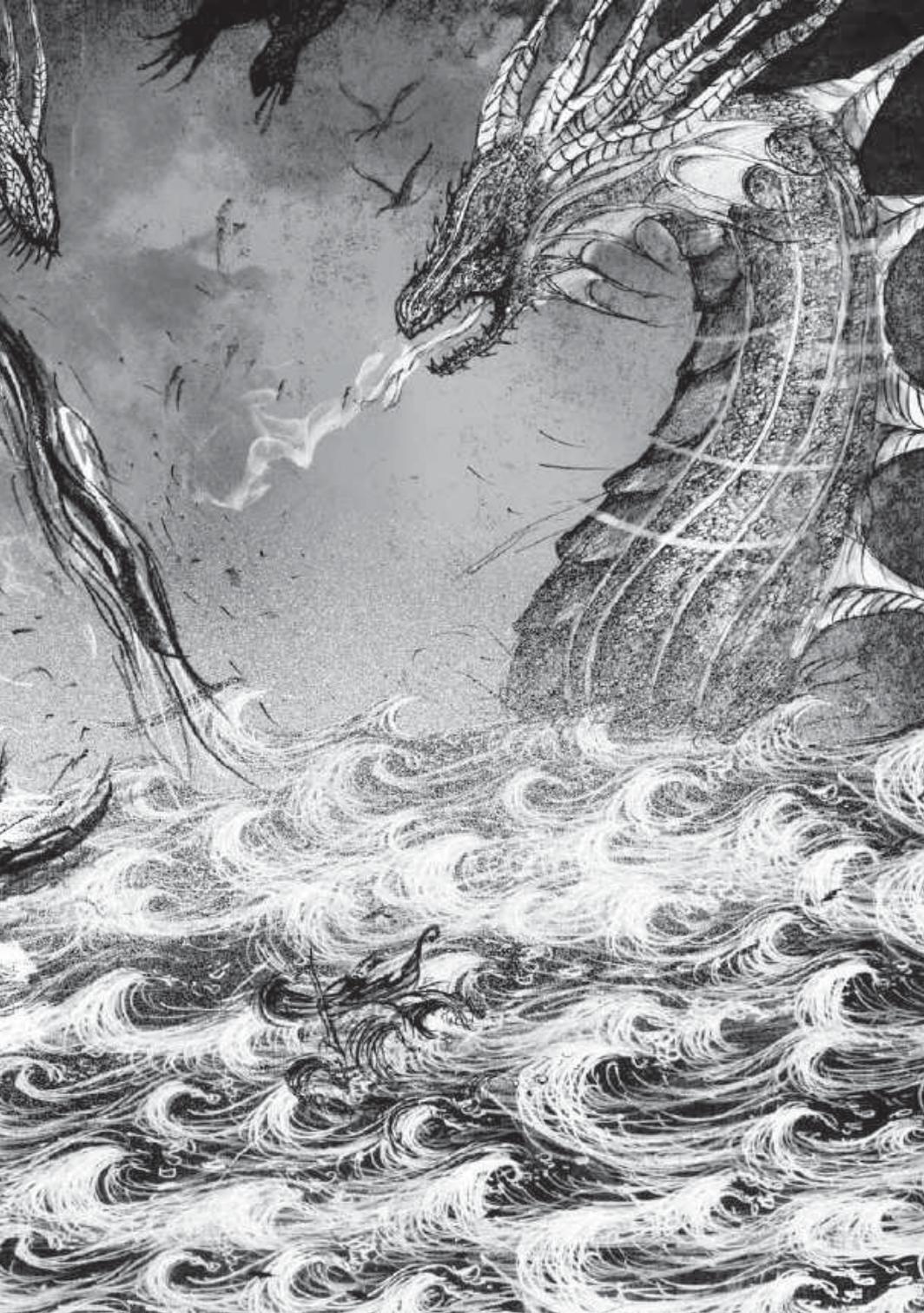

ряд посыпались молнии, их сменили
полотнища огня, а следом поле-
тели очень меткие стрелы, вты-
кавшиеся в ноги, плечи, бока...
Стреляла, конечно, Камикадза.

Нельзя винить Мятежных дра-
конов, что они решили, будто на них
и впрямь напали Стражи Завтра. В кон-
це концов, они находились всего в ста
метрах от берега острова. А даже Торovy
громовники боятся Драконов-Стражей.

Стая Мятежных драконов, только
что разглядывавшая свою жертву со
злорадным удовлетворением, удари-
лась в кромешную панику, иначе не
скажешь. Все завизжали от ужаса
и растерянности и резко раз-
вернулись, стремясь удрать
от нападающих Стражей,
убраться подальше от
Завтра как мож-
но быстрее.

И когда множество крупных драконов одновременно решило рвануть куда подальше, воцарился совершеннейший хаос и страшная давка. Щупальца Торových громовников взвивались из воды, молнии рвались сами по себе, на воду дождем сыпались стрелы, дротики, копья и пламя, могучие хвосты хлестали волны, подняв настоящую бурю с пеной и громом.

Иккинг, отвесив челюсть, уставился вверх. Во имя Фрейи, Одина и всех остальных богов, что происходит? Однако дожидаться ответа на вопрос он не стал. Перегнувшись через борт утопающей лодки, он как можно быстрее погреб руками в сторону Завтра.

Мятежные драконы отступали, и Ветрогон со Смертением пустились в погоню, поливая врагов молниями и выкрикивая угрозы. Время от времени Смерть слишком увлекался и нырял за каким-нибудь темнодыхом в воду, да не сразу выныривал.

— БОЙ-БАБЫ СРАЖАЮТСЯ ВСЕГДА-А-А-А! Натте, получите, свиньи толстомордые, крокодилы мохнозадые! — орала Камикадза, в упоении накладывая на тетиву стрелу за стрелой. — Дай знать, когда Иккинг доберется до берега, Рыбьеног...

— Он почти там, — пропыхтел Рыбьеног, отплевываясь от морской воды и оглядываясь на берег Завтра. — Погоди... его лодка наполовину под водой, но он уже почти добрался... о боги... лодка затонула... но все в порядке, он проплывает последние метры... встает... есть! Он на берегу!

— Он НА ЗАВТРА! МЫ ДОСТАВИЛИ ЕГО НА ЗАВТРА! Слава КАМИКАДЗЕ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ, которая только что спасла дело В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ! — радостно возопила Камикадза, вскинув кулак в воздух.

— Камикадза, — тревожно окликнул подругу Рыбьеног, напрягая глаза в попытке разглядеть сквозь туман, что происходит на берегу, — я очень надеюсь, что ты права и у Иккинга и правда есть план насчет Драконов-Стражей... Он просто бредет по песку... — Рыбьеног сжался от ужасной

мысли. — Он не узнал нас... А вдруг он и про Стражей не знает?

— Разумеется, знает, и у него есть план! У Иккинга ВСЕГДА есть план, — уверенно отрезала Камикадза.

Давайте надеяться, что у него и правда есть План.

Потому что крохотная фигурка Иккинга уже проковыляла до середины песчаного берега.

7. ЛИШЬ ОБЛАДАТЕЛЬ УТРАЧЕННЫХ КОРОЛЕВСКИХ СОКРОВИЩ МОЖЕТ СТУПИТЬ НА ЗЕМЛЮ ЗАВТРА И ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ

Иккинг не знал, что и думать. Что вообще происходит в небе? Нападавшие драконы вдруг стали драться между собой! Молнии, дротики и струи огня дождем сыпались вокруг его тонущей лодки, пока он отчаянно греб к белому песку сломанным веслом.

Ближе, ближе, ближе...

В двадцати метрах от берега лодка затонула окончательно, и Иккингу пришлось пуститься вплавь, гребя одной рукой. Левая распухла и онемела настолько, что он едва мог ею шевельнуть. Торovy грома, ну и холодная же была вода! Иккинг едва не потерял сознание в ее ледяных объятиях.

Утонуть в нескольких шагах от цели — вот было бы смешно... К западу от Завтра простирался бескрайний океан, по которому плыть и плыть в бесконечную даль, пока не попадешь в Небывалую

Страну Америку (или не свалишься с края мира — в зависимости от того, во что веришь).

Поэтому волны, которые обрушивались на берег, были прямо-таки огромными, а в этот ветреный зимний день они накатывали с особенной яростью. Иккинг барахтался у самого берега, и тут громадная волна подхватила его и давай вертеть — у него чуть легкие не лопнули от недостатка воздуха. А потом волна проволокла его по песку и оставила. Когда вода отступила, мальчик с трудом поднялся на ноги и, хватая ртом воздух, отплеываясь и хромая, проковылял по бедра в ледяной воде вперед и наконец рухнул на сухой песок, измотанный и дрожащий, как несчастная, выброшенная на берег рыба. Даже истерзанный и полузамерзший, он ощущал себя пусть усталым, но победителем.

Он добрался до Завтра! Хотя по-прежнему не помнил большую часть своей жизни до того, как проснулся на Последнем Приюте, что-то подсказывало ему, что он очень-очень давно стремился сюда, в это место, на этот дикий, продуваемый ветрами берег на краю света. И вот он здесь! Он сделал это!

Завтра. Даже в самом названии слышалось нечто обнадеживающее.

Позволив себе немножко понаслаждаться триумфом, Иккинг упрямо встал и побрел вперед.

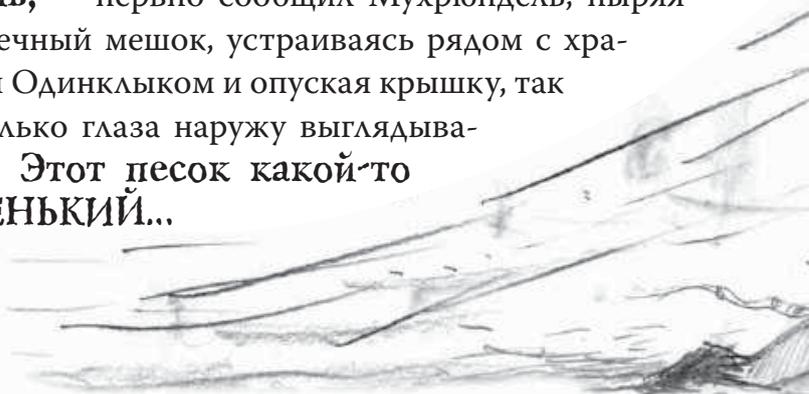
Оглянувшись через плечо, он увидел, что Мятежные драконы по-прежнему дерутся между собой. Но могут ведь и за ним погнаться. Надо убираться отсюда... Бурый дракончик Одиноклык сказал, что надо найти разрушенный город, где будут короновать Короля...

Иккинг ковылял вперед, такой побитый и ободраный, что каждый шаг отдавался болью, но он все равно заставлял себя двигаться.

Пляж тянулся влево и вправо на многие мили, и было в нем что-то такое, отчего Иккинг чувствовал себя очень неуютно и спешил, подволакивая ногу, как только мог.

Может, дело было в том, что песок под ногами казался каким-то не очень плотным. Он подрагивал, еле-еле заметно, и перемещался, словно самые песчинки были живые, вроде крохотных вертячих червячков. Иккинг в ужасе посмотрел на песок и зашаркал еще быстрее и быстрее, торопясь перевалить через последние дюны и убраться с пляжа. Происходило нечто очень странное.

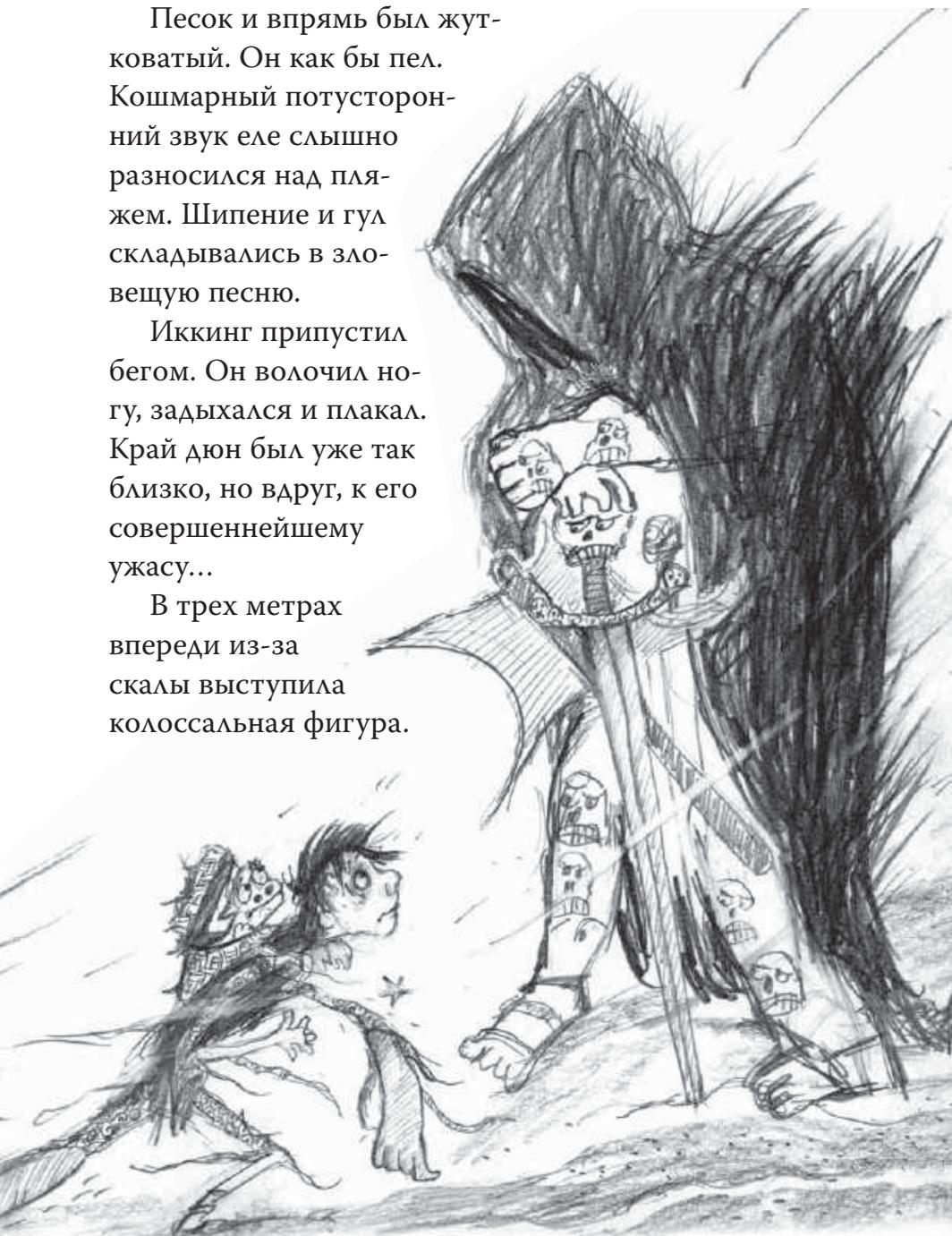
— **Залезу-ка я к тебе в рюкзак, если ты не против,** — нервно сообщил Мухрюндель, ныряя в заплечный мешок, устраиваясь рядом с храпящим Одиноклыком и опуская крышку, так что только глаза наружу выглядывали. — **Этот песок какой-то ЖУТЕНЬКИЙ...**

Песок и впрямь был жутковатый. Он как бы пел. Кошмарный потусторонний звук еле слышно разносился над пляжем. Шипение и гул складывались в зловещую песню.

Иккинг припустил бегом. Он волочил ногу, задыхался и плакал. Край дюн был уже так близко, но вдруг, к его совершеннейшему ужасу...

В трех метрах впереди из-за скалы выступила колоссальная фигура.

Иккинг прирос к месту.

Фигура была громадная, лицо закрывал капюшон, руки скрещены на груди. В три шага великан преодолел разделявшее его и мальчика расстояние и откинул капюшон.

Лицо его было сурово и непреклонно, как гранитная скала, а на глазах повязка. Он вытянул из-за пояса гигантский боевой топор и занес его прямо над головой Иккинга, словно прекрасно видел его несмотря на повязку.

— Я Страж Завтра, — проревел слепой воин. — И я, и мой отец, и отец моего отца, и отец отца моего отца почти столетие охраняли эти берега от недостойных. ЛИШЬ ОБЛАДАТЕЛЬ УТРАЧЕННЫХ КОРОЛЕВСКИХ СОКРОВИЩ МОЖЕТ СТУПИТЬ НА ЗЕМЛЮ ЗАВТРА И ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ. Кто ты, если дерзнул ступить на этот берег, не испугавшись смерти в воздушном забвении?

Иккинг сглотнул. «Смерть в воздушном забвении» ему совсем не понравилась.

— Кажется, меня зовут Иккинг.

Смерть на всех парусах неся к берегу Завтра над проливом между ним и Последним Приютом. Потому что теперь даже Камикадза слегка усомнилась, что у Иккинга и правда есть план.

— С кем он разговаривает? — крикнула она.

— Должно быть, это один из человеческих Стражей Завтра, — отозвался Рыбьенос. — Сотни

ЛИШЬ обладатель
Утраченных Королевских
Сокровищ может ступить
на землю Зартра
и ОСТАТЬСЯ
В ЖИВЫХ!!!

таких расставлены по всему побережью острова. О боги, о боги, о боги... Помнишь, мы вчера видели, как Драконы-Стражи Завтра ВЗВИЛИСЬ из-под песка? И еще эта страшная присказка: «Лишь Обладатель Утраченных Королевских Сокровищ Может Ступить На Землю Завтра И Уцелеть»... Ты не мог бы лететь быстрее, Тень?

— Мы летим... как... можно... быстрее... — прохрипел Терпение.

— Говоришь, ты будущий Король? — тем временем пролаял слепой воин.

— Наверное, — неуверенно ответил Иккинг. — Так мне сказал этот бурый дракончик. Он говорил, его зовут Одиноклык. Вы с ним не знакомы?

Воин помотал головой.

Иккинг аж заговариваться стал со страху:

— Этот самый бурый дракон вроде как говорил, что где-то на острове может находиться какой-то разрушенный город. Вы не могли бы проводить меня туда?

Слепой воин бесстрастно взирал на него сверху вниз, полузакрытое повязкой лицо ничего не выражало. Топор оставался вскинутым, и это был дурной знак.

— Дело в том, что у нас на острове уже есть человек, прошедший Испытание. И когда его коронуют, примерно через час, для нас, Стражей, закон-

чатся девяносто девять лет служения, девяносто девять лет заключения на этом острове. Свобода! — В хриплом голосе слышалась подлинная тоска. — Свобода покинуть этот остров-тюрьму... свобода странствовать по морям и воздушным просторам архипелага, куда хочешь... И я сниму повязку и впервые в жизни увижу дивный мир вокруг и захохочу от красоты того, что сейчас могу лишь осязать и обонять!

— Это чудесно! — согласился Иккинг.

— Поистине чудесно.

— И я уверен, вы это заслужили.

— Ты славный вежливый мальчик, — проговорил слепой воин. — А вежливость как свойство хорошего Короля сильно недооценивают. Но если у нас на острове уже есть Король, то ты Королем стать уже не можешь, это ясно как день. Покажи мне Сокровища.

Иккинг снова сглотнул. Зубы у него стучали, но от холода или от страха, он и сам не знал.

— Да, боюсь, ни одного Сокровища при мне нет, — признал он. — Но бурый дракончик, ну, тот самый, про которого я вам рассказывал, говорил, что все эти вещи украл у меня кто-то по имени Элвин Вероломный, поэтому хоть он и попал сюда первым, на самом деле Король по праву я...

Слепой уставился на Иккинга сверху вниз, если можно так сказать о человеке с завязанными глаза-

ми. Топор он не опустил. Иккинг со стыдом осознал, насколько он не похож на Короля. Словно дохлую крысу предлагает на царство. Хотя, конечно, Страж никак не мог его видеть.

— Стало быть, Элвин Вероломный украл Утраченные Сокровища у тебя? — повторил слепой воин.

— Верно.

Объяснение звучало так себе, особенно здесь, посреди диких, продуваемых всеми ветрами береговых дюн Завтра, с занесенным над Иккинговой головой топором.

— И полноправный Король ты?

— Так Одиноклык сказал.

Слепой воин повесил топор обратно на пояс.

Иккинг едва не сомлел от облегчения.

— Спасибо, — произнес он благодарно. — А теперь, если бы вы просто показали мне дорогу к разрушенному...

— Прости, — с сожалением перебил его воин. — Мне правда очень жаль, ведь ты всего лишь мальчик, и притом вежливый и славный.

Страж раскинул руки, словно нетопырьи крылья, и крикнул в бурное небо:

— НО... лишь обладатель Утраченных Королевских Сокровищ может ступить на землю Завтра и остаться в живых!

Иккингу это не понравилось. И правильно, потому что Страж продолжал:

— ВОССТАНЬТЕ, ВЕЛИКИЕ СИЛЫ СМЕРТИ И ТЬМЫ! ВОССТАНЬТЕ, МОГУЧИЕ ЗАЩИТНИКИ ЗАВТРА! ВОССТАНЬТЕ, ДРАКОНЫ-СТРАЖИ, ЗАБЕРИТЕ ЭТОГО НЕДОСТОЙНОГО МАЛЬЧИКА И ДАРУЙТЕ ЕМУ СМЕРТЬ В ВОЗДУШНОМ ЗАБВЕ-Е-ЕНИ-И!

— НЕТ! — взвизгнула Камикадза.

Смерть на предельной скорости несся к острову.

Песок вокруг Иккинга закипел. Мальчик в ужасе огляделся.

Этот песок... этот песок, который и раньше казался живым, теперь порождал неописуемо кошмарных существ. Кто знает, чем они были, дра-

-Е-Е-Е-Е-ЕТ!!!

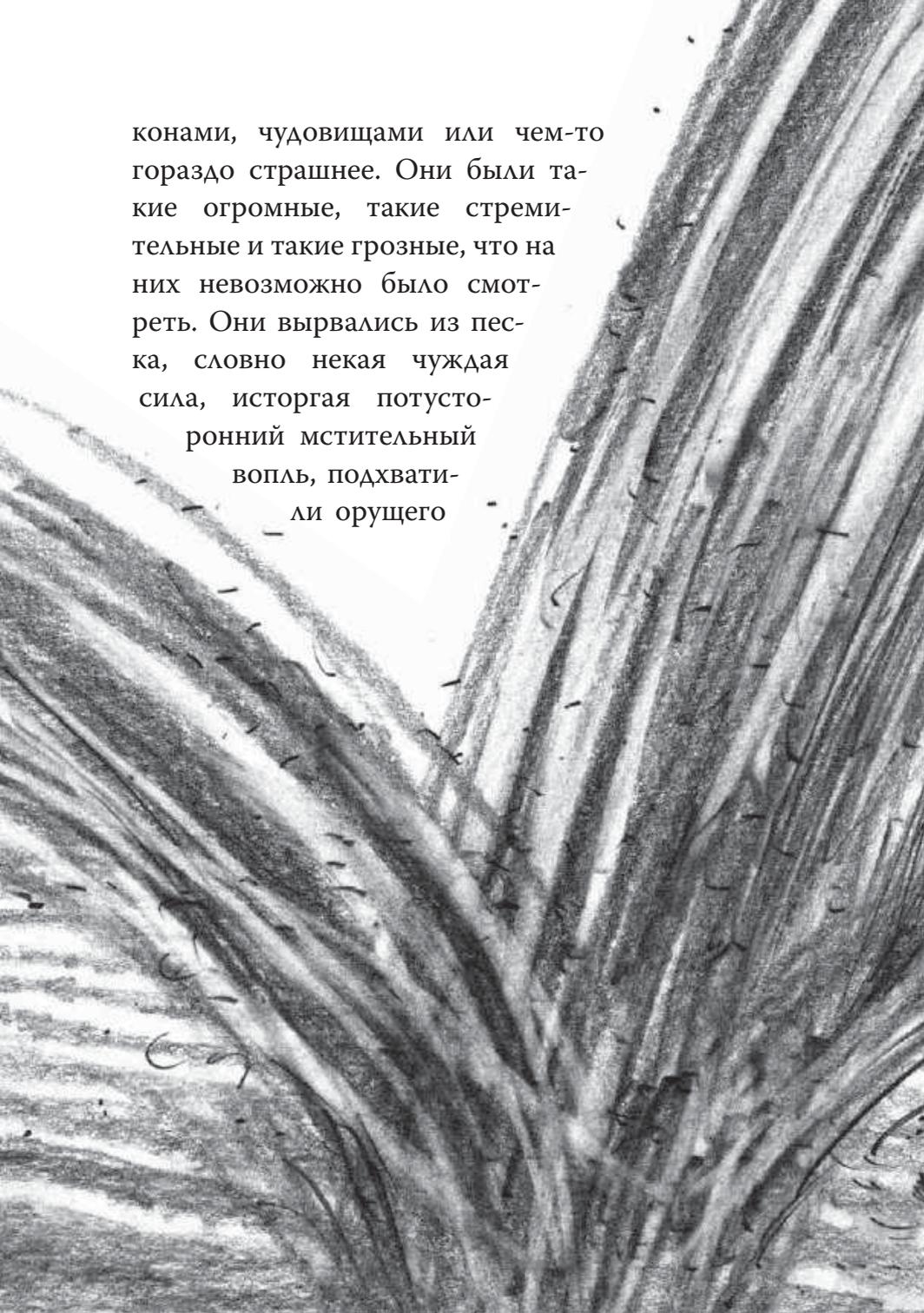

ДАРУИТЕ
ЕМУ
СМЕРТЬ

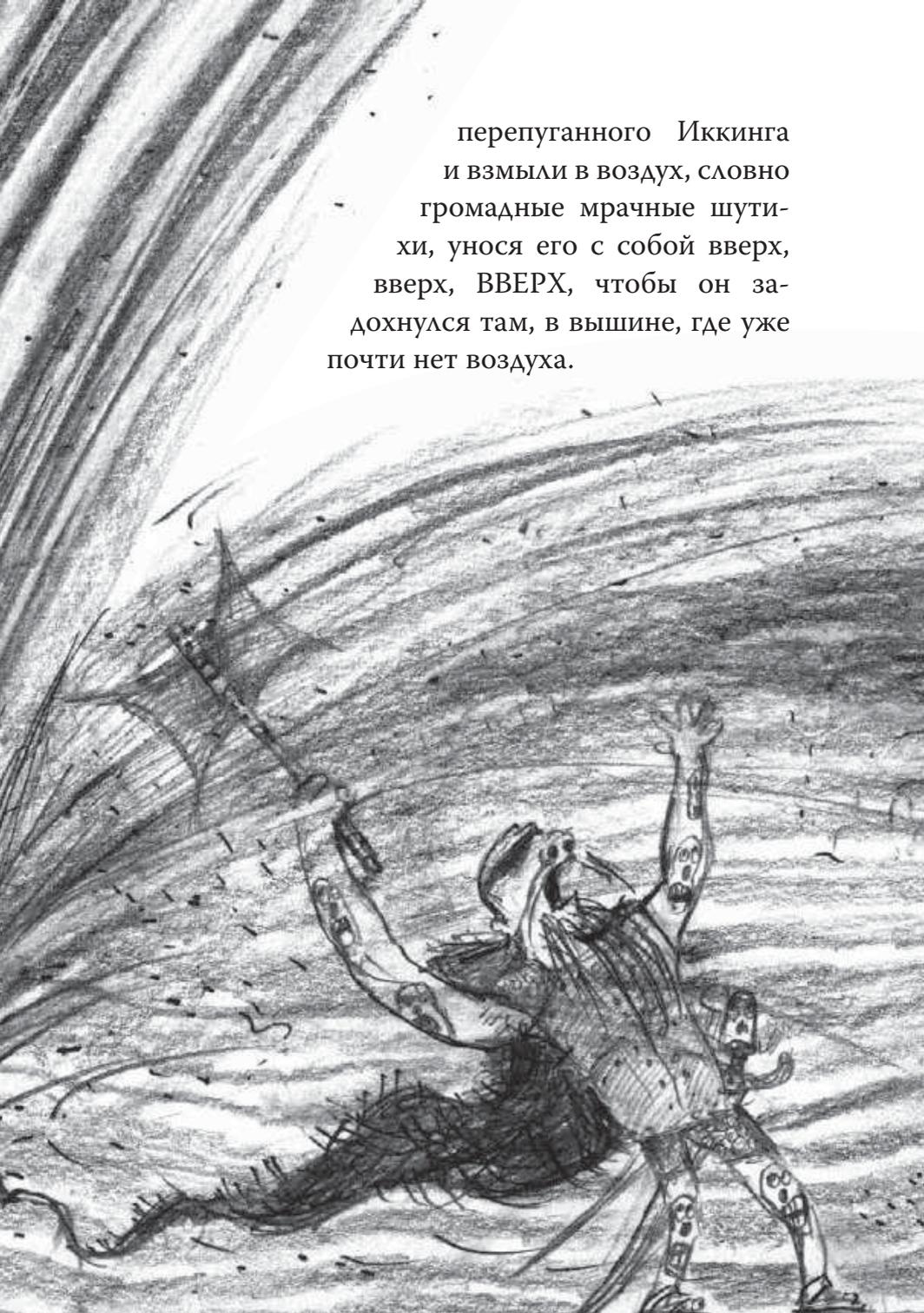
В

ВОЗДУШНОМ
ЗАБВЕНИИ!

конами, чудовищами или чем-то
гораздо страшнее. Они были та-
кие огромные, такие стреми-
тельные и такие грозные, что на
них невозможно было смотре-
ть. Они вырвались из пес-
ка, словно некая чуждая
сила, исторгая потусто-
ронний мстительный
вопль, подхвати-
ли орущего

перепуганного Иккинга
и взмыли в воздух, словно
громадные мрачные шути-
хи, унося его с собой вверх,
вверх, ВВЕРХ, чтобы он за-
дохнулся там, в вышине, где уже
почти нет воздуха.

Это и была смерть в воздушном забвении.
— Не-е-е-ет! — орали Камикадза, Рыбьенот
и Ветрогон. — Нет! Нет! Нет!
Ветрогон закрыл лапами глаза.
Нет... ну нет же...

НЕ-Е-Е-Е-Е

E-ET!!!

8. СПОРИМ. ВЫ ПОДУМАЛИ, ЧТО ТАКОГО НИ ЗА ЧТО НЕ СЛУЧИТСЯ

— Не-е-ет! — выл Иккинг, чувствуя, как за-
кладывает уши, а в тело и руки клещами
впиваются когти.

«Я сейчас умру...» — подумал
Иккинг.

Стремительно поднима-
ясь вверх в вихре песка,
он сознавал, что тва-
ри, уносящие его
вверх, вверх,
вверх,

Мня

нада

чухать

Бе

Ззубика!

поднесли
его к своим
глазам и разгля-
дывают, но собствен-
ные глаза ему пришлось
закреть, столь ярким был
взгляд Драконов-Стражей.

В предсмертной агонии лгать
невозможно, остается только
правда, и из самого сердца Иккинга
вырвался крик, хотя он утратил память
и даже не знал, кто такой Беззубик:

— Это же Иккинг!
Кто, если не он?

— Мня нада чухать Беззубика!

Что, разумеется, означало: «Я должен спасти Беззубика!»

Желудок у него подскочил к горлу, когда неведомые чудища вмиг сменили курс и как безумные вдруг ринулись вниз, рыская туда-сюда. Иккинг почувствовал, что соскальзывает.

Он ведь был скользкий, вымазанный илистой грязью с Последнего Приюта и облепленный водорослями с берегов Завтра. Видимо, твари на миг ослабили хватку, чтобы вцепиться в него понадежнее, — кто знает?

Но Иккинг склизким червячком выскользнул из когтей Стражей и полетел вниз, вниз, вниз к болотистым лугам Завтра.

Камикадза, Рыбьеног и Ветрогон с Буримухой видели это со спины Смертенья и закричали. Они смотрели, как кошмарные твари превращали берег в арену ужаса, смотрели, как Иккинга уносило в вихре песка, такого плотного, что почти ничего не удавалось разглядеть...

Но затем они отчетливо увидели, как твари бешено рванули снова вниз, словно невообразимо громадные неуправляемые фейерверки, и бреющим

зигзагом понеслись над болотами. Что-то вывалилось у них из когтей, что-то маленькое, потрепанное и незначительное.

— Ох, благая Фрейя! — ахнула Камикадза. — Это же Иккинг! Кто, если не он?

Оставшийся на берегу слепой Страж принюхался, весь засыпанный песком.

— Поверить не могу, — прошептал он. — Драконы-Стражи ошиблись... Они никогда не ошибаются...

Если Драконы-Стражи допустили ошибку, то у него опять могут отнять свободу и шанс увидеть мир...

— БРАТЬЯ! — взревел слепой Страж. — ПОДЪЕМ! ДРАКОНЫ-СТРАЖИ ДОПУСТИЛИ ОШИБКУ! НА ОСТРОВЕ ЧУЖАК!!!

Он сорвал с пояса большую палку и принялся выстукивать на земле странный ритм, отбивая послание на тайном языке Стражей.

Западный берег Завтра казался совершенно пустым. Но на зов слепого воина по всей длине дюн встали Стражи.

Вдоль берега скрывались сотни и сотни часовых. Они выступили из-за скал, вынырнули из травы на утесах, поднялись из неглубоких ям, словно родились из песка. Высокие, мрачные люди в капюшонах, все с завязанными глазами.

Половина Стражей осталась на посту, охраняя границы, а остальные выхватили топоры и трусцой направились вглубь острова.

— Быстро! — шепнула Камикадза. — Мы нужны Иккингу, если он еще жив. Тень, ты сможешь проскользнуть мимо часовых в этой неразберихе...

Смерть вытянул все три шеи и пролетел низко-низко над головами орущих Стражей-людей. Рыбьеног затаил дыхание: вот сейчас кто-нибудь заметит их и заорет... Но все обошлось. Похоже, Камикадза оказалась права.

В обычной обстановке даже крадкий дракон не смог бы пробраться через двойной заслон из людей и драконов, охранявших Завтра. Но люди-часовые были заняты розысками Иккинга, а вылет Драконов-Стражей поднял ослепляющую песчаную бурю, смешавшуюся с туманом и дымом.

Драконы-Стражи взмыли в верхние слои атмосферы, им потребовалось минимум пять минут на разворот и обратное пикирование. Слово невообразимо огромные соколы-паломники, они рухнули с высоты и ушли обратно в пески Завтра.

И среди всего этого переполоха Смерть незамеченным пролетел прямо над головами армии Стражей в воздушные пределы Завтра.

Рыбьеног и Камикадза впервые как следует разглядели остров Завтра, раскинувшийся под ними, как детская карта в сказке.

Изрядных размеров кусок суши, как и большинство других островов Варварского архипелага, покрывали заливные луга и болота. Он зарос папоротником, на юге темнели густые леса. А разрушенный город Завтра, хоть и пребывал в состоянии живописного упадка, оказался самым большим городом, какой Камикадзе с Рыбьенгом доводилось видеть. Не меньше пятнадцати замков было выстроено на краю большой естественной гавани, и тысячи зданий рассыпались вокруг. Дома медленно погружались в болото, напоминая заброшенный лабиринт кроличьих нор. Пустые окна лишь на ширину ладони выступали над поверхностью бочагов.

Там, где некогда стояли дома, лавки, конюшни, где процветал оживленный город, сердце королевства Дикозапада, теперь остались только россыпи камней да обвалившиеся стены и крыши, и ветер печально посвистывал среди развалин, а печальные крики чаек эхом отдавались в руинах.

На вершине самой высокой скалы виднелись остатки самой большой постройки: громадный остов замка самого Черноборода Оголтелого.

Именно там собралась на коронацию громадная толпа бодрых приспешников Элвина и скорбных Воинов Драконьей Печати.

Они замерли, уставясь в небо, замороженные зрелищем ввинчивающихся в вышину Стражей-

Драконов, не замечая засыпающего их песчаного шторма.

— Что происходит? Что это значит? — рывкнул Элвин, вдруг страшно испугавшись, что Королевство могут вырвать у него из рук в последний момент.

Друид-Страж, глава людей-Стражей Завтра, поднял к небесам слепое лицо и принял. Затем опустился на колени и, прижав ухо к земле, вслушался в топот товарищей-Стражей, обыскивающих остров.

— Чужаки... — прошептал Страж. — Чужаки на Завтра... как необычайно...

Бедный маленький заплаканный Беззубик, у которого даже шипы на спинке обвисли от горя, поднял голову, открыл глаза и еле слышно пискнул в надежде. Его хозяин... вдруг это его хозяин?

Элвин побелел. Он забыл, что он еще не Король, и грубо вздернул Друида-Стража на ноги.

— Быстро! Коронацию! Мы должны поспешить с коронацией!

Друид сердито стряхнул его руки:

— С коронацией торопиться не будем. Сначала мои драконы и воины разберутся с незваными гостями...

— Э-элви-ин... — Губы ведьмы Экселинор растянулись в предостерегающей улыбке. — Терпение, мой сладкий... Терпение, милый...

Элвин с усилием взял себя в руки. Мысленно он добавил Друида-Стража к списку приговоренных к казни, но проглотил раздражение и униженно поклонился.

— Я сожалею, ваша друидность... забылся на мгновение... Понимаете, мне так не терпится принять на себя обязанности Короля... и даровать вам свободу, разумеется...

— Свобода... — мечтательно прошептал Друид-Страж.

Кто он такой, чтобы оспаривать волю богов? И если воля богов явилась в омерзительном облике Элвина Вероломного — что с того? По крайней мере, Элвин дарует ему свободу и зрение, под самый конец жизни, возможность впервые увидеть мир...

Двое крепких викингов заволокли трон Дико-запада на возвышение в центре зала, и впервые за сто лет трон встал на свое законное место, вознесшись над королевством Черноборода.

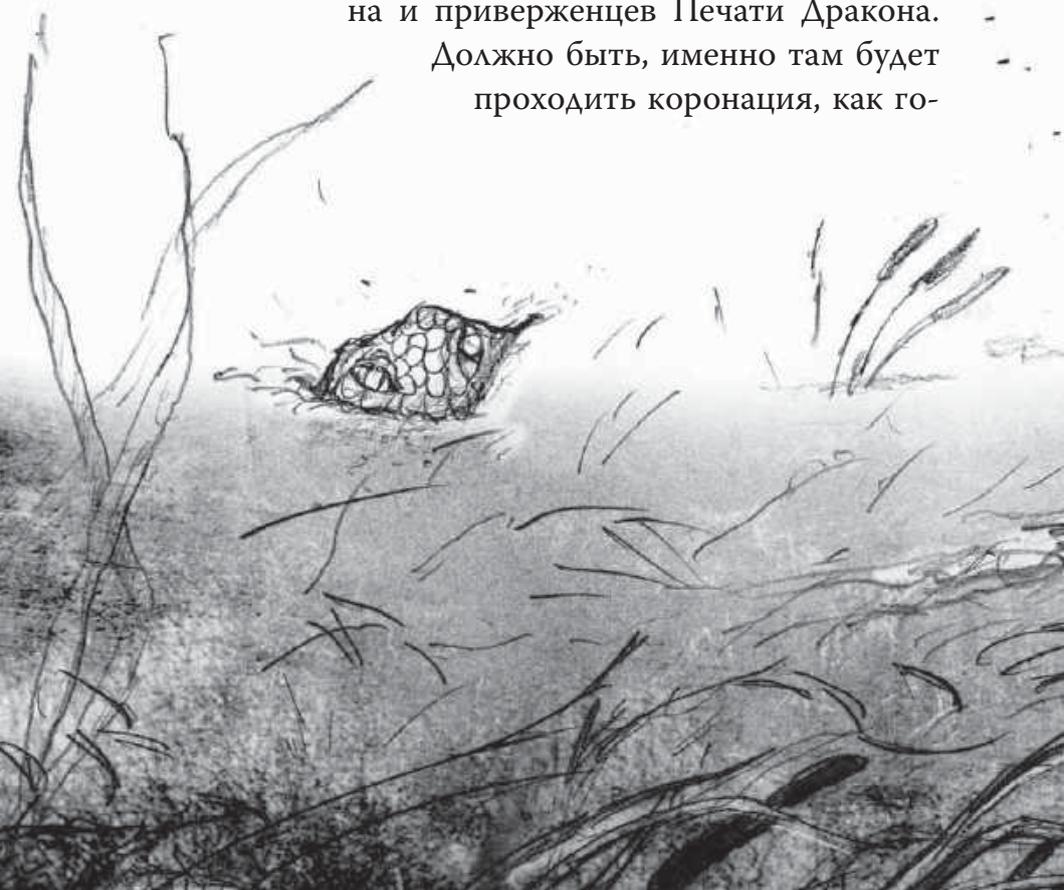
Друид-Страж откашлялся и вскинул руки, готовый начать произносить священные слова церемонии коронации.

Его хозяин... вдруг это его хозяин?

За две минуты до этого Иккинг по пояс провалился в большое болото. Но он слышал вопли Стражей на берегу, и смертный ужас придавал ему силы выбраться из трясины и броситься под прикрытия ближайших папоротников.

Он понимал, что теперь за ним пойдет охота, и заставил себя успокоиться и рассуждать здраво. На миг он высунул голову из папоротника. К востоку располагался город Завтра. Иккинг разглядел стоящие на вершине среди руин великого замка крохотные фигурки воинов Элвина и приверженцев Печати Дракона. Должно быть, именно там будет проходить коронация, как го-

ворил маленький бурый Одиноклык. И надо туда попасть прежде, чем коронуют не того Короля.

Но между ним и замком раскинулось бескрайнее море папоротников. Ему ни за что вовремя не добраться...

Когда крики за спиной сделались громче, он нырнул обратно под прикрытие подлеска.

Пробираясь на четвереньках через мокрый папоротник, Иккинг начал трястись от истерического смеха. Обхохочешься... Он понятия не имел, кто он такой и что делает, у него все болело, за ним гнались тысячи людей и драконов, а ему на самом деле хотелось всего лишь залечь в этом подлеске и уснуть.

Может, в этом и заключается настоящий героизм, кто знает?

Потому что Иккинг слышал за спиной выкрики сотен Стражей-Защитников, идущих вброд по болоту. Еще несколько минут, и его обнаружат, ведь они бегают быстрее, чем он ползет.

Но, пробираясь вперед, Иккинг каким-то невероятным чудом вывалился в длинный туннель, проделанный существом, предпочитавшим перемещаться в папоротнике тайно, чтобы его не заметили кувыркающиеся в небе хищники.

«Травоплеты, — подсказала память. — Бескрылые, среднего размера драконы, прогрызающие туннели в зарослях папоротника по всему архипелагу, чтобы перемещаться по островам с удивительной скоростью».

Обхохочешься...

Он понятия не имел, кто он такой
и что делает.

Земля задрожала, папоротники затряслись, слышался топот бегущих ног, и Иккинг лишь в самый последний миг откатился с дороги, когда мимо, выпучив в панике глаза, пронесся дракон размером с собаку.

Должно быть, взорвавшие песчаный берег громадные чудища растревожили травоплетов, потому что папоротники теперь просто кишели ими. Драконы пронеслись сквозь заросли, словно перепуганные миниатюрные носороги.

К появлению следующего дракона Иккинг был готов и, когда пыхтящая и сопящая тварь пронеслась мимо, ухватил беднягу за длинный хвост и даже ухитрился уцепиться за один из спинных шипов.

Травоплет протестующее заскулил и бешено задергал хвостом, пытаясь сбросить непрошеного наездника, но панического бега не замедлил и продолжал мчаться по туннелю вместе с Иккингом, из последних сил цепляющимся за хвост.

Безумная, беспорядочная гонка продолжалась пару минут. Иккинга отчаянно волокло за травоплетом, подбрасывая на кочках так, что каждый раз чуть дух не вышибало. Но он слышал, как затихают крики Стражей, и отчаянно стискивал хвост, пытаясь не орать при каждом ударе, а обезумевший травоплет увлекал его все глубже и глубже в папоротники.

— **Быстрее! Быстрее!** — восторженно пищал Мухрюндель, выглядывая из рюкзака, пока они летели сквозь папоротники.

Паника гнала травоплета все дальше, его аж заносило на поворотах, а Иккинг волочился за ним, словно ломаная кукла, пока тварь в очередной и последний раз не взмахнула лихорадочно хвостом, и Иккинг, не в силах больше держаться, кувырком полетел наземь. Где и остался лежать, весь в синяках.

Тяжело дыша, мальчик заставил себя подняться на ноги и очень осторожно высунул голову над пологом папоротников. И на этот раз его ждал не жуткий, а приятный сюрприз.

Травоплет мог унести его в любую точку острова. Иккинг мог оказаться очень далеко от цели. Но

по чистому, слепому, тупому везению его приволокли к самому замку. До трона оставалось всего шагов двести.

Это не могла быть просто удача. Это была Судьба.

Не обращая внимания на боль, Иккинг заставил себя идти вперед, вперед, вперед; наполовину хромая, наполовину ползком, он пробирался сквозь липкий ил и заросли куманики.

Вперед, вперед, вперед...

Вперед... вперед... вперед...

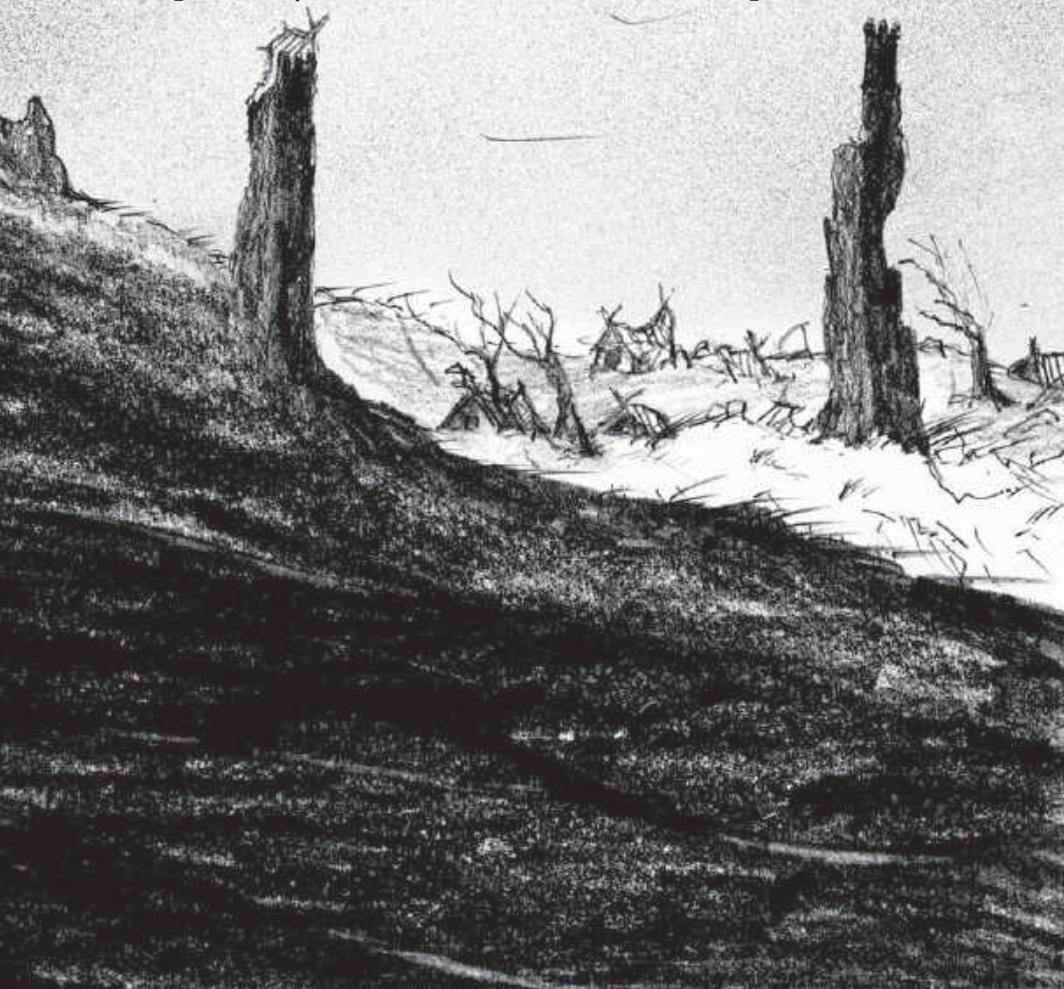
Спотыкающийся, шаркающий,
чуть живой...

Иккинг Кровожадный Карасик III

9. ПРОРОЧЕСТВО ЧЕРНОБОРОДА ОГОЛТЕЛОГО

В замке Черноборода происходила церемония коронации нового Короля Дикозапада. Под защитой громадных, хотя и частью обрушенных стен собрались уцелевшие остатки племен архипелага:

обожженные, голодные, израненные и замученные страшной войной с драконами.

Из замка легко было видеть, почему коронация так необходима. Ведь Чернобород выстроил свой город на таком месте, откуда ему открывался вид на все королевство. К северу высились пики Душегубских гор. К западу простирался бескрайний океан. А на юге и на востоке просматривался каждый островок архипелага — и сейчас все они до единого пылали. Горели даже деревни, захваченные Драконьим восстанием месяцы назад, — Ярогнев выслал войска поджечь их заново, дабы показать людям, что в этот последний день Солнцеворота настал Час Расплаты.

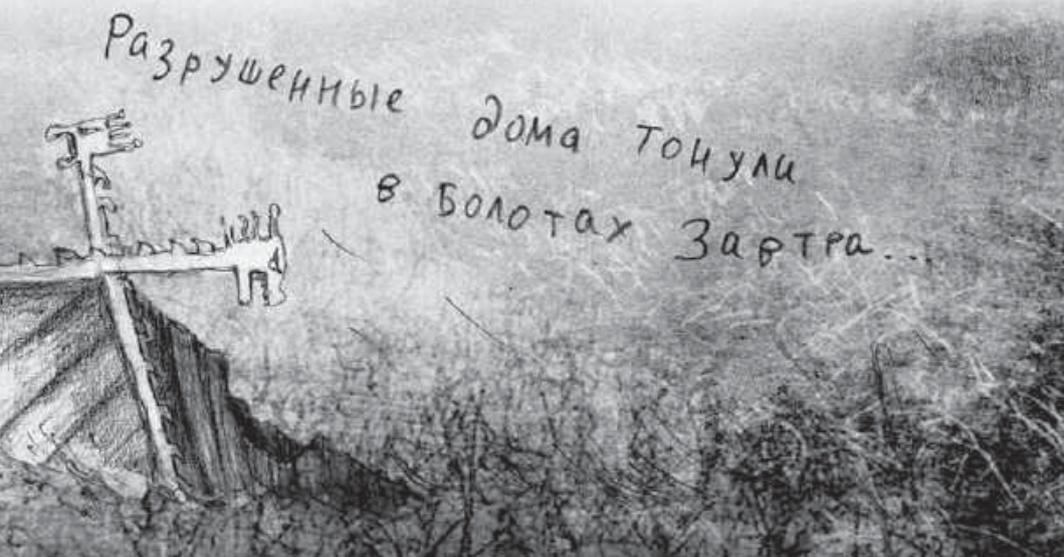

Казалось, полыхает весь мир. Сам великий дракон растянулся в Мародерской гавани, такой невообразимо огромный, что гавань казалась мелкой лужей. Он видел, как они собрались в своем разрушенном замке, жалкие людишки-муравьишки.

— Смотрите, вы, презренные черви, — шипел Ярогнев. — Смотрите и бойтесь.

И Ярогнев заговорил голосом столь низким и могучим, что по Внутреннему океану покатались громадные волны. Слышали его все: люди архипелага в замке, Рыбьеног с Камикадзой верхом на Смертене, даже Иккинг, ковыляющий со всех ног сквозь заросли папоротника.

Ярогнев говорил на викингском наречии, ибо моредраконусы способны говорить по-человечески, если хотят.

— Сегодня день Светопреставления, и в этот день вас всех ждет гибель! КОРОНУЙТЕ своего жалкого нового Короля Дикозапада, сажайте его на ваш дурацкий человеческий трон, а затем приведите его сразиться в поединке со МНОЙ... И как только я его уничтожу, я не успокоюсь, пока не изведу всех до последнего людей на этой земле!

Дракон запрокинул свою громадную голову, и из пасти его вырвалась молния, небо озарилось нестерпимо ярким светом, и повсюду в архипелаге драконы ответили на его зов.

Воины Драконьей Печати и приспешники Элвина на вершине скалы вскинули руки, заслоня лица от слепящего сияния, — весь мир перед ними превратился в огненное море, пылающее ярко, словно тысяча солнц.

Бесчисленные Мятежные драконы присоединяли голоса к жуткому потустороннему воплю, кличу ВОЙНЫ, — столь ужасному, что горы стонали в ответ, а земля тряслась от топота множества драконьих лап, словно началось землетрясение. От этого вопля у всех викингов волосы встали дыбом — привычные к войне, люди знали, что он означает.

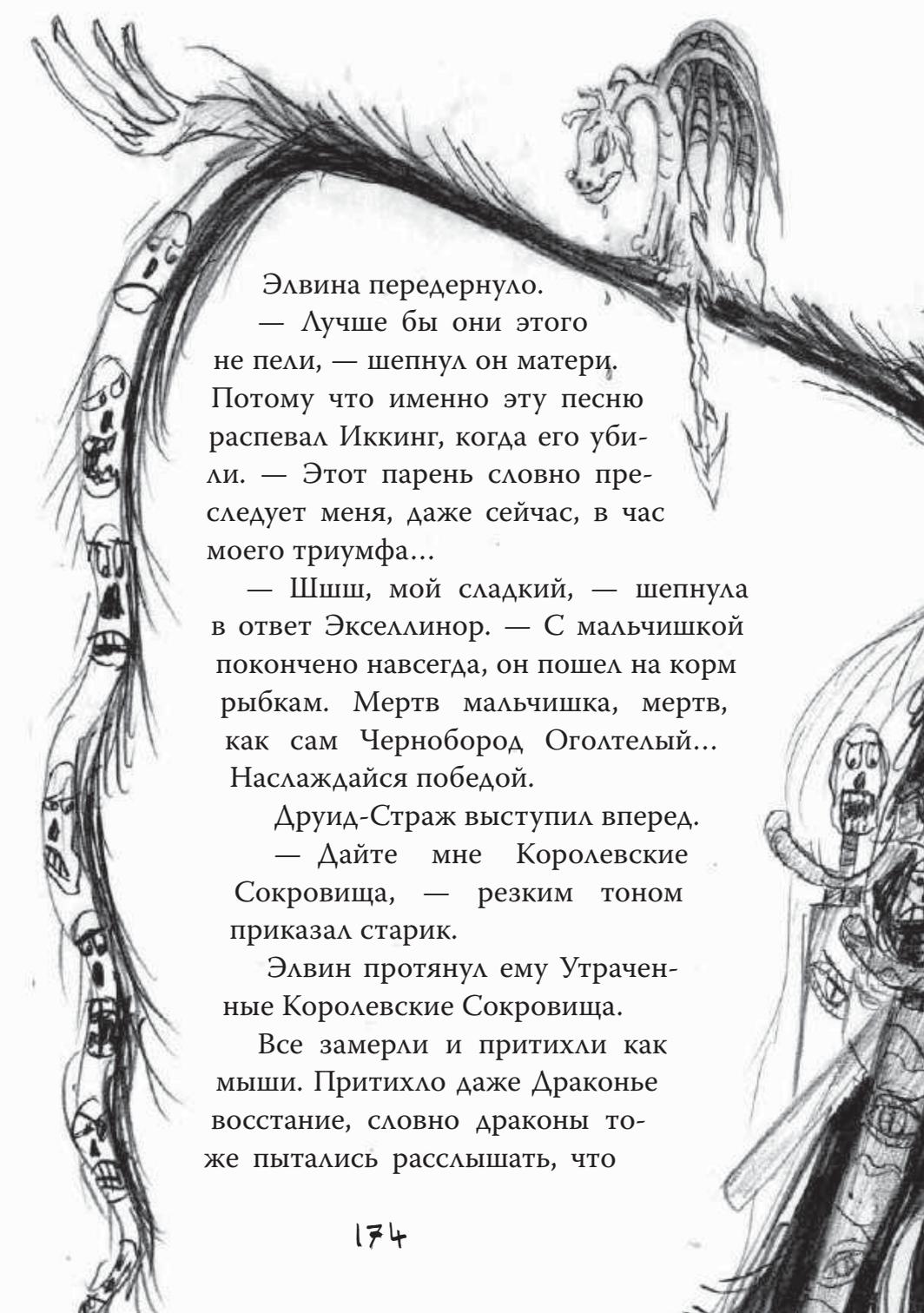
«О боги», — подумал Иккинг, мышью прошныривая сквозь папоротники. Когда эхо жуткого клича стихло, на викингские племена, столпившие-

ся в тронном зале некогда величественного замка Черноборода Оголтелого, опустилась зловещая тишина. словно они впервые осознали, что конец близок. И эта коронация была их последней надеждой, последним броском костей для людей, попавших в ловушку и окруженных на острове Завтра. Казалось, даже Драконий Камень не сможет остановить надвигающийся конец света.

В едином порыве племена запели Последнюю Песнь Черноборода Оголтелого, которую он пел перед тем, как уйти на запад на своем корабле «Бесконечное путешествие» и пропасть навсегда.

Я заплыл далеко, чтобы стать Королем,
Но не вовремя было всегда...
Запутал в бурном прошлом и был сокрушен,
И в ночи не светила звезда...
Но пусть сердце мое разорвал ураган
И разбила корабль беда,
Знаю я — я Герой... а Герой — это...
НАВСЕГДА!

В иных временах и в крае ином
Я мог бы стать Королем.
Но в обрушенных башнях твердыни моей
Только чайки кричат об одном...
Я сжег свое Завтра и не могу
Вернуться туда никогда.
Но все ж я Герой... а Герой — это...
НАВСЕГДА!

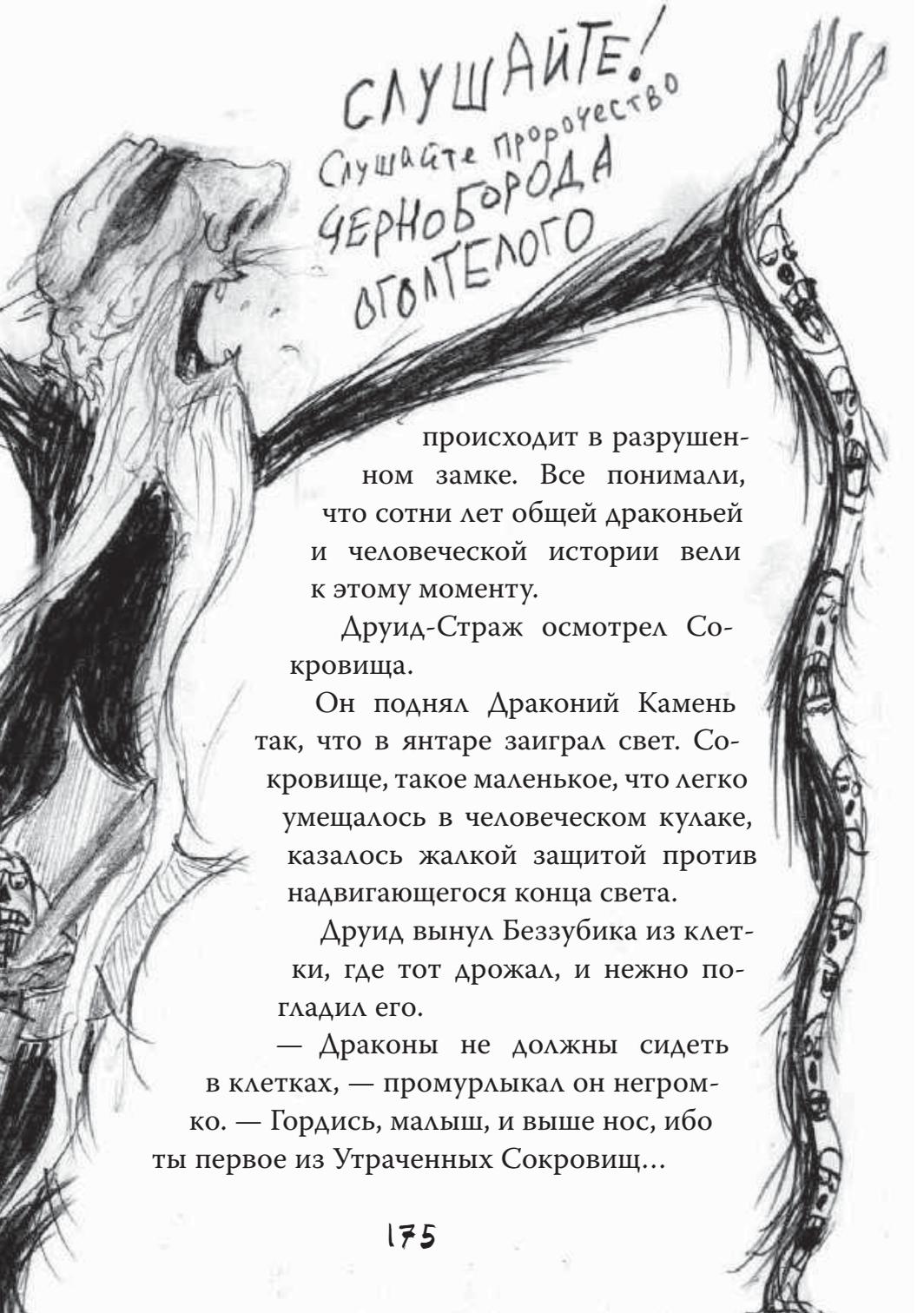
Элвина передернуло.
— Лучше бы они этого не пели, — шепнул он матери. Потому что именно эту песню распевал Иккинг, когда его убили. — Этот парень словно преследует меня, даже сейчас, в час моего триумфа...

— Шшш, мой сладкий, — шепнула в ответ Экселлинор. — С мальчишкой покончено навсегда, он пошел на корм рыбкам. Мертв мальчишка, мертв, как сам Чернобород Оголтыйый... Наслаждайся победой.

Друид-Страж выступил вперед.
— Дайте мне Королевские Сокровища, — резким тоном приказал старик.

Элвин протянул ему Утраченные Королевские Сокровища.

Все замерли и притихли как мыши. Притихло даже Драконье восстание, словно драконы тоже пытались расслышать, что

СЛУШАЙТЕ!
СЛУШАЙТЕ ПРОРОЧЕСТВО
ЧЕРНОБОРОДА
ВГОЛТЕЛОГО

происходит в разрушенном замке. Все понимали, что сотни лет общей драконьей и человеческой истории вели к этому моменту.

Друид-Страж осмотрел Сокровища.

Он поднял Драконий Камень так, что в янтаре заиграл свет. Сокровище, такое маленькое, что легко умещалось в человеческом кулаке, казалось жалкой защитой против надвигающегося конца света.

Друид вынул Беззубика из клетки, где тот дрожал, и нежно погладил его.

— Драконы не должны сидеть в клетках, — промурлыкал он негромко. — Гордись, малыш, и выше нос, ибо ты первое из Утраченных Сокровищ...

Бедный маленький Беззубик немного приободрился от такой человеческой доброты и благодарно лизнул Друиду руку.

— И притом самое луч'шшее Сокровище, — шепнул дракончик, выпрямляя спинку с намеком на прежнее нахальство, и вспрыгнул Друиду-Стражу на плечо.

Старик развернул большой траченный временем свиток, такой древний, что тот едва не рассыпался в пыль у Стража в руках, и принялся читать, хотя Беззубик никак не мог взять в толк, как ему это удастся, ведь глаза у Друида оставались завязаны.

— Слушайте! Слушайте! Слушайте, как сегодня, в день Светопреставления Солнцеворота, я, Друид-Страж, прочту вам пророчество Черноборода Оголтелого!

**ПРОРОЧЕСТВО
ОБ УТРАЧЕННЫХ КОРОЛЕВСКИХ
СОКРОВИЩАХ**

*Близится время драконов,
Лишь Король вас теперь спасет.
Он должен быть Лучшим из Лучших.*

*Вы узнаете Короля
По Утраченным Королевским Сокровищам.
По дракону, клыков лишенному,
По мечу, из лучших второму,
По щиту моему из Рима,
По стреле из страны небывалой,
По рубину, что в форме сердца,
По ключу, все замки открывающему,
По тикалке, короне и трону.*

*Но всех десяти важнее
Драконий Камень,
В нем лишь спасенье.*

— Мое пророчество, — прошептала ведьма Экселлинор, сверкнув глазами. — Пророчество переходило от ведьмы к ведьме век за веком... Видишь, Элвин, дорогой ты мой? Я шептала это пророчество тебе, когда ты был еще младенцем... Я укачивала тебя, напевая его... видишь, как права была твоя мама?

— В этот день сто лет назад, — хрипло продолжал Друид, — на это самое место земли Завтра сын Черноборода Оголтелого Иккинг Кровожадный Карасик Второй и его дракон, Ярогнев, привели мирное шествие драконов с воззванием к отцу Иккинга Второго покончить с мерзостью рабства. Черноборода хитростью заставили принять воззвание за восстание. Он убил своего сына собственным мечом, Лезвием Бури, и кровь его сына пролилась на сиденье этого самого трона.

Все слушавшие содрогнулись, так печальна была эта история.

— И тогда на остров Завтра и трон пало проклятие. Драконы были разбиты, Ярогнев схвачен и закован в неразрывные цепи в глубинах лесной тюрьмы. А Чернобород Оголтелый, осознав, что его обманули, встал на руинах своего горящего замка с телом любимого сына на руках и поклялся, что следующий Король Дикозапада будет лучшим человеком, чем он сам.

И придумал Чернобород Невыполнимую Задачу. Он разбросал Десять Утраченных Королевских Сокровищ по всем концам земли. Спрятал эти Сокровища в самых потаенных уголках архипелага. Многие из них охранялись самыми жуткими чудищами, каких смог сыскать Чернобород, или были сокрыты загадками. Только Истинному Герою под силу собрать Утраченные Сокровища воедино, снять проклятие и стать новым Королем Дикозапада. Только поистине великому Герою хватило бы силы, ума, воинской доблести и мудрости, чтобы собрать все эти Сокровища вместе и заявить права на трон. Только такой великий Герой достоин стать новым Королем Дикозапада.

И, глядя на обступившие нас беды, — произнес Друид-Страж, с горькой иронией обводя жестом войска Драконьего восстания, обложившие остров, — нетрудно заметить, что нам нужен поистине величайший Герой.

Так кто же этот Герой? — выкрикнул Друид-Страж звенящим голосом. — Кто он, нашедший эти Сокровища, кто превосходит величием Черноборода Оголтелого, кто Истинный Король Дикозапада?

Если он здесь, пусть выйдет вперед и назовет себя!

Раздувшись от гордости, Элвин Вероломный выпятил грудь и шагнул вперед, едва не навернув-

Я-Герой,

это я разыскал все

Сокровища!!!

шись, потому что его мерзкая маменька пихнула его в спину сильнее, чем, вообще-то, требовалось.

Всю жизнь Элвин жил ради этого мига. Обманывал, воровал, убивал и предавал. Он заплатил за этот миг чудовищную цену, потеряв попутно глаз, руку, ногу, волосы, нос и... о боги, — душу.

Все ради этого единственного бесценного мига. И оно того стоило.

— Я — Герой, это я разыскал все Сокровища и собрал их воедино! — выкрикнул Элвин Вероломный.

Его сторонники разразились хриплыми приветственными криками. Валгалларама и Стоик Обширный покачали головами в ответ на эту ложь, но промолчали. Что они могли сделать, что сказать? Валгалларама всю жизнь пыталась собрать Утраченные Сокровища, но они к ней так и не пришли, как она ни искала, а ведь она была Великим Героем. Она потерпела поражение.

Оба родителя оказались не в силах защитить своего сына в последний миг. Поражение потерпели оба. Поэтому они молча держались за руки, опустив головы.

— Это я превзошел величием Черноборода Оголтелого! Это я истинный Король Дикозапада,

и я пришел сюда заявить права на мой трон, мою корону и мое право по рождению! — прокричал Элвин, с готовностью вспрыгнув на помост.

Друид-Страж поднял корону, готовый водрузить ее на голову злорадному Элвину. Но он не успел опустить венец — его прервали.

— Погодите... — донесся еле слышный голос с дальнего конца разрушенного зала.

Валгалларама подняла голову.

— Погодите... — повторил голос еще тише.

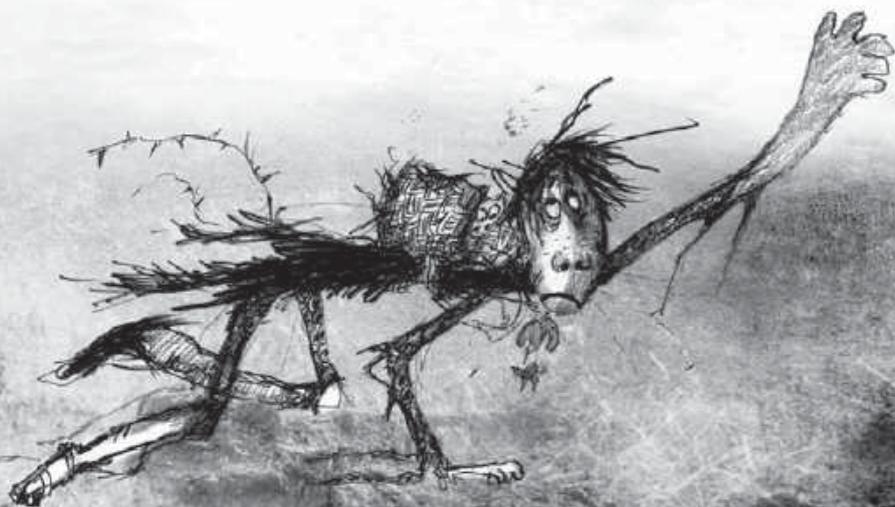
Весь зал — и приверженцы Печати Дракона, и приспешники Элвина, и Стражи, и Элвин, и ведьма — все дружно повернулись посмотреть, откуда исходит этот голос.

И там, в проходе разрушенного Чернобородова замка на острове Завтра показалась ободранная, спотыкающаяся, шаркающая, еле живая фигурка...

Иккинг Кровожадный Карасик III.

—Погодите... —донесся
еле слышный голос
с дальнего конца
Зала.

10. КТО КОРОЛЬ?

За пять минут до этого Камикадза с Рыбьеногом верхом на Смертене безуспешно высматривали Иккинга и вдруг увидели, как он выбегает из зарослей папоротника. Люди-Стражи тоже увидели мальчишку, но на них, откуда ни возьмись, напал Смертень и принялся поливать молниями. Пришлось Стражам распластаться в подлеске, и Иккинг смог добраться до Чернобородова замка непойманным.

Камикадза, Рыбьенег, Ветрогон, Буримуха и Смертень приземлились на краю разрушенного замка, когда Иккинг уже ковылял по остаткам центрального прохода, ведущего к трону.

Его было трудно узнать.

Половина лица и тела белая, половина лиловая, одежда распущена на ленточки когтями, волнами и ветрами, одна сторона тела распухла так, что он едва стоял, не говоря уже о том, чтобы хромать вперед.

Ломаное пугало, а не мальчишка.

Элвин в ужасе ахнул. На один кошмарный миг он и вправду решил, что перед ним привидение, что дух убитого Иккинга вернулся из Валгаллы, чтобы преследовать его. Жизнь у викингов доволь-

но страшная, поэтому их мало чем можно напугать, но уж привидений-то они БОЯТСЯ. А призрак хладнокровно убитого мальчика, скорее всего, окажется весьма недовольным привидением, привидением, которое вернулось мстить...

Поэтому неудивительно, что Элвин побелел и схватился за свою трусливую шею, словно заслоняя ее.

— А-А-А-А-А-А-А! — завизжал Элвин Вероломный. — ТОР, ОДИН И ВСЕ БОГИ, КАКИЕ ЕСТЬ, СПАСИТЕ МЕНЯ ОТ ПРИЗРАКА ЭТОГО НЕСНОСНОГО МАЛЬЧИШКИ! Я РАСКАИВАЮСЬ! РАСКАИВАЮСЬ! ТОЛЬКО ПОЩАДИ МЕНЯ, МИЛОЕ ПРИВИДЕНИЕ! ЭТО НЕ Я, ЭТО ВСЕ МАМЕНЬКА МОЯ ВИНОВАТА!

— Спокойно, Элвин, спокойно, — прошипела ведьма Экселлинор, сузив глаза и принюхиваясь, словно могла учуять, настоящий мальчишка или нет.

Костлявой ладонью она зажала сыну отверстие в маске, заглушая его перепуганные вопли, да так плотно, что он едва не задохнулся.

— Кто это? — возмутился Друид-Страж. — Кто смеет прерывать торжественную церемонию коронации нового Короля Дикозапада?

Иккинг, дрожа, ковылял вперед.

— Это я, — произнес он, волоча онемевшую ногу. — Это я, И... И... И...

Лежа лицом в грязи, он подумал:
а может, и не вставать уже?

На один ужасный миг в голове сделалось абсолютно пусто. Он не мог даже припомнить имя, которым его называл бурый дракончик. Вроде бы оно начиналось на «И»?

Лица всех здоровенных, волосатых варваров повернулись к нему, и на них читалось потрясенное непонимание. Никто его не узнавал.

«Смешно, — думал Иккинг. — Что я делаю? Посмотрите на меня, я ж калека! Как я могу претендовать на звание истинного Короля Дикозапада, когда даже не знаю, кто я такой? Ну и дурак же я... этот бурый дракончик по имени Одиноклык просто разыгрывал меня...»

— **Одиноклык, ты проснулся?** — прошипел Иккинг, но Одиноклык посапывал себе безмятежно. Придется справляться самому.

— **Как меня зовут, Мухрюндель?** — прошептал Иккинг в отчаянии. — **Начинается на «И»?**

— **Игрушка? Изомер? Игольник?** — зашептал в ответ Мухрюндель, выглядывая из рюкзака.

Множество драконов и людей, собравшихся в этом разрушенном замке и замерших в изумленном молчании, его несколько пугало.

А Иккинг ковылял по центральному проходу, шатаясь из стороны в сторону, как пьяный.

— Это... я... — бормотал он, запинаясь. — И... И... и?

И тут он упал.

Лежа лицом в грязи, он подумал: а может, и не вставать уже? Что толку трепыхаться дальше?

Но тут по проходу промчался, заливаясь слезами, Стоик, подхватил своего побитого измученного сына на руки и обнял его так крепко, что едва не доломал.

— Это Иккинг! Мой сын Иккинг! Иккинг Кровожадный Карасик Третий! Он жив!

— Иккинг!

— Это Иккинг!

— Иккинг Кровожадный Карасик Третий! — радостно завопили Воины Драконьей Печати.

Валгалларама устремила к ним и, прижав сына к стальному нагруднику, воскликнула «ИККИНГ!» с такой невероятной гордостью и радостью в голосе, что Иккинг, замороженно моргая, едва поверил своим ушам.

Все эти люди, которых он не узнавал... Все эти добрые незнакомые лица приветствовали его, радовались, что видят его, гордились им. Как такое возможно?

Обмякший и дрожащий на плече у Друида-Стража Беззубик заморгал, словно увидел сон наяву. Потом возбужденно пискнул и...

— Иккинг! Хо-хо-хозяин! — заверещал он и, кувырнувшись в воздухе, бросился к Иккингу с таким восторгом, что чуть не сбил его с ног заново, и принялся с такой любовью вылизывать ему лицо, что Иккинг едва не задохнулся. — **ТЫ Ж-Ж-ЖИ-ИВ!** — И Беззубик заскакал по больной голове Иккинга, вопя: — **ОН ЖИВ! ОН ЖИ-ЖИ-ЖИ-ИВ! ОН ЖИВ! ОН ЖИВ! ОН ЖИВ! ОН ЖИВ!**

Викинги орали приветствия, пока не охрипли. Какой необычайный, восхитительный, невероятный поворот Судьбы! Иккинг жив! Даже сторонники Элвина тянулись потрогать пальцы, руки, плечи мальчишки и убедиться, что он теплый и дышит.

Как такое могло быть? Все они видели своими собственными глазами, как парень свалился со спины Ветрогона в море со стрелой в груди.

Коварняк Гостедав получил отдельный маленький сюрприз. Как у многих суровых людей, у него имелась слабость, и его слабостью был малыш Мухрюндель, пропавший за пару дней до этого.

Вокруг него рушился и разваливался на куски весь мир, а Коварняк по-настоящему горевал только о потере любимого маленького Мухрюнделя и носил в память о дракончике черную повязку на плече. Ведь он-то думал, что его любимца убили в одной из недавних битв.

МОЙ МУХРЮНДЕЛЬ!

— МОЙ МУХРЮНДЕЛЬ! — радостно прогремел Коварняк, распахивая татуированные объятия навстречу малышу. — ЖИВОЙ!

Память у Мухрюнделя была куриная, поэтому он успел начисто позабыть о существовании Коварняка. Но теперь вспомнил, выскочил из рюкзака и порхнул к хозяину. И грозный воин счастливо вздыхал, щекоча питомца за ушами, и нежно, совсем не по-воински ворковал:

— Масенький Мухрюндель скучал по Большому Мохнатому Хозяину, дядя?

Однако кое-кого этот неожиданный поворот событий обрадовал куда меньше.

— Живой! — прошипела ведьма.

— Как такое может быть? — оцетинился Элвин Вероломный. Он уже перестал стонать от страха, убедившись, что перед ним все-таки не призрак,

а просто гнусный мальчишка, который ОПЯТЬ избежал гибели, будь он проклят. — Это невозможно!

— Не бывает не-ВОЗМОЖНОГО, Элвин, — вздохнула ведьма. — Только не-ВЕРОЯТНОЕ...

— Но мы же убили его! — бушевал Элвин.

— Ну-ну, Элвин, — предостерегающе понизила голос ведьма, поглядывая на Друида-Стража. — «Убили» такое грубое слово... Это были непредсказуемые потери, печальное следствие Всеобщей Войны...

— Он был МЕРТВ! — взвизгнул Элвин, уж очень ему было обидно.

— Мертвый, живой — без разницы, — отозвалась ведьма. — Мальчишка — ничто. Недомерок... случайность... отклонение! Одна из шуточек Черноборода Оголтелого! Он ничего не меняет!

— ИККИНГ! ИККИНГ! ИККИНГ! — скандировали приверженцы Драконьей Печати, и сияющие Валгалларама со Стоиком поставили Иккинга перед Друидом-Стражем.

— Рады представить вам нашего сына ИККИНГА! — проревел Стоик Обширный. — Нашего сына ИККИНГА, истинного Короля Дикозапада!

Друид-Страж протянул худую руку и ощупал Иккинга, его цыплячье-тощее предплечье и другое, распухшее, обрывки огнеупорного костюма...

— Его зовут Иккинг, говорите? Ах, это имя в этом замке звучит как заклинание.

— Неважно, как зовут мальчишку! — взывала ведьма.

— Итак, Иккинг, — произнес Друид, не обратив на нее внимания, — ты явился сюда заявить права на трон, но при тебе нет ни единого Королевского Сокровища. Ты знаешь, какое наказание ждет тех, кто несправедливо претендует на царство...

— СМЕРТЬ! — с готовностью влез Элвин. — Наказание — СМЕРТЬ!

— Что ты можешь сказать в свою защиту? — спросил Друид.

— Не спрашивайте его! — напряженно зашипела ведьма. — Нельзя позволять крысенышу говорить! Он умный крысеныш, и ему ни за что нельзя позволять говорить!

Иккинг сглотнул. Что он мог сказать? Он предвидел эту закавыку с той самой минуты, когда бурый дракончик рассказал ему все еще там, на берегу Последнего Приюта.

Как может тот, у кого нет ни одного Королевского Сокровища, претендовать на корону?

К тому же он понятия не имел, кто он такой, не говоря уже о том, как объяснить, что Королем Дикозапада по праву должен стать он.

Но...

«Не бывает не-ВОЗМОЖНОГО, Элвин. Только не-ВЕРОЯТНОЕ».

Ведьмины слова шевельнули память Иккинга, словно потянули за хвостик безнадежно запутавшейся бечевки.

Всего в двух футах от Иккинга стоял морщинистый старик. Не он ли говорил эти слова Иккингу некоторое время назад? Давным-давным-давно? Кто этот милый старик, что так ласково ему улыбается и явно желает добра? Иккинг был уверен, что узнал его, что вспомнил и другие вещи, рассказанные ему некогда этим стариком...

«Мы ограничены лишь пределами нашего воображения...»

Зеленый дракончик подскакивал у Иккинга на плече.

— Ска-скажи им, Иккинг! Скажи им, поч'чему ты должен стать Ко-королем! Скажи им, кто ты та-такой!

Дракончик мягко повернул голову Иккинга к себе и уставился ему прямо в глаза.

— Но я не могу сказать им, кто я, — прошептал Иккинг. — Я даже не знаю, кто ты...

Беззубик расстроился до смешного:

— Как это, не знаешь, кто я? Я же Б'бе-беззубик.

И как только дракончик это произнес, Иккинг вспомнил.

Эти слова словно вытянули последнюю ниточку из узелка, и двери его памяти распахнулись. Он

вспомнил иное время, иное место, иной Геройский Поход, когда Беззубик только-только стал его охотничьим драконом и смотрел ему в глаза этим своим гипнотическим взглядом.

я же Беззубик ...

Беззубик.

Его собственный охотничий дракон.

Он заглянул в обиженные нефритовые глаза
и прошептал в ответ:

— Беззубик...

Беззубик!

Вредный, непослушный Беззубик, самый каприз-
ный, самый милый, самый невозможный дракон
во всем бескрайнем архипелаге... Со счастливой
улыбкой узнавания он обнял маленького, извиваю-
щегося от восторга дракончика.

И, окинув взглядом толпу, он вспомнил их всех...

Стоик, отец.

Валгалларама, мама.

Старый Сморчок, Толстопуз Пивобрюх, Герой Неимоверный Крутняк, Десять Женихов, Элвин Вероломный, ведьма Экселлинор, а в конце разрушенного зала — Смерть с Камикадзой и Рыбьеногом на спине, показывающие большие пальцы... Все товарищи и враги по множеству прошлых приключений смотрели на него кто злобными, кто любящими глазами, надеясь или страшась, что он способен каким-то образом изменить неизбежное, повернуть ход истории, поймать топор судьбы до того, как тот упадет, как сделал некогда на острове Истерия¹.

Он вспомнил и собственное имя. ИККИНГ.

Его звали Иккинг. И ведь такова была работа Иккинга, да? Менять ход истории.

А затем с резкой болью, поймав взгляд Толстопуза, Иккинг вспомнил, что сын Толстопуза, Сморкала, погиб только вчера, и Толстопуз об этом не знает. Иккинг застонал, придавленный грузом вернувшейся памяти...

Сморкала: насмешливый, надменный, бесстрашный, неизбежный Сморкала с невообразимой храбростью положил свою жизнь, чтобы он, Иккинг, жил и стал Королем.

¹ Об этом рассказывается в четвертом томе мемуаров Иккинга «Как перехитрить дракона».

Самое малое, что Иккинг мог для него сделать, это позаботиться, чтобы жертва Сморкалы не оказалась напрасной.

Он ОБЯЗАН это сделать.

Иккинг сглотнул.

Королевских Сокровищ у него нет...

Но...

Каким-то образом навалившиеся воспоминания воскресили в его воображении десять великих Геройских Походов, что привели его к десяти Утраченным Сокровищам, хотя в то время он даже не сознавал, что собирает их и что вообще это Геройские Походы, а не обычные приключения.

— Это правда, — сказал Иккинг наконец. Голос его дрожал, потому что этого явно было недостаточно. — Я пришел сюда с пустыми руками. У меня нет ни единого Королевского Сокровища. Я могу лишь рассказать, чему я научился, пока находил их.

— Он говорит! — в панике заскулила ведьма. — Не давайте ему ГОВОРИТЬ! Нельзя позволить хитрому крысенышу выкрутиться из этой...

— Вот лишь кое-что из того, что я вынес из трудностей, которые мне пришлось преодолеть, пока я собирал Сокровища, — продолжал Иккинг, не обращая на нее внимания. — Первое приключение, поиск беззубого дракона, научило меня, что страх и унижения — не лучший способ приручения драконов.

Второе, меч: порой второй из лучших — самый лучший.

Третье, щит: иногда за свободу нужно сражаться.

Четвертое, тикалка: когда сражаешься за друга, сражаешься и за себя.

Пятое, рубин в форме сердца: любовь не умирает.

Шестое, стрела из Страны-Которой-Нет: прежде чем отправляться на поиски Нового Света, надо привести в порядок Старый, и порой то, что ты ищешь, обнаруживается прямо у тебя под носом.

Седьмое, ключ-от-всех-замков: случайности не случайны.

Восьмое, трон: власть развращает.

Девятое, корона: не оставляй попытки, даже если тебя побили еще до начала.

И десятое, Драконий Камень, — закончил Иккинг. — Прежде чем стать Королем, нужно побывать в шкуре раба.

Повисло долгое-долгое молчание.

Все эти Геройские Походы, казалось совершенно не связанные друг с другом, иные просто сумасбродные, словно метания пропавшей Иккинговой лодки по имени «Молодой талантливый баклан»... Как странно: сложи их вместе — и вдруг поймешь, что они такое на самом деле.

Уроки для Короля.

— Умно, ничего не скажешь, — произнес одинокий Тихушник.

— Ничего не умно! Главное, что Иккинг не может стать Королем, потому что у него НЕТ СОКРОВИЩ! — прошипела ведьма. — Мы уже все это проходили... Может, Иккинг и добыл эти Сокровища первым, но СУДЬБА распорядилась так, что Королем по веским причинам должен стать ЭЛВИН. Взгляните на наш прекрасный мир, сожженный дотла! — Ведьма ткнула костлявым пальцем в пылающий архипелаг. — Драконы решительно настроены стереть нас с лица земли, и только у Элвина хватит мужества воспользоваться тайной Камня, чтобы сокрушить их. Мальчишка слаб... он попробует торговаться с Ярогневом...

— Ярогнев не чудовище! — выкрикнул Иккинг. — Может, я и сумею его уговорить! И даже если ничего не выйдет, разве не стоит хотя бы попытаться спасти драконов, которых мы любим?

Друид-Страж повернулся к выжидательно наблюдающей толпе:

— Что скажете вы, народы архипелага?

Барвара из Варваров ответила за очень многих из собравшихся:

— Однажды мы пошли за тобой, Иккинг. В тюрьме Черного Сердца многие из нас принесли эту клятву, и впоследствии я приняла Драконью Печать вместе со многими другими. Я надеялась, памятуя твои подвиги, твои Походы, о которых была наслышана, что ты окажешься тем Отмеченным

Варвара из Варваров
и ее черный кот, бесстрашный.

Судьбой, кто приведет нас всех в новую и славную эпоху... Но с тех пор прошел почти год войны. Мы потеряли все. Драконы поубивали наших любимых, разрушили наши дома, целые горы свернули. Они не останутся, пока мы все не будем мертвы. И пусть я викинг... сознаюсь, мне страшно.

Варвара говорила за всех. Они были викинги, но им было страшно. Не просто лишиться жизни, но потерять весь мир.

— Чтобы сделать то, что хочешь сделать ты, Иккинг, — закончила Варвара с оттенком усталого отчаяния, — Судьбе надо очень сильно постараться. Возможно, единственный путь теперь — это путь Элвина. И возможно, именно поэтому Судьба даровала Королевские Сокровища ему.

Не суди народы архипелага слишком строго, читатель. Ты же не знаешь, как бы ты повел себя, если бы тебе выпало столько суровых испытаний. Они лишились дома, оголодали, и жгучее пламя войны выжгло их до такой степени, что они перестали быть собой. Они утратили всякую надежду и скатились в бездну отчаяния. А оказавшись в бездне отчаяния, выбраться гораздо труднее, чем может показаться.

Усталые народы архипелага не хотели истребления драконов. Они любили своих драконов. Если ты не летал верхом на драконе, не чувствовал, как ветер треплет волосы, не видел раскинувшийся

внизу миниатюрный, словно игрушечный, мир, ты не жил по-настоящему.

Но...

Пусть они были викингами, они начали бояться.

— ЭЛВИНА НА ТРОН! — взревел какой-то Драчун.

— ЭЛВИНА НА ТРОН! — отозвался сердитый Шандарахайк.

И даже более мирные племена — Тихушники, Остолопы, Миролюбы, хоть и не кричали за Элвина, но и не возражали, потому что устали, оголодали и впали в отчаяние.

Друид-Страж одарил Иккинга ласковым взглядом, если только может одарить ласковым, да еще и взглядом суровый воин с завязанными глазами.

— Ты хорошо усвоил уроки, полученные в поиске Сокровищ, мальчик. — Что-то подсказывало Друиду, что он выбрал бы Иккинга, будь на то его воля. — В мирное время из тебя вышел бы отличный Король. Но в час войны королям приходится принимать трудные решения и делать очень неприятные вещи, чтобы защитить свой народ...

В этих книгах уже не раз говорилось, потому что важные истины следует повторять не единожды: навверное, нам повезло, что мы не короли и не герои, потому что нам не приходится делать выбор, какой выпадает на долю королей и героев.

— Я должен короновать того, кого выбрали Судьба и Чернобород Оголтельный, — произнес

Друид-Страж. — Мне нужно НАСТОЯЩЕЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, что Чернобород намеревался назначить Королем тебя. И как видишь, при всем, что сказано и сделано, Сокровищ у тебя нет.

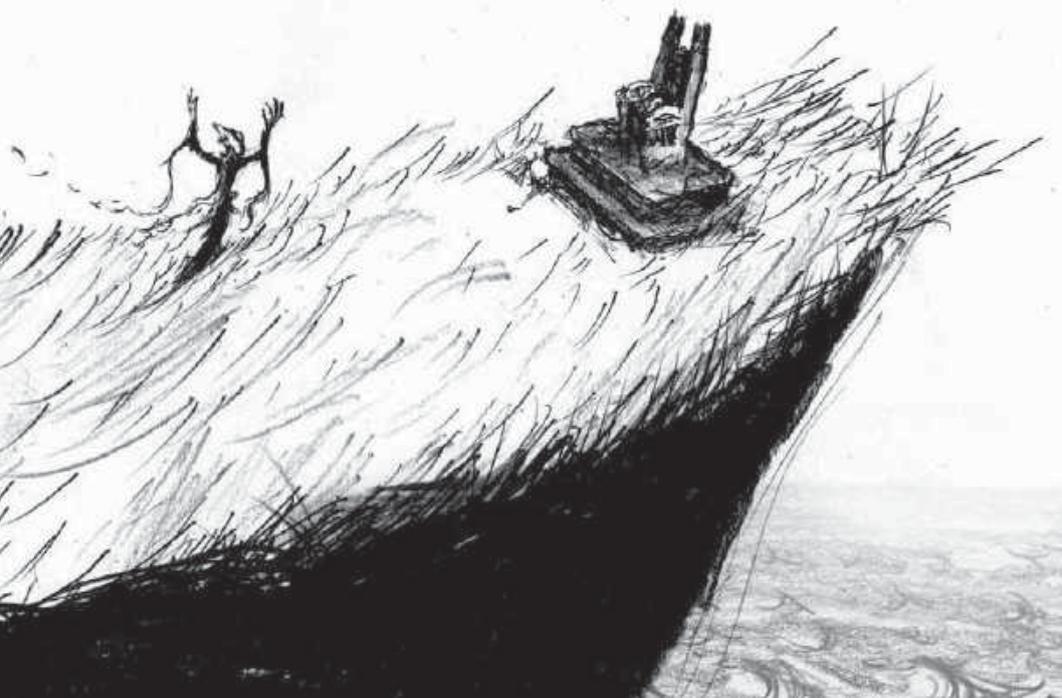
— Ты не понимаешь, — настойчиво заговорил Иккинг. — Я *должен* стать Королем. Должен сделать это. Понимаешь, ведь Сморкала...

— Отойди, мальчик, — прервал его Страж.

— И это все, что вы собираетесь сделать? — взъярился Элвин. — Почему вы не спустите своих Драконов-Стражей, чтобы они убили его?

Друид-Страж оттолкнул Иккинга и раскинул свои похожие на нетопырьи крылья руки.

— ВОССТАНЬТЕ, ВЕЛИКИЕ СИЛЫ СУДЬБЫ И ТЬМЫ! — выкрикнул он.

11. ПИСЬМО ЧЕРНОБОРОДА

— Извините!

В дальней части зала возникла какая-то суета. Часовые пытались не пустить в проход тощего мальчишку, похожего на комара-сенокосца.

— Извините, ваше великолепие! — крикнул Рыбьенег, выкручиваясь из хватки Стражей.

— Кто смеет прерывать нашу торжественную церемонию во второй раз? — несколько раздраженно спросил Друид-Страж. — Я тут Короля короновать пытаюсь, впервые за сотню лет!

— Это никто! Пустое место! — проскрежетала ведьма. — Просто недомерок вроде Иккинга! Нам не следует его слушать...

— Меня зовут Рыбьенег Безымянный, и у меня имеется **НАСТОЯЩЕЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО**, что Иккинг — Король: письмо самого Черноборода Оголтелого, написанное его собственной рукой!

Внезапно показалось, что в конечном итоге Судьба прислушивается и держит руку на пульсе человеческих дел. Письмо Черноборода Оголтелого, написанное его собственной рукой!

— Оно у тебя? — ахнул Иккинг.

— Пусть мальчишка приблизится к трону! — велел Друид-Страж.

Рыбьенюг, дрожа, подошел и вынул из разваливающегося садка для омаров, превращенного им в Тревожный Сундучок, потрепанные остатки письма¹. Письмо рвали драконьи когти, жгла вул-

¹ Внимательный читатель наверняка заметил, что полностью письмо можно прочитать в самом конце второй книги, «Как стать пиратом», то есть ровно ДЕСЯТЬ КНИГ НАЗАД.

каническая лава, топила слюна слизнеклыка. Оно прошло с Иккингом и Рыбьеногом все переделки, в которых они побывали, но каким-то образом, как и сами мальчишки, уцелело, только слегка истерлось и обгорело по краям.

— Иккинг хотел оставить это письмо там, где нашел, в подземной пещере вместе с кладом Черноборода, — сказал Рыбьеног. — Но я тайно забрал его с собой, на случай если нам когда-нибудь понадобится доказать, что Иккинг — подлинный Наследник Черноборода Оголтелого.

Рыбьеног поправил очки так, чтобы смотреть сквозь неразбитую часть.

— Вот соответствующие строки, — пояснил он, прежде чем зачитать отрывок из письма. — Чернобород Оголтелый говорит:

Я мечтаю о наследнике, который будет
Заклинателем Драконов, Лучшим Бойцом
на Мечах, Человеком, который Умеет Говорить
с Чувовищами, кто сумеет обуздать силу
самого Громовержца Тора...

Я мечтаю о наследнике, который будет
Заклинателем Фраконов, Лучшим Бойцом
на Мечах, Человеком, который Умеет Говорить
с Чудовищами, кто сумеет обуздать силу
самого Громовержца Тора...

— А Заклинателем Драконов может считаться только Иккинг, потому что Иккинг — единственный, кто умеет говорить по-драконьи, — добавил Рыбьенг.

Всем пришлось признать, что это впечатляющее доказательство.

— Этот мальчик, Иккинг, говорит по-драконьи? — удивленно воскликнул Друид-Страж.

Викинги наострили уши. Несмотря на страх, голод и отчаяние, письмо задело их за живое. Толпа волновалась и шелестела, как беспокойное море. Чернобород Оголтелый мечтал о наследнике, который был бы Заклинателем Драконов, Лучшим Бойцом на Мечах?

Неужели Иккинг — тот наследник, о каком мечтал Чернобород? Это бы все изменило! Возможно, у Мальчика-Будущего-Короля и есть шанс, если уж Судьба на его стороне?

— О-о-о, вот это да-а... — ахнула толпа. — Это довод... Иккинг говорит по-драконьи... это очень необычное умение...

— Тоже мне! — прошипела ведьма. — Элвин говорит по-драконьи не хуже Иккинга. И Иккинг не «обуздал силу самого Громовержца Тора», помимо всего прочего, это невозможно...

— А вот и обуздал! — горячо возразил Рыбьенг. — Однажды, когда Норберт Сумасброд загнал его на мачту корабля, на котором мы

плыли, Иккинг заставил одну из Торových молний ударить в Норбертов Топор Судьбы в самый нужный момент!¹

Обуздать Торову молнию! Это вам не микродракон начхал, да?

— Ну, если обуздание Торовой молнии заключается только в этом, то так всякий сможет! — бушевала ведьма. — Надо всего лишь выйти в грозу с чем-нибудь остроконечным в руках!

Но никто не слушал.

— Я помню! Это было, когда Иккинг отправился в небывалую страну и спас нас от рабства! — выкрикнул из задних рядов маленький Странник по имени Медведик. — Я был там! Это было, когда Иккинг спас мне жизнь!

— И меня, и мою! — закричала его старшая сестра Эггингарда.

И другие Странники вразнобой подхватили:

— И меня! И меня! И меня!

— О нет! — прошипела ведьма, встревоженно оглядывая толпу. — О нет... Только не по новой... Нет...

Но было уже поздно.

Толпа викингов-слушателей одобрительно зашумела, и они начали перешептываться:

— Умно придумано, эта штука с молнией. Очень умно...

¹ Об этом можно прочесть в книге седьмой, «Как разозлить дракона».

— Не тогда ли это было, когда Иккинг выиграл Межплеменной Заплыв? Он единственный продержался в море полных три месяца, а последний, кому это удалось до него, был сам Чернобород Оголтелый...

— Думаешь, это знак?

— НУ КОНЕЧНО знак...

— Никакой не знак! — заскулила ведьма. — Ничего это не значит, кроме того, что оба они, и Чернобород, и Иккинг, наверняка СЖУЛЬНИЧАЛИ!

— У меня есть и БОЛЕЕ надежные доказательства, — сказал Рыбьенег.

— Неужели некому заткнуть этого мальчишку? — рывкнула ведьма.

— Карта, рассказывающая, где искать Драконий Камень, нарисована на обратной стороне завещания Черноборода Оголтелого. Иккинг спас это завещание из горящей тюрьмы Черного Сердца, — продолжал Рыбьенег. — И я счел своим долгом приберечь его для Иккинга. Думаю, здесь тоже содержится ключ...

— Завещание Черноборода Оголтелого! — ахнул Друид-Страж. — Почему ты не упомянул об этом раньше? Прочти же мне, мальчик!

Рыбьенег поднял свиток так, чтобы все видели.

«Это мой любимый меч. Оставляю его моему Истинному Наследнику, Потому что Лезвие Бури всегда уводило немножко влево. Не все то золо-

то, что блестит...» — прочитал он. — И в довершение всего Чернобород написал: «Отвага: То, что внутри, важнее того, что снаружи. (Верь мне: это еще не конец). Вот карта — она приведет тебя к Драконьему Камню»¹.

— О-о, как интересно! — протянули все, потому что любили загадки.

— Не все то золото, что блестит... Это ЯВНО про Иккинга сказано, ведь он-то с виду совсем не блестящий...

— И смотрите! У Элвина Лезвие Бури! А это не любимый меч Черноборода... а значит, Элвин — не Король...

¹ Впервые завешание можно прочитать также в книге «Как стать пиратом», но второе послание написано невидимыми чернилами и проявляется только под действием яда гадючки отравной в девятой книге, «Как украсть драконий меч».

О нет...
опять...
только
не это...

— Смотрите! — воскликнула Варвара из Варваров. — Мой черный кот выбрал Иккинга! Как, по-вашему, это тоже знак?

И правда, Варварин черный кот спрыгнул с хозяйкиной головы и теперь с урчанием вился вокруг ног Иккинга.

— Королей не выбирают КОТАМИ! — ярилась ведьма. — Никакой это не знак!

Но она бесновалась уже от бессилия — настроение толпы поменялось необратимо, и ведьма ничего не могла с этим поделать.

Вот так рождаются легенды...

Воспоминание о том, как Иккинг разыскал Королевские Сокровища, напомнило викингам о прошлом, и они принялись делиться историями о том, как Иккинг спасал им жизнь.

— Меня Иккинг трижды спасал: когда я была в плену у римлян, у Берсерков и у ведьмы... — хвасталась Камикадза.

— А мою жизнь он спас, когда мы висели на той скале под школой «Гром и Молния»! — выкрикнул юный Хулиган.

И другие загалдели:

— Меня тоже! Меня тоже! Меня тоже!

— А нас бы скормили Зверю Берсерка, если бы не Иккинг! — заявили Десять Женихов.

— Иккинг спас нас от Зеленой Смерти на Олухе! — крикнул Остолоп.

— А НАС Иккинг спас от Злокогтя, который не выпускал нас с нашего острова! — орал какой-то Истероид.

— И он спас ВСЕХ НАС в то жаркое лето, когда на архипелаге случилось нашествие экстерминаторов, это когда еще вулкан взорвался!.. — вопил Хулиган.

Бывают в человеческих делах мгновения наподобие тех, когда прилив сменяется отливом или ветер начинает дуть в другую сторону. Вот только что все вроде бы полным ходом катится к чему-то одному, и вдруг — раз! — и выходит совсем иначе. Раздается одинокий голос, вроде голоса Рыбьенога, и почему-то звучит как глас Судьбы, и мир замирает в шатком равновесии... А потом вступают новые голоса, все больше, и больше, и больше, и вот уже

ветер меняется, прилив поворачивает вспять, и все несется кувырком, нарастая, набирая неукротимую силу, — совершенно в другую сторону.

Эти несчастные люди прошли сквозь отчаяние и голод и едва не последовали за неопишимо ужасным Элвином. Но письмо Черноборода, его завещание, сам факт, что Иккинг уцелел, — все это неожиданно подарило им новую надежду.

И надо сказать, что викинги способны испытывать очень сильные, яркие чувства... но, подобно переменчивым ветрам архипелага, мгновением позже могут развернуться в прямо противоположном направлении.

— Быстро, Элвин! Придумай, что хорошего ты сделал в последнее время! — прошипела ведьма. — Что-нибудь, что поможет тебе завоевать их сердца!

— Ну... э... на прошлой неделе я на какое-то время перестал пороть рабов, — припомнил Элвин. — У меня по ладони волдыри от бича пошли...

— Неужели ты ни разу никому жизнь не спас? — взвилась ведьма.

— Я был слишком занят спасением собственной жизни, мамочка, — огрызнулся Элвин. — И весьма впечатляющими способами, скажу без ложной скромности...

Повсюду вокруг в разрушенном замке Черноборода Оголтелого викинги рассказывали друг другу о добрых делах Иккинга. Рассказчики, увлекшись,

несколько приукрашивали свои истории, Иккингу добавляли сверхчеловеческих и супергеройских свойств — такова уж природа рассказов и рассказчиков с начала времен.

Коварняк Гостедав был одним из самых верных последователей Элвина, но даже он вспрыгнул на обломок колонны и заорал в толпу, подняв над головой ладони с пыхтящим Мухрюндедем, словно это была драгоценная реликвия:

— ИККИНГ ОТПРАВИЛСЯ В ВАЛГАЛЛУ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬ МНЕ МОЕГО МУХРЮНДЕЛЯ!

Строго говоря, истине это не соответствовало, но задело струну всеобщего настроения. Отмеченный Судьбой мальчишка сумел попасть в Валгаллу и вернуть Мухрюнделя? Да этот парень, поди, сотворит чудо и закончит эту войну так, что уничтожать драконов не понадобится!

— Если Иккинг и правда отмечен Судьбой, — говорили они друг другу, — если он в самом деле такой наследник, о каком мечтал Чернобород, может, Иккинг и сумеет спасти для нас драконов... может, он сумеет договориться с Ярогневом... Если он способен волшебным образом вернуться из мертвых, как вот только что сделал, может, он вообще все может?

— Иккинг умер... — сказал верный сторонник Элвина, недоверчиво качая головой, — я сам видел, как стрела вошла ему точнехонько в грудь.

Это была неправда, но рассказчики слышали только то, что хотели слышать, и история была важнее правды, поэтому они сразу начинали рассказывать то, во что хотели верить:

— Иккинг побывал в Валгалле и вернулся, чтобы быть среди нас, а любой, кто на такое способен, ну... я за ним хоть на край земли. ИККИНГА НА ТРОН!

— ИККИНГА НА ТРОН! ИККИНГА НА ТРОН!
ИККИНГА НА ТРОН!

— НЕТ! — взвизгнула ведьма, вне себя от ярости. Она бесновалась, топала ногами и плевалась в вопящую и хлопающую толпу. — ОЧНИТЕСЬ! ВЫ тут ничего не решаете, голодранцы! Где вы, по-вашему, в РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ? Это диктатура! Это Судьба! Страшный старик с завязанными глазами будет решать, кто Король, а не ВЫ! НИКТО ИЗ ВАС!

— ИККИНГА НА ТРОН! ИККИНГА НА ТРОН!
ИККИНГА НА ТРОН!

— Молчать! Если вы оскорбите страшного старика с завязанными глазами, он призовет своих ужасных Драконов-Стражей Завтра, и они унесут вас в забвение и перемелют ваши кости в прах! — пообещала разъяренная ведьма.

— ИККИНГА НА ТРОН! ИККИНГА НА ТРОН!
ИККИНГА НА ТРОН!

— Ну же, Друид-Страж! — крикнула Валгалла-рама Белорукая. — Какова воля народа? Я уже го-

ворила народам архипелага в прошлый раз, когда все собрались в тюрьме Черного Сердца, что они могут выбрать себе Короля, и снова задаю им этот вопрос. Будет это Элвин Вероломный, который обещает нам рабство и окончательное истребление драконов? Или будет это мой сын, Иккинг, который несет надежду на новый и лучший мир?

— СЕЙЧАС речь не про волю народа! — проскрежетала ведьма. — Тут ты не заставишь судью передумать, налепив дурацкое Клеймо раба и объявив его Печатью Дракона!

— У Иккинга есть Печать Дракона? — живо поинтересовался Друид-Страж. — А знаете, Чернобород ведь в конце жизни принял-таки Печать в знак раскаяния!

— Да хватит уже про всякие идиотские знаки! — рявкнула ведьма, уже лиловая от бешенства. — Уж вам-то не следовало бы оглядываться на черных котов и прочие суеверия! Это Судьба! Это будущее человечества! Речь идет о воле БОГОВ!

— ИККИНГА НА ТРОН! ИККИНГА НА ТРОН!
ИККИНГА НА ТРОН!

Друид-Страж вскинул руки.

— Ведьма права, — молвил он. — Речь действительно о воле богов... ТИХО!

Народы архипелага безмолвно застыли в замке.

Друид-Страж поднял корону, словно предлагая ее в жертву богам наверху.

Элвин стоял от Друида слева, а Иккинг справа.

— ВОССТАНЬТЕ, ВЕЛИКИЕ СИЛЫ СУДЬБЫ И ТЬМЫ! — выкрикнул Друид-Страж в штормовое небо. — ПРИШЕЛ ЧЕЛОВЕК, НАСТАЛ ЧАС. НО ЗДЕСЬ СО МНОЙ ДВА ГЕРОЯ, А Я НЕ МОГУ КОРОНОВАТЬ ДВУХ КОРОЛЕЙ. СКАЖИ МНЕ, ДРАЖАЙШИЙ ПРИЗРАК ЧЕРНОБОРОДА ОГОЛТЕЛОГО: КТО ИСТИННЫЙ КОРОЛЬ ДИКОЗАПАДА? КАКОВА ВОЛЯ БОГОВ? ПОДАЙ МНЕ ЗНАК О СВОИХ НАМЕРЕНИЯХ!

Повисло долгое-предолгое молчание. Вверху яростно клубились и погромыхивали штормовые тучи. А люди в разрушенном замке затаили дыхание, и даже драконы снаружи, в кольце Мародерской гавани, казалось, тоже замерли. И великая тишина опустилась на мир, когда все подались вперед, чтобы услышать вердикт Друида-Стража.

А Друид раскачивался и дрожал, словно принимал сообщение от богов и призрака Черноборода Оголтелого прямо из грохота и вспышек шторма.

Драконы-Стражи говорили с ним. Все драконы вокруг Иккинга пригнули головы и зажали лапами уши — видимо, звук был слишком высок, и слышать его могли только драконы и Друид-Страж.

Старик бормотал себе под нос в ответ на слова Драконов-Стражей:

— Правда? Ну ничего себе... Как интересно... У вас глаза получше моих... Склоняюсь перед вашим верховным суждением...

Элвин стоял от Друида по левую руку, а Иккинг по правую.

Казалось, прошло сто лет, прежде чем Друид заговорил.

Но еще до того кое-что случилось, и кто знает, может, эта последняя штука и оказалась тем, что склонило чашу весов? Выглядело-то определенно **ВПЕЧАТЛЯЮЩЕ**.

Толпа получила свое неопровержимое доказательство. Теперь им просто требовался знак богов, подтверждающий правильность их выбора.

И они его получили.

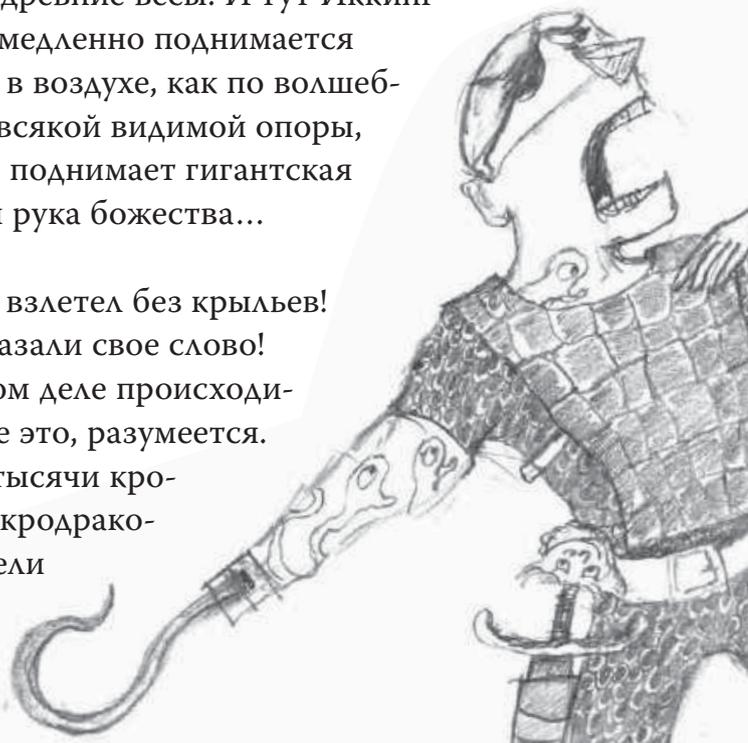
Вот стоит Друид-Страж, положив одну руку на плечо Элвина, а вторую на плечо Иккинга, словно древние весы. И тут Иккинг медленно-медленно поднимается и зависает в воздухе, как по волшебству, безо всякой видимой опоры, словно его поднимает гигантская невидимая рука божества...

Чудо!

Иккинг взлетел без крыльев!

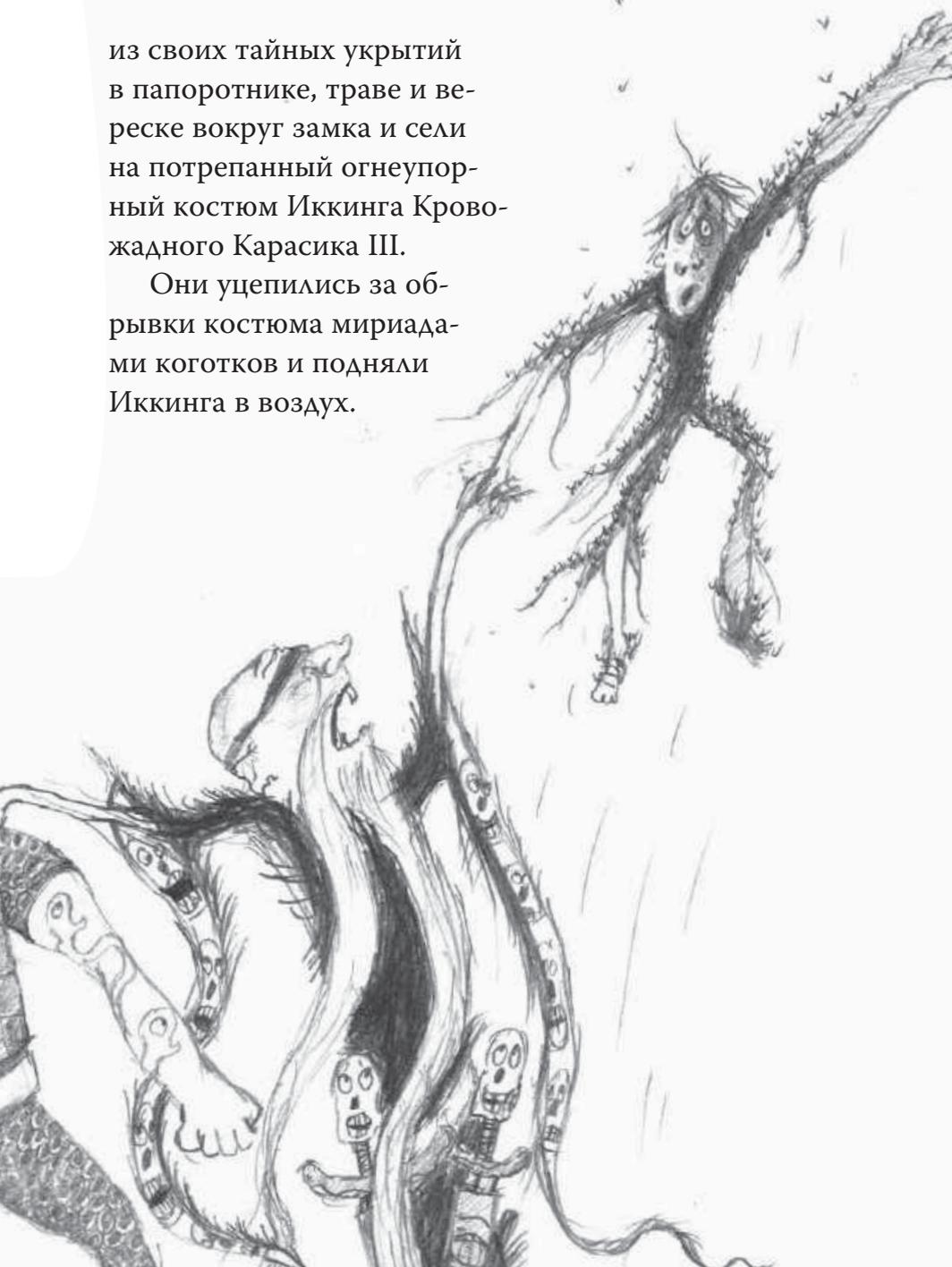
Боги сказали свое слово!

На самом деле происходило вовсе не это, разумеется. Тысячи и тысячи крохотных микродраконов вылетели

из своих тайных укрытий в папоротнике, траве и вереске вокруг замка и сели на потрепанный огнеупорный костюм Иккинга Кроважного Карасика III.

Они уцепились за обрывки костюма мириадами коготков и подняли Иккинга в воздух.

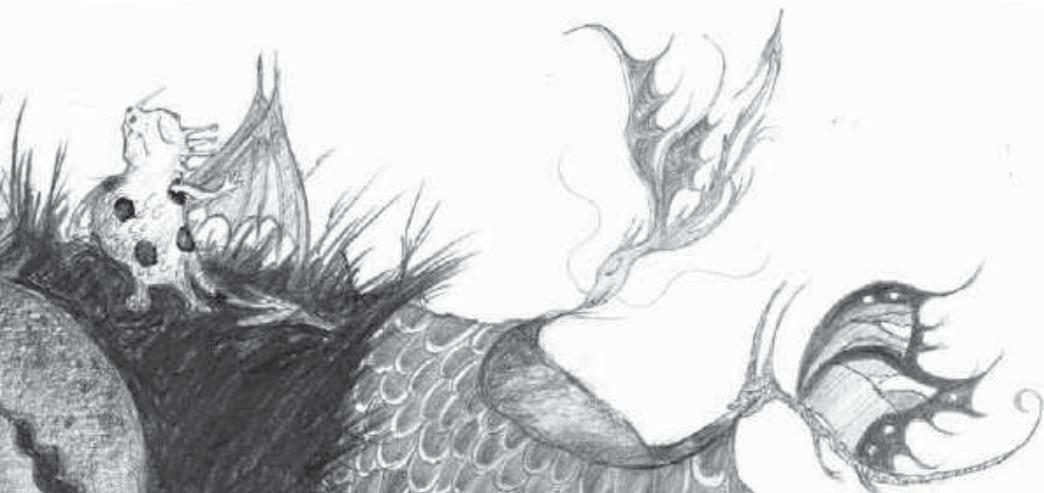
— Зигзаггерастик... — шепнул про себя пораженный Иккинг, глядя на свой костюм, внезапно оживший морем миниатюрных жужжащих микродраконов.

Так получилось, что Зигзаггерастик, королю микродраконов, Иккинг в свое время спас жизнь. Но они уже несколько лет не виделись, поэтому Иккинг несколько напрягся, когда в этот роковой миг бесчисленные подданные крохотного короля, откуда ни возьмись, явились помочь ему.

— Ты не замечаешь нас, но мы-то тебя всегда видим, — дружно прожужжал драконий рой тоненькими злобными голосками, словно в ответ на невысказанный вопрос Иккинга. Даже помогая ему, они как-то ухитрились вложить в свои слова долю угрозы.

Зрителям в толпе было не видно, что Иккинга поднимают жужжащие микродраконы. Им это показалось чудом, знаком богов, и иных доказательств им уже не требовалось.

— ЧУДО! ЧУДО!

— ВИЖУ, САМ ТОР ДЕРЖИТ ЕГО ВОЛОСАТЫМИ ПАЛЬЦАМИ! — заорал один Шандарахайк, наделенный особенно буйным воображением.

И конечно, стоило ему это ПРОИЗНЕСТИ, как чистая фантазия, порожденная взбудораженным разумом одного человека, тут же превратилась в абсолютную истину для всех.

Толпа ахнула в изумлении:

— ИККИНГ! ИККИНГ! ИККИНГ КОРОЛЬ!

Иккинг болтался примерно в полуметре от земли, удерживаемый невидимыми микродракончиками.

Друид-Страж выдохнул:

— Последний Знак...

И микродраконы мягко опустили Иккинга на место.

В итоге Судьба и Рок определились с помощью могучего голоса великих Драконов-Стражей, зловеще прозвучавшего с неба, и крохотных микродраконов, коварно вынырнувших из травы.

В каком-то смысле так и должно было случиться.

Наконец Друид-Страж произнес решающие слова странным потусторонним голосом, словно получая указания из иного мира:

— НАДЕВШИЙ ЭТУ КОРОНУ БУДЕТ ПРАВИТЬ ВЕЧНО...

НАДЕВШИЙ ЭТУ КОРОНУ ПОЛОЖИТ ЖИЗНЬ ЗА СВОЙ НАРОД...

НАДЕВШИЙ ЭТУ КОРОНУ БУДЕТ ПРАВИТЬ НЕВОЗБРАННО...

НОВЫМ КОРОЛЕМ ДИКОЗАПАДА СТАНЕТ... — Друид-Страж содрогнулся, а затем повернулся лицом к Иккингу. — Иккинг Кровожадный Карасик Третий. Ибо то, что внутри, важнее того, что снаружи... Не все то золото, что блестит... и порой завещание Черноборода Оголтелого, и воля богов, и воля народа совпадают почти в точности. Мы нашли себе Короля, — тихо добавил Страж.

Элвин качнулся, словно подстреленный.

— НЕ-Е-Е-ЕТ! — завизжала ведьма.

HEEEET!

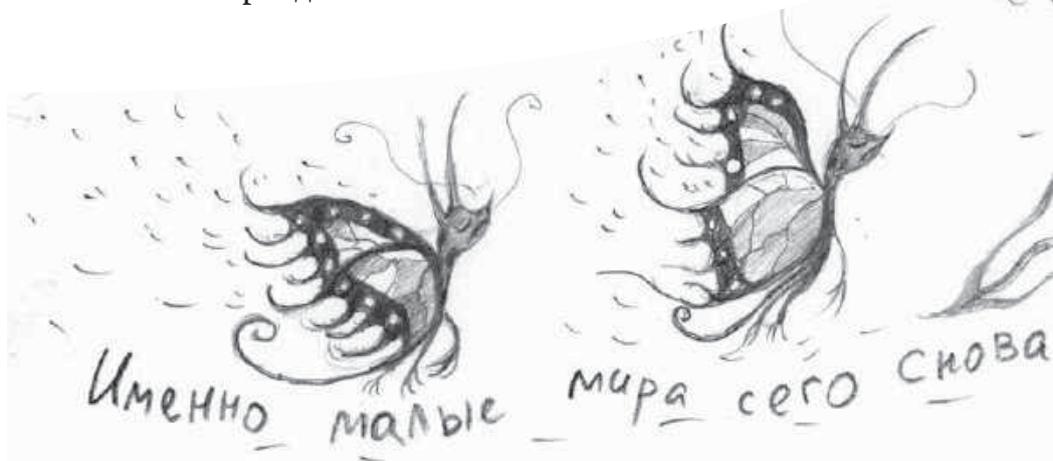
12. КРОНАЦИЯ КОРОЛЯ ДИКОЗАПАДА

В ухе зашуршало. Иккинг безошибочно узнал красно-черного Зигзаггерастика, короля микродраконов. Крошечный монарх выглядел гораздо старше, чем при последней их встрече, но не растерял ни капли самодовольства.

— Ярогнев, похоже, думает, что его громадные размеры позволяют ему диктовать МНЕ, что делать, о Мальчик-Начисто-Лишенный-Мышц! — фыркнул Зигзаггерастик. — Я — Зигзаггерастик, Великий Верховный Деспот Северных Трав, Ужас Папоротника, Бич Вереска, Единственный и Неповторимый Делатель Королей! Как он СМЕЕТ думать, что может велеть МНЕ восстать!

— Это было неумно с его стороны, — шепнул в ответ Иккинг.

И правда.

Кто недооценивает малые народы мира, всегда ошибается, ведь именно они зачастую склоняют чашу весов в ту или иную сторону.

— Я ВОССТАЮ против его восстания! — гордо заявил Зигзаггерастик. — Эти ЗДОРОВЕННЫЕ драконы считают себя такими важными... Но если уж объявлять восстание, то его должен объявлять Центр Вселенной, а Центр Вселенной — это Я! Уверен, он усвоит этот урок! — рывкнул Зигзаггерастик, самодовольно сопя, и, когда Иккинг попытался его поблагодарить, добавил снисходительно: — Да, я знаю, что я ВЕЛИКОЛЕПЕН...

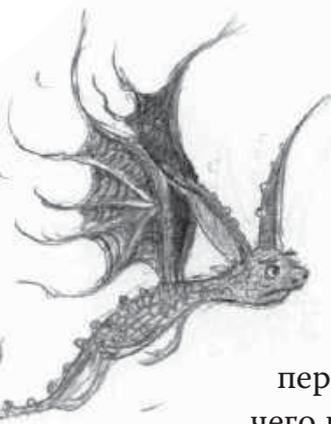
А потом он исчез вместе со своими жужжащими легионами так же таинственно, как

и появился. Словно рой

ос на миг облепил дерево, пожужжал секунду и пропал. Оставив только слова...

— Именно малые мира сего снова решают Судьбу архипелага!.. — гудело в воздухе.

Зрители настолько перевозбудились, что ничего не заметили.

решают Судьбу

архипелага!

Элвин, шатаясь, спустился с помоста и теперь рыдал на плече у мамы, словно опять стал маленьким мальчиком:

— Он ведь жульничал, мама, ну разве ты не видела? У него мелкие драконы в сообщниках, у-у...

— Знаю, милый, знаю... — шипела его маменька сквозь стиснутые зубы. — Но ты должен был сжульничать ЛУЧШЕ...

Друид-Страж вскинул руку:

— ТИХО! ИККИНГ ЕЩЕ НЕ КОРОЛЬ! ПРЕЖДЕ ЧЕМ КОРОЛЬ СМОЖЕТ НАЗВАТЬСЯ КОРОЛЕМ, ОН ДОЛЖЕН ПРИНЕСТИ ОБЕТЫ!

Стараясь выглядеть по-королевски, несмотря на нелепо раздутую правую часть тела, Иккинг, хромая, вскарабкался на разбитый помост. Лоскуты драного огнеупорного костюма хлопали на ветру.

Одно за другим Друид-Страж вручил Иккингу Десять Утраченных Королевских Сокровищ Черноборода Оголтелого.

— Подними руку, Иккинг, — велел он. — Клянешься ли ты править вечно? Клянешься ли положить жизнь за свой народ? Клянешься ли править невозбранно, но честно и справедливо и уважать независимость своих подданных?

Иккинг окинул взглядом плотные молчаливые толпы. Взглянул в бурное небо над головой, на охваченный пламенем архипелаг, а затем далеко-

далеко, где тысячи и тысячи драконов ждали Последней Битвы в Мародерской гавани.

И впервые глубоко в душе осознал, что значит быть Королем.

Некогда, в самом начале этих мемуаров, Иккинг боялся, что ему придется однажды стать вождем племени Хулиганов. Как же далеко он зашел, насколько же выше эта ответственность... Все эти суровые, громадные взрослые смотрят на него с ожиданием, хотят, чтобы он принимал верные решения. Ему придется отвечать за их жизнь в двигающейся битве.

Теперь, после случившегося со Сморкалой, Иккинг понимал, что это значит — живые люди, его близкие, могут умереть по-настоящему.

Вот что значит война.

И только Иккинг будет виноват, если что-то пойдет не так.

На шее у него висела Черная Звезда Мужества, которую отдал ему Сморкала. Что ж, сейчас Иккингу требовалось мужество, и он вцепился в эту Звезду изо всех сил.

Он слотнул шершавый ком в горле.

— Народы архипелага, — произнес Иккинг Кровожадный Карасик III. — Вчера мой двоюродный брат Сморкала отдал за меня жизнь.

Толстопуз Пивобрюх придушенно вскрикнул, узнав, что приключилось с его сыном.

— Сморкала надел мою одежду, — упрямо продолжал Иккинг, — надел мой шлем и полетел на моем верховом драконе навстречу людям ведьмы и Элвина. Он принял предназначавшуюся мне стрелу и погиб моей смертью. Более храброго поступка я в жизни не видел, и... он величайший Герой из всех, кого я знал.

Толпа потрясенно зашепталась.

— Не может быть! — прошипела ведьма. — Сморкала был трусливый... вероломный червяк. Он ненавидел тебя! Он выдал тебя нам!

— Он поставил свою честь выше гордости, а это один из самых героических подвигов, на какие способен человек, — ответил Иккинг. — Сморкала оказался одним из наших величайших Героев. Он погиб с Печатью Дракона на лбу. Я сам ее ему нарисовал.

Толстопуз Пивобрюх сотрясался от рыданий, раздавленный горем, но гордый, что Сморкала в конце концов оказался Героем. За одну короткую минуту он заново обрел сына и потерял его.

— Храбрый парень! — крикнул Плевака Крикливый, вытирая глаза, увлажнившиеся от избытка чувств. — Храбрый, смелый парень! Я знал, что в нем это есть! СМОРКАЛА УКАЗАЛ ПУТЬ ВСЕМ НАМ!

— СМОРКАЛА — ГЕРОЙ! — крикнул какой-то Гостедав, и остальные подхватили.

Громкий клич взлетел к обломкам стропил:

— СМОРКАЛА — ГЕРОЙ! СМОРКАЛА — ГЕРОЙ! СМОРКАЛА — ГЕРОЙ!

— Почему Сморкала сделал это для меня? — продолжал Иккинг. — Он сделал это, потому что верил, что я могу быть Королем. Он сказал, и я этого никогда не забуду: «Ты не такой Король, какого мы хотели, но, может, ты такой Король, который нам нужен». А потом вручил мне свой меч в знак вечной службы.

Так что вы понимаете, почему мне приходится так поступать, почему я должен стать Королем. Я принимаю эту корону в честь Сморкалы. В честь Сморкалы, потому что он верил в меня и потому что его жертва не должна оказаться напрасной.

Когда я стану Королем, он будет жить дальше во мне. Он будет со мной в каждом шаге, в каждом принятом решении. И прежде чем принести обеты, я скажу вам то же, что я сказал Сморкале.

Мне бы хотелось предложить вам более великого Короля. Нельзя превратиться в кого-то другого. Я могу быть только самим собой. Но я обнаружил, что я сильнее, чем мне казалось. Думаю, я справлюсь, я смогу быть Королем. И если Сморкала верил, что я смогу, то, наверное, и я верю.

Иккинг повернулся к Друиду-Стражу.

Поднял руку.

Принял обет.

— Клянусь править вечно. Клянусь положить жизнь за свой народ. Клянусь править невозбранно, но честно и справедливо и уважать независимость своих подданных.

И я обещаю вам, народы архипелага, — голос у Иккинга дрогнул, — что построю новый и лучший Дикозапад, где драконы и люди смогут жить вместе, где больше не будет рабства, построю страну, достойную Героев... Обещаю, что сделаю это — или погибну, пытаюсь это сделать!

— УРРРА! — взревели викинги и оглушительно захлопали.

На миг они забыли, кто они есть, но теперь вспомнили.

Они Герои. Герои Драконьей Печати.

Друид-Страж возложил корону на голову Иккинга.

— Властью Стражей, как драконов, так и людей, и волей Судьбы, и Тора, и Черноборода Оголтелого, и народов архипелага, короную тебя КОРОЛЕМ ДИКОЗАПАДА.

Корона оказалась изрядно великовата, поэтому Страж кое-как пристроил ее Иккингу на уши.

Тор всемогущий, ну и тяжелая же она оказалась! А потом Друид-Страж жестом пригласил его занять трон. Иккинг отказался.

— Прощу прощения, но нет, — сказал он. — Я счастлив стать Королем, но я не буду садиться на этот трон. Он явно проклят.

Иккинг говорил дело. В троне всегда присутствовало нечто зловещее. Может, то было бурое пятно от крови Иккинга II, до сих пор заметное на сиденье. Кто знает? Но момент был подходящий для зачинания новой традиции.

— Лучше я сяду на этот большой Валун, — сказал Иккинг.

— Отлично! — обрадовался Друид-Страж. — Из тебя получится прекрасный Король.

Иккинг уселся на большой Валун.

— Слушайте! Слушайте! — вскричал Друид-Страж, вешая Иккингу на шею Драконий Камень. — Я поведаю Королю тайну Драконьего Камня!

Толпа подалась вперед, наострив уши.

— Тайна Драконьего Камня такова, — произнес Друид-Страж. — В Камне, а это янтарь, заключены два дерущихся дракона. Один из этих драконов страдает болезнью столь заразной и опасной для драконов, что, если выпустить ее, она погубит всех драконов, сколько их есть.

Толпа печально зашумела.

— И чтобы применить Камень против драконов, его надо разбить, — мрачно продолжал Друид-Страж, — и выпустить хворь, чтобы она делала свою ужасную работу.

Иккинг сумрачно взирал на Драконий Камень. Вот уж поистине черная тайна. Застрявших в янтаре драконов разглядеть не удавалось, но, может, это микродраконы, слишком маленькие для невооруженного глаза...

Друид-Страж повернулся к толпе и воздел руки:
— Впервые за сотню лет у Дикозапада снова есть Король...

Король Иккинг Третий!¹

Король Иккинг Третий!

Король Иккинг!

Иккинг, Иккинг, Иккинг — король!

Король! Король! Король!

Ик-кинг! Ик-кинг! Ик-кинг!

Король Иккинг! Король Иккинг! Король Иккинг!

Радостные клики толпы разнеслись над всей Мародерской гаванью и достигли ушей дракона Ярогнева.

Как парню это удалось?

Что ж, если Судьбе угодно сделать его Королем, тогда... Ярогнев был готов к этому.

Стоик Обширный подошел к Валуну первым. Кряхтя, поскольку внушительное пузо матерого викинга слегка вываливалось из штанов и ноги уже

¹ Строго говоря, Иккинг был не третьим Королем Иккингом, но вторым, потому что Иккинг II Королем так и не стал. Но Друид-Страж немного увлекся и позабыл об этом.

стибались не так легко, как раньше, он преклонил колени перед сыном.

— Папа, что ты делаешь? — ахнул Иккинг в смущении и неловкости, и попытался поднять отца, а когда не получилось (Стоик был весьма тяжел), опустился на колени рядом с отцом.

Но Друид-Страж наградил его суровым взглядом и мягко сказал:

— Ты теперь Король, Иккинг.

Мальчик медленно сел обратно на Валун.

— Мой меч к твоим услугам, Король, — произнес Стоик Обширный и склонил голову перед сыном, следуя древнему обычаю воинов Дикозапада.

— Ой... о боги... — забормотал потрясенный до глубины души Наследник Хулиганов, но все-таки вспомнил, что надо официально поклониться в ответ и произнести традиционную формулу: — Принять его — честь для меня.

Валгалларамма Белорукая, великий Герой, опустилась на колени рядом с мужем. Она тоже склонила голову:

— Мой меч к твоим услугам, Король.

— Э... спасибо, мама, — пролепетал Иккинг. — В смысле, принять его — честь для меня.

Повсюду в разрушенном замке Черноборода Оголтелого громадные волосатые викинги падали на колени. Суровые, закопченные, покрытые татуировками воины — Могодон Остолоп, Драчун Десятый, Шельма Шандарах, Варвара из Варваров, Коварняк Гостидав, Коварные Близнецы, Берта из Бой-баб — все опустились на колени перед Иккингом и склонили головы.

При виде этого глаза Иккинга наполнились слезами. Это было почти невероятно. Перед ним простиралось море коленопреклоненных людей, и все они были великие воины, покрытые боевыми шра-

мами, гораздо старше и больше него, и все они были готовы повиноваться ему.

Ему, ободранному чахламу недомерку, Иккингу, про которого в свое время никто не верил, что он станет хотя бы вождем племени Хулиганов, куда ему в Короли!

И в один громовой голос они воскликнули:

— Наши мечи к твоим услугам, Король!

И Иккинг ответил, стараясь, чтобы голос не дрожал и звучал как можно более по-королевски:

— Принять их — честь для меня.

Беззубик гордо восседал у Иккинга на плече. Шутка ли, охотничий дракон самого Короля! Он всегда знал, что он важный дракон. Всегда знал, что у него есть связи при дворе. Теперь-то Буримуха перед ним не устоит...

— ТРОЕКРАТНОЕ УРА КОРОЛЮ ИККИНГУ ТРЕТЬЕМУ! — гаркнул Плевака Крикливый.

Викинги вскочили на ноги (иным, кто потолще, помогли соседи) и подбросили шлемы в воздух с криками:

— УРА! УРА! УРА!

Вот так Иккинг Кровожадный Карасик III стал тринадцатым Королем Дикозапада. И только те, кто внимательно читал воспоминания Иккинга с самого начала, знает, насколько мала, ничтожна была вероятность, что все обернется именно так. Что этот нескладный, задумчивый, тощий фантазер окажется в итоге Наследником Черноборода Оголтелого.

Кому такое в голову могло прийти?

Нам потребовалось двенадцать долгих Геройских Походов и двенадцать длинных книг, чтобы добраться до этого мига.

Но вот оно и случилось.

Именно это и произошло, вопреки всему и при всей кажущейся невероятности. А ведь вас предупреждали: это история о том, кто выбрал Трудный Путь, чтобы стать Героем.

Но это, разумеется, не конец истории. Из коронации получился бы прекрасный финал, однако Иккинг получил Корону в тяжелое время, в разгар войны между людьми и драконами, ровно в полдень Светопреставления.

Так что это не конец нашей истории. На самом деле это даже скорее начало, и если, по-вашему, первая половина дня Светопреставления выдалась нелегкой, посмотрим, что вы скажете, когда мы доберемся до второй его половины.

И все же сейчас — самый подходящий момент, чтобы передохнуть и насладиться этой невероятнейшей победой. Уж больно долго мы к этому шли.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ДНЯ СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЯ

Кукареку!

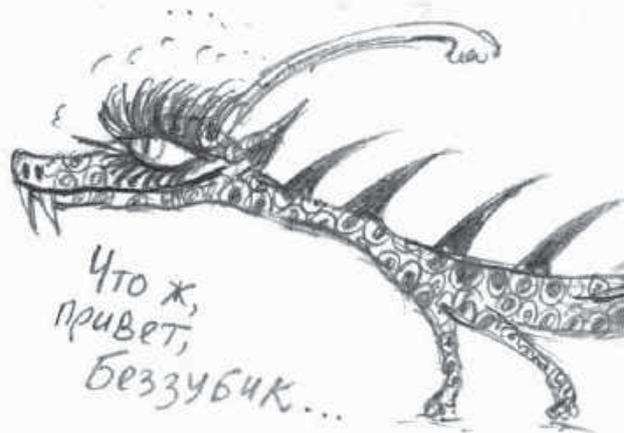
Остался
только один

Вопрос:

Сумеет ли Иккинг
спасти драконов?

Б'бе-Беззубик
КОРОЛЕВСКИХ
КРОВЕЙ,
Буримуха...

Что ж,
привет,
Беззубик...

13. ОЧЕНЬ КОРОТКАЯ ГЛАВА, КОТОРАЯ НАЧИНАЕТСЯ ХОРОШО... А ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПЛОХО

Начало правления Короля Иккинга III было полно надежд.

Коронация нового Короля — всегда волнующий момент, а викинги дошли уже до такого отчаяния, что, несмотря на поджидающую драконью армию, в разрушенном замке воцарилась самая праздничная атмосфера.

Король Иккинг восседал на Валуне, озирая свое новое королевство, испытывая глубокую благодарность за все остальное, в том числе за возможность вытянуть ненадолго ноги после тяжелого утра. Он старательно отгонял мысль о встрече с Ярогневом, чтобы сполна насладиться моментом, и благодарил Рыбьенога с Камикадзой за попытку его спасти несколько раньше, на узкой полоске воды между Последним Приютом и Завтра.

— Не знаю, как это объяснить, просто я понятия не имел, кто вы такие...

— Н-ну, — хмыкнула Камикадза, — скажем так, это было очень неблагоприятно с твоей стороны. Буримуха никогда не простит тебя за то, что ты заехал ей прямо по заднице, а память у нравных драконов до-олгая. Но БРОСОК у тебя определенно стал лучше, нет, правда, это было весьма неплохо — для мальчишки, конечно...

Стоик с Валгалларамой, как родители Короля, принимали поздравления от других викингов.

— Ну да, — хвастал Стоик, — мы всегда знали, что Иккинг особенный... не такой, как все, но в хорошем смысле «не такой»... Некоторые говорят, что это у него от отца, но не знаю, не знаю...

Беззубик беззаботно щебетал с Буримухой:

— Ну да, Б'бе-беззубик не удивлен, что хо-хозяин ок'казался Ко-королем, ведь все говорят, что Б'бе-беззубик ко-королевских кровей... Не какой-то там обыкновенный садовый, а б'бе-беззубый д'дрем, они вроде ужасных чу-чудовищ, только обаятельнее...

— Ммм, — задумчиво отзывалась Буримуха, следя, чтобы ее чешуя не приобрела лиловый оттенок (нравные драконы становятся лиловыми, когда врут).

А красный как рак Рыбьенот, отчаянно смущаясь, показывал Варваре из Варваров письмо, найденное ими в подводной пещере, и говорил, стараясь, чтобы это звучало как бы между прочим:

— Ну да, когда у Иккинга приключается очередная Геройский Поход, я тоже всегда участвую. Я ведь его лучший друг, понимаешь, кроме него, у меня и семьи-то нет, разве что этот громадный Смерть. Правда же хорош, а?..

При этом он изо всех сил сдерживался, чтобы не чесаться, — ему не хотелось, чтобы Варвара догадалась, что у него аллергия на КОШЕК.

Но Варвара, видимо, догадалась, потому что вытаскивала туманный горн и дунула в него несколько раз. От страшного шума у кота шерсть встала дыбом, словно иглы морского ежа, и он немедленно вспрыгнул хозяйке на плечо.

Даже приспешники Элвина, казалось, были весьма довольны тем, как все обернулось. Коварняк всем хвастался Мухрюндедем, гордо покрикивая:

— Это ПЕРВЫЙ Мухрюндедь, который побывал в Валгалле и вернулся, и я собираюсь объявить его Воином и Героем племени!

Мухрюндедь в ответ с любовью облизывал хозяина. Шельма Шандарах фыркнул:

— Ну нельзя ж сделать ВОИНОМ комнатного дракона, Коварняк...

Только Элвин и ведьма пребывали в унынии. Ведьма донимала сына полезными замечаниями типа:

— Поверить не могу, что ты не смог припомнить ни ЕДИНОГО доброго дела за двадцать лет,

пусть небольшого, Элвин. Что угодно пригодилось бы, мог хотя бы помочь старушке сойти с лестницы, воды ей принести или еще что...

— Могу помочь ВАМ, маменька, сойти в воду, если хотите, — с горечью отзывался Элвин, с надеждой поглядывая вниз с края скалы. — Всего один ма-аленький толчок...

И тут Друид-Страж вскричал:

— КОРОЛЮ НУЖНО ПОДГОТОВИТЬСЯ К ПОЕДИНКУ С ДРАКОНОМ ЯРОГНЕВОМ!

— ...да, но понимаешь, Камикадза, ты же потрясала в воздухе мечом, вот я и решил, что ты на меня НАПАДАЕШЬ, просто не понял, что это ты от радости... — говорил Иккинг, когда Камикадза ткнула его локтем под ребра и прошипела:

— Король... он про тебя говорит, Иккинг.

— Ой! — Иккинг аж подпрыгнул от удивления. — И правда...

А сам подумал: «Никогда к этому не привыкну...»

Поднимаясь на ноги, Иккинг нисколько не радовался предстоящему поединку. Он был в полном ужасе. От одной мысли про Ярогнева его бросало в холодный пот. Но в самой глубине души, под наслоениями страха, он чувствовал не просто надежду, а уверенность.

Дракон испугается Камня.

Власть Камня делала Иккинга сильным. И теперь, зная его черную тайну, он сумеет договориться

с Ярогневом и спасти человечество, не уничтожая драконов.

И тут в рюкзаке что-то зашевелилось — это проснулся Одиноклык.

Из горловины мешка высунулась бурая мордочка, коричневый носик заходил туда-сюда, обнюхивая воздух, а сонные, слезящиеся глазки заморгали при виде огромного скопления людей, возбужденно толпившихся в разрушенном зале.

— **Боги,** — хрипло пискнул Одиноклык. — **Где я и что вообще происходит?**

Он наконец поднял голову, увидел корону на голове у Иккинга, внимательно его осмотрел, дважды моргнул и испустил радостный вопль:

— **Всемогущие боги! Мальчик мой дорогой! ТЫ СДЕЛАЛ ЭТО! ТЫ КОРОЛЬ! ТЫ СПРАВИЛСЯ! ТЫ ПРАВДА-ПРАВДА СПРАВИЛСЯ!**

Одиноклык выпорхнул из рюкзака, трепеща старенькими бурыми крылышками, поновал вокруг Иккинга и обнял его, не пряча слез.

— **Поверить не могу, как я все ПРОПУСТИЛ! Великолечно! Замечательно! О счаст-**

Ты
сделал
это!
Ты
Король!

ливый, счастливый день! Должен признать, я уж почти и не надеялся... КАК тебе это удалось? Что ты сделал с песакулами? Как добрался до Завтра без лодки? Как случилось, что Ярогнев не убил тебя по дороге?

— Это долгая история, — улыбнулся Иккинг. — Но спасибо тебе, Одинклык. Я бы правда без тебя не справился, хотя ты и уснул через пять минут, но эти пять минут оказались очень-очень важными...

— Где ты отыскал Камень? — нетерпеливо перебил Одинклык.

— В смысле, где я отыскал Камень? — не понял Иккинг. — Мы нашли его давным-давно, еще в Янтарных Рабовладениях. Ты же был с нами там, Одинклык. — И он указал на Драконий Камень, висящий у него на шее.

— Нет, я про настоящий Драконий Камень, — сказал Одинклык.

У Иккинга под ложечкой шевельнулось очень неприятное ощущение, вроде щекотки мотыльковыми крылышками, какое возникало, когда он по-

Но... Но... Но... почему

нимал, что вот-вот услышит оч-чень неприятные новости.

Настоящий Драконий Камень? Что Одиноклык имеет в виду?

— Одиноклык, — с трепетом спросил новоиспеченный Король, — о чем, ради Тора, ты говоришь? Существует только один Драконий Камень, вот он.

Теперь настала очередь Одиноклыка отвесить челюсть.

— ТОЛЬКО НЕ ГОВОРИ МНЕ, ЧТО ДО СИХ ПОР НЕ НАШЕЛ НАСТОЯЩИЙ ДРАКОНИЙ КАМЕНЬ! — пропищал бурый дракончик. — О боги! О боги! О мои ушки и усики!

От недоверчивого изумления бедняга едва летать не разучился.

— Это не настоящий Драконий Камень! — пропищал он. — ЭТО ОДНА ИЗ ЧЕРНОБОРДОВЫХ КРАСНЫХ СЕЛЕДОК! Это ФАЛЬШИВКА!

ты по-прежнему носишь поддельный Драконий Камень?

Сердце у Иккинга прова-
лилось прямиком в разби-
тые меховые сапоги.

О боги.

О боги. О боги
о боги о боги.

НЕ
ГОВОРИ
НЕ-Е-ЕТ МНЕ,
ЧТО
ТЫ
ДО СИХ
ПОР
НЕ НАШЕЛ
НАСТОЯЩИЙ
ДРАКОНИЙ
КАМЕНЬ!!!

14. ЧЕРНОБОРОД ОГОЛТЕЛЫЙ БЫЛ БОЛЬШОЙ ЖИТРЕЦ

— О чем ты? — Иккинг уставился на Одиноклыка, как загипнотизированный. — Не настоящий Драконий Камень? Разумеется, это настоящий Камень! На нем даже инициалы Черноборода есть, Ч. О., вон, четко на оборотной стороне написаны!

Ведьма не понимала по-драконьи, но почувствовала напряжение и подскакала на четвереньках к ним.

— Что-то не так? — с надеждой спросила она.

Одиноклык перешел на язык викингов:

— Это не настоящий Драконий Камень! О боги, о боги, о боги! Это просто ужасно! Я-то был уверен, что ты нашел Драконий Камень, раз стал Королем, ведь иначе Друид-Страж тебя не короновал бы!

— Нечего на меня валить! — пропыхтел сильно уязвленный Страж.

— Нет, буду валить на тебя! — пискнул Одиноклык. — Настоящий Драконий Камень ни с чем не спутаешь. В подлинном Драконьем Камне внутри янтаря застыли два дракончика, и каждый держит в пасти хвост другого. Смотри! Никаких драко-

Это НЕ ИСТОЯЩИЙ
Драконий Камень...

нов! — Он указал крылышком на поддельный Драконий Камень у Иккинга на шее.

— Ну, теперь-то я вижу, — ядовито отозвался Друид-Страж. — Но до коронации у меня глаза были завязаны. Положение камня было правильное, оправа в порядке. Я справился у Драконов-Стражей, они сказали мне, что я короновал того, кого надо... и словно для окончательного прояснения Тор взаправду поднял Иккинга в воздух своей могучей рукой и...

— О не-е-е-е-е-ет! — взвыл Одиноклык. — Как такое могло быть?

Под ложечкой у Иккинга стало совсем нехорошо. А ведь это было вполне в духе Черноборода. Он всегда подстраивал что-нибудь этакое. Он же подсунул потомкам два меча и два клада, один настоящий, другой — обманку¹. Значит, и Камней наверняка было два!

«Ох уж этот Чернобород со своими красными селедками...»

Как уже говорилось, Чернобород Оголтелый был хитрейшим из хитрецов, с тех пор как великий бог-обманщик Локи надел свою Особо Хитрую Шляпу.

Внезапно Иккинг все понял, и у него перехватило дух.

— Там же вверху карты, по которой мы нашли Камень, была нарисована селедка! А я-то все гадал, что это значит...

— **А Б'бе-беззубик го-говорил тебе, она кр-р-расная!** — встрял дракончик, уверенно присоединяясь к компании. — **Б'бе-беззубик ВСЕ цвета знает...**

И если ты, дорогой читатель, заглянешь в десятый том мемуаров Иккинга, «Как отыскать Драконий Камень», то убедишься, что Иккинг совершенно прав. В верхней части карты Янтарного Рабовладения нарисована очень большая красная

¹ См. книгу вторую, «Как стать пиратом».

рыбина, и она в самом деле относится к семейству сельдевых.

Теперь Рыбьенюг вынул карту.

Рыбина была на месте. И не какая-то мелкая рыбешка, незаметно пририсованная в уголке. Вопиюще здоровенная, просто чудовищная селедка протянулась от одного края карты до другого, и, словно чтобы уж и последнему дураку все стало ясно, нарисованная тварь еще и подмигивала.

И не то чтобы тайком, по секрету. Совершенно откровенно подмигивала, будто говорила: «ЭТО Я, ЧЕРНОБОРОД ОГОЛТЕЛЫЙ, В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ ГНУСНО ВАС РАЗЫГРЫВАЮ».

«Как я мог этого не заметить? — ахнул Иккинг. — Совершенно ОЧЕВИДНО же теперь, когда знаешь... а еще считается, будто я СИЛЕН в загадках».

— Одиноклык, — произнес Иккинг по-викингски, стиснув зубы, чтобы не перейти на крик, — если ты всю дорогу знал, что это не настоящий Камень, какого тролля ты не рассказал нам об этом раньше?

— Раньше я не мог тебе рассказать, — объяснил старичок, — потому что обещал Чернобороду Оголтелому, что не стану путаться у Судьбы под ногами и лезть в розыск Сокровищ, потому что иначе Испытание получилось бы нечестным. Сокровища должен найти Король. Мне вмешиваться не полагалось. Только теперь я говорю, потому что

по какой-то необъяснимой причине ты все-таки получил корону...

— Все было в порядке! — раздраженно вставил Друид. — По-твоему, после сотни лет караула мы с Драконами-Стражами способны ошибиться?

— А я был так уверен, что ты отыщешь настоящий Камень, Иккинг, там, на Последнем Приюте, — простонал Одинклык. — Или скорее, что он отыщет тебя, как находили тебя все остальные Сокровища. Я хочу сказать, Чернобород был похоронен на Последнем Приюте! Казалось, СУДЬБА нарочно тебя туда привела! Ты точно уверен, что ничего там не нашел?

— Мне очень жаль, но мне там было не до поисков, — отозвался Иккинг. — Надо было разобраться с целой стаей песакауд, которым приспичило нас прикончить, забыл? К тому же я ведь не знал, что надо искать Камень, я же не сомневался, что уже нашел его. И признай, у меня были веские причины так думать...

— Это не считается! — воскликнул Одинклык. — Обычно Сокровища сами находят тебя, даже если ты их не ищешь. Ты не спотыкался о какие-нибудь большие, мрачного вида могилы или что-нибудь похожее? Ты точно уверен, что ничего к тебе в карман не завалилось, а ты и не заметил?

Иккинг вывернул карманы. Охлопал себя сверху донизу. Отчаявшись, он даже стянул башмаки и прощупал их изнутри.

— Совершенно уверен, — подвел он итог.

Камня при нем не было.

— Что ж, тогда мой план полностью рухнул.

— А в чем заключался твой план, Одинклык? — спросил удрученный Иккинг.

— Несколько месяцев назад, когда мы сидели в подземном укрытии, я заключил с Ярогневым сделку... — начал Одинклык.

— Ой! — вдруг очнулся Беззубик. — Я помню! Б'бе-беззубик с-с-слышал, как ты разговаривал с Ярог-г-гневом! Но Б'бе-беззубик думал, что ему это с-с-снится!

— Да, — подтвердил старый дракон, — Беззубик подслушал, как мы с Ярогневом говорили, обмениваясь мыслями, потому что Беззубик — юный моредраконус, хоть он еще только входит в силу...

— Беззубик — моредраконус? — не поверил своим ушам Иккинг.

— Б'бе-беззубик одно-нознач'чно не мо-моредраконус! — надулся Беззубик. — Беззубик — б'бе-беззубый дрем! Это все знают!

— Ну да, Беззубик — моредраконус в начале пути, а я моредраконус в конце... Но

сейчас некогда объяснять, — продолжал Одинклык. — Суть в том, что у нас отчаянно не хватало времени, чтобы вернуть недостающие Сокровища, поэтому я договорился с Ярогневом, что он отзовет свое восстание до дня Светопрествления, а я принесу ему Драконий Камень перед поединком...

— Одинклык! — ахнул Иккинг. — Неужто ты думал меня предать?

— Разумеется, нет! — торопливо произнес Одинклык. — Я собирался отнести Ярогневу ФАЛЬШИВЫЙ Драконий Камень. Так я выполнил бы свое обещание, а ты отправился бы на поединок с НАСТОЯЩИМ Драконьим Камнем, и все было бы хорошо!

Порой от разговоров с Одинклыком у Иккинга голова шла кругом, даже когда его при этом не атаковали песакулы.

Все это было слишком запутанно.

— Одинклык, — сказал Иккинг после долгого молчания. — Мне в жизни не раз приходилось изобретать хитроумные, но рискованные планы, но, поверь, твой план — худший в истории. Допустим, по какому-то волшебному совпадению я бы, сам о том не подозревая, отыскал-таки Камень на Последнем Приюте. И что вышло бы, если бы ты принес Ярогневу фальшивый камень вместо насто-

ящего? Прости, Одинклык, но должен сказать прямо: Ярогнев УБИЛ бы тебя.

— Много ли значит жизнь маленького старого дракона, когда на другой чаше весов — судьбы мира? — возразил Одинклык. — И вообще, пусть мой план был плохой, но это, по крайней мере, был план. А без настоящего Драконьего Камня, боюсь, мы обречены.

Викинги не поняли той части беседы между Иккингом и Одинклыком, что шла по-драконьи, но и кусков на викингском им хватило, чтобы понять, в каком ужасном положении они оказались.

Долгое молчание нарушил Беззубик, который вдруг проговорил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— А ведь из Б'бе-беззубика мог бы получиться очень ХО-ХОРОШИЙ моредраконус...

— А есть способ выяснить, где сейчас настоящий Камень? — спросил Иккинг, в отчаянии снова переходя на человеческий язык.

— Он может быть где угодно в диких и ветреных пустошах бескрайнего архипелага, — мрачно отозвался Одинклык. — И время на поиски у нас вышло.

Одинклык был прав. Катастрофа. Теперь им драконов не победить. Без Драконьего Камня они пропали, и это понимали все. Запавшими глазами они смотрели друг на друга. О боги, о боги, о боги... Все вдруг обернулось очень мрачно.

Ведьма Экселлинор оскалила черные десны в гнуснейшей ухмылке.

— Так-так-так, — злорадно протянула она. — Интересный поворот. Чернобород Оголтельный знал, как испытать Короля! Теперь мальчишке придется идти на поединок с Ярогневом без Камня, и мне почему-то кажется, что исход этой битвы предрешен... — И она издала крайне неприятный звук, словно лягушачьи косточки забренчали в жестянке, — ведьма смеялась, а смеялась она нечасто. — Видишь, как причудливо выворачивается паутина, — ухмыльнулась она. — ТЕПЕРЬ я понимаю, зачем Судьбе понадобился в качестве Короля Иккинг. Чтобы Иккинг подставился и занял место Элвина, в точности как Сморкала занял место Иккинга вчера. Иккинг погибнет вместо Элвина! Хе-хе-хе... Судьбе не откажешь в чувстве стиля, а?

Стоик с Валгалларамой побелели от ужаса и, сами того не замечая, потянулись, чтобы взяться за руки.

— Но значит ли это... Значит ли это, что Иккингу все равно надо выходить на бой со всей мощью Ярогнева в одиночку? — заикаясь, уточнил Стоик. — Без защиты Камня? Но это же будет... это же будет означать...

— Верную смерть, — злорадно закончила за него ведьма.

15. ПОДГОТОВКА К ПОЖОРОНАМ... ПАРДОН, К ПОЕДИНКУ

— Нет! — взревел Стоик.

— Никогда! — грянула Валгалларама.

— Ну-ну, Стоик и Валгалларама, — зацокала языком ведьма. — Вам не кажется, что вы слишком опекаете сыночка? Должен же мальчик когда-то и вырасти. В конце концов, он теперь Король... И вы слышали обет, который он только что принес. Как там было? Так трогательно... — продолжала издеваться она. — «Клянусь положить свою жизнь на благо моего народа». Вы же не хотите, чтобы он нарушил столь торжественное обещание в самом начале царствования? В конце концов, клятва на крови нерушима.

Да уж, Чернобород Оголтелый придумал поистине суровое Испытание для новоиспеченного Короля.

Все веселье от триумфа схлынуло. Им предстояло подготовить Иккинга к поединку, но теперь в этом появилось что-то от подготовки к похоронам. Как можно отправлять тощего парнишку vro-

де Иккинга, да еще и израненного, на битву с драконом размером с гору?

Очень трогательно было видеть, как здоровенные, мускулистые, косматые воины суетятся вокруг мальчика, словно встревоженные моржи. Если бы они могли хоть чем-то помочь ему в предстоящей битве! Они предлагали ему свои советы, свое любимое оружие, свои талисманы... Как будто всей этой суматохой можно было прикрыть тот факт, что дело совершенно безнадежное и мальчик обречен.

— Король Иккинг, — обратился к нему великий Герой Неимоверный Крутняк. — Даже у дракона есть свои слабые места, так что советую тебе целиться туда, где у него уже есть шрам над сердцем.

Вперед протолкался Плевака Крикливый:

— Помнишь уроки по копьемутию, мой мальчик? Просто возьми мое копье, прицелься в то слабое место и... оп-па! Получишь дохлого дракона-гору!

Плевака с воодушевлением сунул Иккингу в руку свое копье, но оно, к сожалению, оказалось таким тяжелым, что Иккинг едва мог его поднять, не говоря уже о броске.

— Хочешь, я одолжу тебе своего кота? — предложила Варвара из Варваров. — Это самое меньшее, что я могу сделать.

— Тебе понадобится мой огнеупорный костюм, Иккинг. — Стоик нервно сглотнул, стараясь не да-

вать воли чувствам. — Твой-то слишком потрепан, чтобы защитить в случае... в случае... — Он не закончил фразу и просто помог сыну влезть в огнеупорный костюм, словно пятилетнему малышу, — рука у Иккинга так распухла, что самому одеться ему было не под силу.

Рукава и штанины оказались слишком длинными, но Стоик закатал их.

Тут и другие воины кинулись наперебой предлагать шлемы, нагрудники, забрала, пока новый Король не оказался так обвешан доспехами, что едва мог шевельнуться. Пришлось ему настоять, чтобы часть все-таки сняли.

— Ребята, мне же дышать как-то надо, — мягко сказал Иккинг. — Понимаю, вы хотите помочь, но я не в силах нести ВСЕ ваши латы — Ветрогон просто с неба свалится.

— Я бы все на свете отдал, чтобы выйти вместо тебя, Иккинг. — Стоик давился словами.

Худший кошмар отца — видеть, как сын идет навстречу смерти, которую отец с радостью принял бы на себя. Но Стоик понимал, что сын должен идти один, а сердце говорило ему, что это конец. Однако вождь Хулиганов хотя бы знал, что сын уходит на бой с его любовью и самым лучшим оружием, какое он способен ему дать.

Валгалларама дала Иккингу совет. Суровый совет — но Валгалларама была суровой матерью и воином.

— Помнишь письмо, которое я однажды тебе прислала, Иккинг?

Иккинг нахмурился, мысленно погружаясь в прошлое.

Однажды, еще совсем маленьким, он угодил в какую-то ужасную переделку и, помнится, плакал перед отцом, потому что хотел, чтобы Валгалларама ему помогла, а ее в который раз не оказалось рядом.

«Твоя мать — потрясающая женщина, — сказал тогда Стоик и торжественно кивнул, исполненный великой гордости. — Она сейчас совершает великие подвиги, Иккинг, ты должен гордиться ею».

«Но почему она не здесь, не с нами?» — спросил малыш Иккинг, которому тогда было всего пять лет.

«Она занята важной Геройской работой, — терпеливо объяснил Стоик. — Некоторым Героям приходится работать в одиночку. Твоя мать — великий человек. — Стоик просиял от гордости и покачал головой. — Просто невероятно, что она вышла за меня: самая красивая женщина в архипелаге — и моя жена!»

А гораздо позже, когда, уже лет в десять, Иккинг угодил в подземелья Драчунов, он в отчаянии написал своей героической маме, по которой так тосковал, так скучал, так плакал столько ночей подряд.

«Мама, спаси меня!» — говорилось в письме.

Он отдал письмо пролетавшему почтовому дракону. Ответ пришел через неделю — почтовый дракон вернулся обожженный и подранный. Оголодавший, отчаявшийся Иккинг нетерпеливо вскрыл конверт.

Вот что было сказано в том письме:

*Перестань ждать, что кто-то придет
и спасет тебя.*

Герой — ТЫ.

Спаси себя сам.

*(Хочешь другого ответа — спроси другую
женщину.)*

Твоя любящая мать,

Валгалларама.

В то время Иккинг не оценил это письмо. Он так расстроился, что изорвал его на мелкие кусочки и выбросил обрывки через прутья решетки, а потом смотрел, как они падают вниз, вниз, в море.

Но из подземной темницы Драчунов Иккинг тогда выбрался сам, без помощи матери.

И теперь, наверное, понимал ее чуть лучше.

Валгалларама положила руки сыну на плечи. Ее суровые, ярко-голубые глаза воина заглянули прямо в глаза Иккингу.

— Моя душа — душа воина, и я не могу этого изменить, — сказала Валгалларама. — Мои руки

в латных рукавицах не способны мягко обнять тебя, как обнимают другие матери своих сыновей. Но тем не менее это хороший совет, Иккинг, если ты решишь им воспользоваться. Герой — Ты. Спаси себя сам.

— Где королевский верховой дракон? — крикнул Друид-Страж.

Ветрогон прилетел и припал к земле перед Иккингом, его рваные крылья подрагивали.

— Тебе не обязательно идти со мной, Ветрогон, если боишься, — сказал Иккинг.

— Нет, я должен идти с тобой, хозяин, — прошептал Ветрогон. — Как ты полетишь в бой без своего верхового дракона?

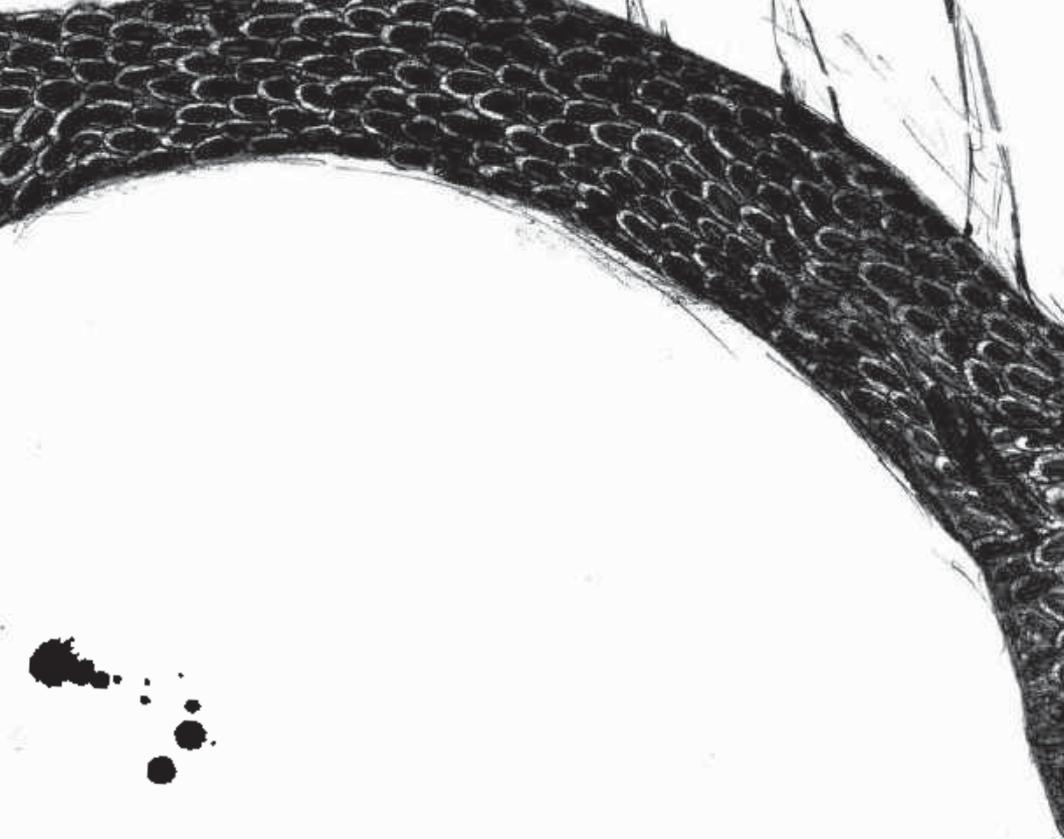
Иккинг повернулся к Беззубику.

— Уж ты-то точно со мной не идешь, Беззубик, — твердо сказал он. — Остаешься здесь, в безопасности.

— Б'бе-беззубик однознач'чно С ТОБОЙ! — возмутился дракончик. — По-по-по-пробуй меня остановить!

Иккинг вздохнул. Беззубик и в лучшие-то времена не отличался послушанием. Мальчик прекрасно понимал, что он абсолютно ничего не может сделать, чтобы не дать Беззубику последовать за собой.

— И вообсч'че... — небрежно добавил Беззубик, — тебе может потребоваться еще один

Тебе не
обязательно
идти со мной,
если боишься...

ОГРОМАДНЫЙ мо-мо-моредраконус, чтобы засч'читить тебя, если вдруг станет ч'чутьоч'чку опасно...

Теперь Беззубик представлялся самому себе Ужасом Архипелага, Бичом Океанов, несущимся по морям во всем своем ослепительном беззубом великолепии, а более мелкие и незначительные драконы разбегались перед ним, скуля: «Нет, Беззубик, нет... пожалуйста, пощади, могучий Беззубик...»

— А как насчет нас? — спросила Камикадза. — Нам-то с Рыбьеногом можно с тобой, мы же Воины Печати Дракона, верно?

— Боюсь, нет, — ответил Друид-Страж. — Король может взять с собой своего верхового и охотничьего драконов, но Король должен идти один, потому что иначе мы нарушим закон о поединках.

— Помни, внучок, — продребезжал Старый Сморчок, — помни... — Обнимая Иккинга, старик постучал костлявым пальцем внуку по груди. — То, что внутри, всегда важнее того, что снаружи.

Иккинг положил руки на плечи Камикадзе и Рыбьеногу и попрощался с ними последними.

— Спасибо вам, — сказал он просто. — Вы оба были самыми верными и лучшими друзьями, о каких только может мечтать человек. Без вас я бы ни за что сюда не добрался.

Стоик помог перекошенному сыну оседлать Ветрогона.

Иккинг устроился как следует и повернулся к своим подданным. Все они стояли с мечами наголо и мрачными лицами. Пока Король готовился к поединку, они тоже втихомолку готовились к Последней Битве. Они понимали, что после того как Иккинг встретит свою Судьбу, они встретят свою собственную.

Но в какой-то мере это было облегчением, ведь даже если они проиграют эту битву, всегда радостно знать, что сражаешься за правое дело.

Иккинг сглотнул. Ему было так страшно, что он едва мог шевельнуться или сказать хоть слово.

Он был напуган... но готов. Он подготовился к этому.

Он шел на бой верхом на Ветрогоне, точно как Сморкала накануне. Сморкала подал пример, как Герою следует встречать верную смерть.

Иккинг нащупал Черную Звезду, и она придала ему храбрости.

«Тик-так-тик-так-тик-так-тик-так-тик-так», — цокала Чернобородова тикалка у Иккинга на поясе, отсчитывая минуты до того мгновения, когда свершится его судьба.

Теперь он был Король, пусть и ненадолго, а он знал, что Королю положено произнести речь.

— Благодарю вас, народы архипелага, — сказал Иккинг, — за дары, что вы принесли мне. Вместе с ними я возьму на битву и веру в вас. Для меня

великая честь отдать свою жизнь за всех вас, если такова воля Судьбы. Клянусь вложить в этот бой всю душу и прошу вас только об одном. Не могли бы вы спеть для меня, когда я полечу на битву? Если вы запоете все вместе, я услышу вас там, в небе, лицом к лицу с драконом, и это придаст мне смелости... Я буду чувствовать, что вы бьетесь рядом... Я горд тем, что я Король Дикозапада, но еще больше я горжусь тем, что я Герой. Потому что королей быстро забывают, и имена их рассыпаются в прах, а добрые дела и подвиги героев живут во славе. Как говорится в старой песне: «Герой — ЭТО... НАВСЕГДА!»

Иккинг тронул Ветрогона коленями, и, трясясь и дрожа, храбрый черный дракон взмыл в небо. Когда он взлетел, толпа запела.

Хотя жители архипелага проводили много времени в боях, грабежах и набегах, они были удивительно музыкальным народом. Поразительно: эти татуированные, мускулистые, обожженные и оборванные головорезы открыли рты, и зазвенели слова, и каждая нота была чистая и верная. Они пели Последнюю Песнь Черноборода, в точности как Сморкала за день до этого.

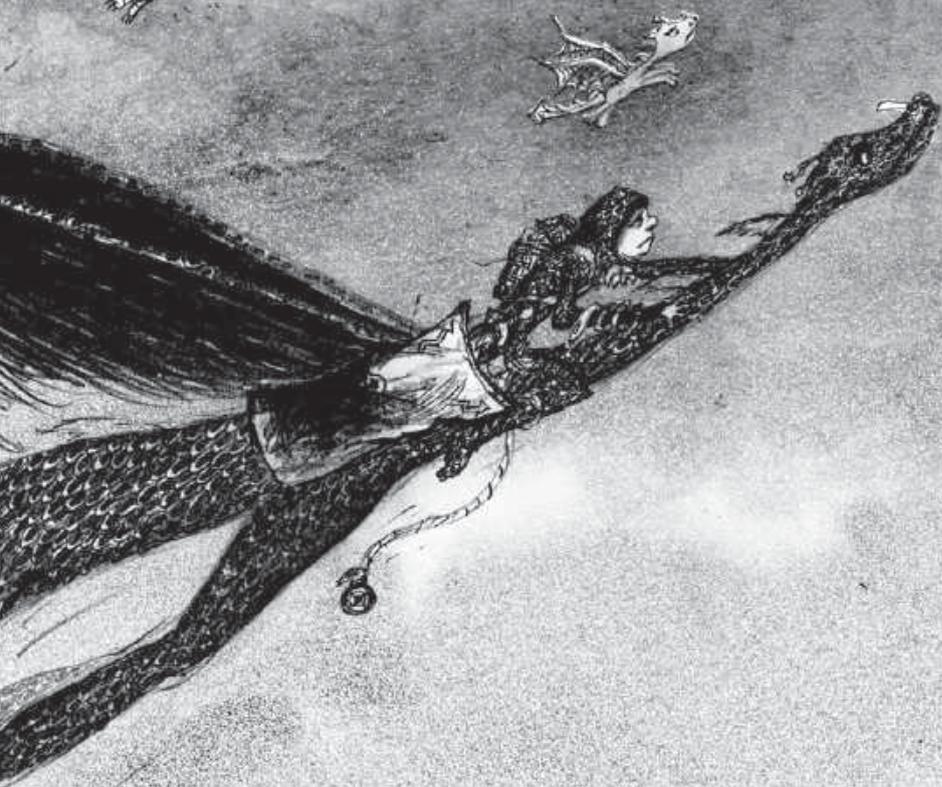
Я заплыл далеко, чтобы стать Королем,
Но не вовремя было всегда...
Запутал в бурном прошлом и был сокрушен,
И в ночи не светила звезда...
Но пусть сердце мое разорвал ураган
И разбила корабль беда,
Знаю я — я Герой, а Герой — это...
НАВСЕГДА!

А ведьма с горящими глазами шептала себе под нос:

— И клятва нерушима, если дана на крови...

16. ПОЕДИНОК

Мародерская гавань стала ареной последней битвы между драконом и человеком.

Место поединка выглядело как декорации к спектаклю в гигантском театре, где зрители стояли по краям, готовые аплодировать или освистать, а то и, если будет на то воля Судьбы, ринуться на сцену и поставить на кон собственные жизни.

Иккинг с Ветрогоном летели в кольцо огня, чтобы встретиться лицом к лицу с Ярогневом. По бокам летели Беззубик и Одинклык, да так близко, что кончики их крыльев касались крыльев Ветрогона, словно они держались за руки.

«Тик-так-тик-так-тик-так-тик-так-тик-так», — не унималась тикалка.

Однажды (казалось, давным-давно) в своем первом приключении, Иккинг уже имел дело с моредраконусом. Он думал, что того звали Зеленый Смерч, но в прежние времена монстр был известен под именем Безжалостный. И к тому дракону Иккинг вышел один, а дракон поджег траву вокруг него, и мальчик стоял посреди огненного кольца.

На сей раз его ждало совершенно иное кольцо огня.

На сей раз, словно специально по такому случаю, Драконье восстание подошло, казалось, весь мир. Пылали скалы по берегам Мародерской гавани. Пылали острова Молчанна, Негодяевка, Истерия, Отчаянье Черноборода. Иккинг дивился, что там еще осталось чему гореть, но, похоже, что-то все-таки гореть еще могло. Пылало все.

К западу на острове Завтра на вершинах утесов выстроились, словно муравьишки, люди и мрачно наблюдали за происходящим. К востоку маячили победоносные Мятажные драконы, а за ними простирались обугленные или полыхающие пустоши.

Над головой парили бдительные Драконы-Стражи, поводя кошачьими глазами туда-сюда, словно решали, на чью сторону встать.

Внизу в траве свиристели невидимые микродракончики, вынося собственные суждения о готовом разыграться спектакле. Их крохотные голоса звенели:

— Вы не видите нас, народы архипелага, но мы-то вас видим...

Все были здесь. Практически все люди и драконы, с кем Иккинг познакомился за двенадцать долгих приключений, и все они сыграют свою роль, большую или маленькую, в надвигающейся битве. Ибо Герой, даже Герой-Король, не сражается в одиночку.

Но, согласно строгому закону викингов, пока поединок не завершится, никто не смеет войти в круг поединка, кроме дракона Ярогнева и человеческого Короля.

Победитель в этом поединке либо решит полностью прекратить войну, либо подаст сигнал к ее продолжению.

Ставки были высоки.

Если выиграет Иккинг, он закончит войну.

Но если победит дракон, он объявит Последнюю Битву, и застывшие в ожидании по краям люди и драконы ринутся в бой, испуская ужасные вопли, и Мародерская гавань превратится в жуткую кровавую арену, где две армии будут сражаться друг с другом насмерть.

В этой гавани уже обитало множество призраков прошлого, ведь именно сюда Зимний Ветер Одина загонял незадачливые корабли, разбиравшиеся о страшные Рифы. И не всегда было ясно, ветер ли это воет в промоинах Рифов, или стонут призраки людей и драконов, окончивших здесь свою жизнь.

Теперь, помимо призраков прошлого, здесь виделись и призраки будущего. В этот миг молчаливые зрители мысленно видели их, призраков героев и драконов прошлого, настоящего и будущего, дружно летящих в гавань.

— **Мо-моредраконус Б'бе-беззубик обладает ОСССОБЫМИ СПОСОБНОСССТЯМИ,** — сказал себе Беззубик, когда маленький отряд Иккинга собрался выступить. — **Он перемелет кости этого Ярог'гнева в труху своими... СВОИМИ...**

Беззубик понятия не имел, какие у него окажутся особые способности, но мысленно перебирал все восхитительные возможности: невидимость, огненные лучи, сверхскорость...

Ветрогон с трудом летел туда, где в Мародерской гавани смутно чернела громада Ярогнева. Воздух вокруг короля драконов был столь обжигающе горяч, что временами Иккингу приходилось опускать забрало огнеупорного костюма, а Ветрогону — прозрачное третье веко. Ветер дул сильный,

поэтому бедняга Ветрогон чувствовал себя так, словно летит против струи огня. Ему казалось, что его неказистые крылья могут в любой миг вывернуться наизнанку и он камнем полетит вниз.

— **Жа-арко,** — пожаловался Беззубик. — **Б'бе-беззубику НРАВИТЦА-ЦА,** когда жарко, **мо-моредраконусы лю-убят,** когда припек'кает...

Иккинга внезапно накрыло пронзительной картиной из более счастливых времен: Беззубик резвится в очаге в старом Доме Вождя на Олухе и с восторженным писком носится вверх-вниз по трубе...

— ...но тут уж слишком жжжжарко, даже для такого великого и ужжжасного мо-моредраконуса, как Б'бе-беззубик... — печально закончил дракончик.

— **Да, Беззубик,** — отозвался Иккинг, истекавший потом даже под защитой огнеупорного костюма. Тело горело, как в лихорадке. — **И правда слишком жарко.**

Все внутри кричало Иккингу, что надо повернуть назад и лететь обратно — но издалека доносились голоса народов архипелага, они распевали древние песни и заставляли лететь вперед:

А в Америке, по слухам,
Небеса синее льда,
Но драккар мой сел на брюхо,
Не уплыть мне никогда...

И песни придавали ему смелости и успокаивали его, словно обладатели этих голосов, такие родные и любимые, летели с ним рядом.

По мере приближения к мощи и жару Ярогнева полет Одиноклыка становился все медленнее, все неувереннее, дыхание в тонком горлышке перехватывало. Он знал Ярогнева столько долгих лет... старинный друг, старинный враг. Но теперь Ярогнев стал совсем другим, будто нечто неумолимое и древнее, старше, чем горы вокруг, воплотилось в нем.

Все ближе и ближе подлетали Иккинг, Ветрогон, Беззубик и Одиноклык к Ярогневу. И все жарче им становилось, словно летели они напрямик в адское пламя, и даже под огнеупорным костюмом лицо у Иккинга горело так, будто он сунул его в печку.

Иккинг не оказывался так близко от Ярогнева с самой первой их встречи, когда дракон томился в цепях и колючках в дебрях Берсерка. Следы лесного плена еще можно было различить — просшие сквозь спинной гребень деревья, обрывки цепей.

Даже тогда Ярогнев представлял собой воистину устрашающее зрелище, при виде его пот прошибал от страха.

Но война изменила дракона, да так, что у Иккинга сердце ухнуло в башмаки, а в желудке заплескалось тошное море.

Громадные желтые глаза Ярогнева, и раньше наполненные мрачным безумием, сделались еще угрюмее, еще бездоннее, еще смертельнее, подобно жестоким неумолимым глазам большой белой акулы. Дракон лежал неподвижно — ох и жуткая это была неподвижность! — но ярость сочилась из него подобно облакам пара, поднимавшимся от его блестящих черных боков. Казалось, его гнев разлит в жарком воздухе.

Шкура у него шелушилась. Повсюду вокруг вились в воздухе мелкие черные чешуйки, как хлопья сажи над разгоревшимся осенним костром.

Громадное, исходящее паром и жаром тело покрывали боевые шрамы, в боках и шее застряли копья, топоры и мечи, теперь напоминавшие украшения или колючий коралловый нарост.

Беззубик так перепугался, что позабыл про свое моредраконство. Никакие подходящие особые способности на ум не шли. Поэтому он плюнул на полет и нырнул Иккингу за пазуху. А Иккинг заставлял себя подбираться все ближе, хотя все инстинкты, все нервы в теле вопили: «Кругом! Назад! Разверни Ветрогона!»

Непонятно было, жив Ярогнев или мертв.

Дракон припал к земле, неподвижный, как скала. Только кончик его хвоста подергивался все сильнее по мере их приближения. Желтые глаза не мигали, но в глубине их тлели и потрескивали огненные смерчи.

Одинклык не решался встретить бешеный, исходящий пламенем взгляд Ярогнева.

И вот настал миг, когда Ветрогон уже не мог лететь дальше. Он завис в дымном жару, а его лоснящиеся черные бока от ужаса ходили ходуном так, будто его трясло в лихорадке.

И тут Ярогнев внезапно распахнул пасть, да с такой силой, что воздушная волна едва не сбросила Иккинга со спины Ветрогона.

Ярогнев разинул пасть и испустил оглушительный дикий безумный вопль, напоминавший потусторонний крик ястреба, и в глубине дымящейся огненной бездны проступили призрачные очертания пылающей мачты викингского корабля, застрявшей в горле, как рыба кость.

Кто знает, кто они были, эти несчастные, навеки сгинувшие в огненной утробе чудовища? Их корабль был проглочен в один присест.

«Война свела его с ума, — подумал Иккинг, чувствуя во рту тошнотворный привкус паники. — Как можно даже думать о разговоре с подобным созданием? Как можно взывать к его разуму, если он давно выжил из ума и блуждает в неведомых краях?»

Дракон кричал, кричал и кричал, и звук этот ввинчивался Иккингу в мозг с такой силой, что мальчику пришлось зажать уши руками, но барабанные перепонки все равно пульсировали от боли.

На миг показалось, что дракон вообще не сможет говорить, такова была его ярость. Казалось, он вовсе позабыл все наречия. Он бросился вперед, как бы желая разорвать Иккинга на месте, но затем отпрянул и принялся метаться, не переставая вопить. Иккинг начал уже думать, что сойдет с ума от одного шума.

Но вскоре Ярогнев с видимым усилием овладел собой и даже вспомнил, как разговаривать. Корчась, исходя пеной и издавая странные придушенные утробные звуки, он наконец произнес нечто членораздельное. Заговорил он по-викингски, хотя знал, что Иккинг говорит по-драконьи. В этом крылось нечто зловещее, словно он старательно держал Иккинга за незнакомца, за чужака...

«Потому что он намерен меня убить», — с тусклым ужасом подумал Иккинг.

Дракон выплевывал викингские слова, будто ненавидел их, будто человеческий язык был отвратительной на вкус отравой.

— Итак, Одинклык, ты предал меня... Ты обещал принести мне Драконий Камень, прежде чем настанет час нам встретиться с Королем... Где Камень?

Одинклык, дрожа, взлетел над головой Ярогнева, завис на миг с Камнем в коготках... а затем, печально и виновато, отпустил его.

Старичок уронил крохотный Камень, и гора пришла в движение. Ярогнев выбросил могучий кулак,

и когти его сомкнулись вокруг Камня, как человеческая рука вокруг пылинки.

Поднимавшийся от него пар стал гуще. Дракон поднес Камень к сочащимся лавой глазам. Зрачки его сузились в длинные недоверчивые щелочки, чтобы получше разглядеть крохотную бисеринку Камня. А затем эти громадные глаза медленно поднялись и уставились с пронзительной яростью на виноватого, потрепанного, обмякшего маленького Одинклыка.

В горле у Ярогнева зловеще и грозно зарокотало, словно он и впрямь был готовым взорваться вулканом.

— Знаю! Знаю! — пискнул Одинклык. — Это не настоящий Драконий Камень, но дай я все объясню!

Поднимавшийся от спины Ярогнева пар начал посвистывать. Дракон не разомкнул челюстей, но глаза его вспыхнули странным светом, и он заговорил с Одинклыком мысленно, ведь моредраконусы умеют общаться друг с другом напрямую. И мысли эти были ЖЕСТОКИ.

— **Что... это... такое???** — Ярогнев не шелохнулся, но слова его ожили у Одинклыка в голове сердито шипящими змеями, и глаза у старика тоже вспыхнули, когда он принял послание. — **Это не Драконий Камень. Это, как ты прекрассно знаешишь, Одинклык, ибо знаком с Камнем тысячу лет... это ФАЛЬШШИВКА.**

— Да, — нервно отозвался Одинклык. — Я знаю. Должен признать, это и правда подделка...

— ПРЕДАТЕЛЬСТВО! — мысленно завопил Ярогнев. — ВЕРОЛОМСТВО! Ты обманул меня, Одинклык!

Дракон поймал Одинклыка в прицел глаз и набрал воздуха, чтобы испепелить его.

— Да! — снова обрел храбрость Одинклык. — Обманул, обманываю и обману. И нет, не обманывал, не обманываю и не обману¹. Я предал врага, которым ты стал, но не друга, которым ты некогда был. Да и нет! Нет и да! Это все Чернобород Оголтельый виноват. Фальшивый Камень — один из его розыгрышей. Старик всегда отличался гнущим чувством юмора...

— Если это не настоящий Драконий Камень, — мысленно прошипел Ярогнев, — то где настоящий? Подумай, прежде чем ответишь, Одинклык. Сскажи мне правду...

— Мы не знаем, где он, — признал Одинклык. — Он может находиться где угодно в обширных и бесплодных пустошах бескрайнего архипелага...

¹ Моредраконусы частенько так причудливо разговаривают друг с другом, потому что живут одновременно в прошлом, настоящем и будущем.

Ярогнев закончил мысль Одиноклыка за него:

— Поэтому уже не важно, настоящий этот Камень или нет. Потому что, пускай истинный Камень не у меня, у Иккинга его тоже нет. А время на поиски у вас вышло.

Клокотавшее в желтых глазах Ярогнева безумие несколько поутихло.

Следующие слова потребовали от Одиноклыка немалого мужества. Ему было очень страшно. Но он все равно храбро подумал:

— Понимаешь, я всё надеялся, что ты не станешь доводить до смертоубийства. Что ты позволишь этому Иккингу еще раз попробовать примирить людей и драконов.

Дракон пригнулся, взгляд его уперся в крошечную пылинку — зависшего перед ним в воздухе среди пламени и дыма Иккинга. Черные хлопья сыпались дождем. Ярогнев снова замер, словно обратился в камень, и только кончик его хвоста еле заметно подергивался туда-сюда.

Мысленный голос Ярогнева сделался совсем холодным и мрачным, в нем зазвучала абсолютная окончательность:

— Тогда зря ты надеялся, Одиноклык. Король должен ожесточиться сердцем и думать только о благе своего народа. Если я сейчас проявлю милосердие, драконам придет конец.

Иккинг понятия не имел, о чем они говорят. Он только знал, что настала пора заговорить ему. Голос его звучал очень тихо и слабо, ему вообще было очень трудно говорить, горячий воздух обжигал горло. Но он все равно заговорил, по-драконьи, пытаясь достучаться до чуждой сущности, в которую превратился Ярогнев, установить с ним какую-то связь и вернуть его.

— Я пришел сюда не умирать, Ярогнев! — хрипло выкрикнул Иккинг. — Я пришел дать тебе собственный обет. Обещаю, теперь, когда я стал новым Королем, я сделаю Дикозапад страной, где люди и драконы смогут жить в мире...

— Люди не меняются, — проревел Ярогнев, из глаз его посыпались электрические разряды, и две молнии пронеслись по обе стороны от дрожащего Иккинга. — Не надейся изменить что-либо своим коварным раздвоенным языком. Слова ничего не меняют. Понимаешь... Глядя на тебя, я вижу не нового Короля Дикозапада. Я вижу старого Короля Дикозапада. Я вижу... Черноборода Оголтелого... Черноборода Оголтелого, восседающего передо мной прямо здесь и сейчас, словно сто лет назад!

Искорка надежды, вспыхнувшая было у Иккинга, когда дракон заговорил, резко погасла.

«Он говорит не потому, что хочет договориться. Он намерен поиграть со мной, прежде чем убить, — подумал Иккинг. — Как кот с мышью...»

— Взгляни на себя! — проревел дракон, срываясь на визг. — Ты, мелкий человечий Король, ты, увешанный с ног до головы Королевскими Сокровищами. Корона... щит... второй лучший меч... омаровое ожерелье... тикалка. Ты воплощение Черноборода Оголтелого!

Ярогнев протянул коготь и глумливо качнул тикалку, так что она закачалась взад-вперед под брюхом у парящего Ветрогона. «Тик-так-тик-так-тик-так-тик-так».

— Я не Чернобород Оголтельный! — крикнул Иккинг дракону. — Я никогда не стану таким, как он! Я Иккинг и всегда буду Иккингом!

— У меня ЗУБ на Черноборода Оголтелого, — прорычал дымящийся Ярогнев. — Он убил моего хозяина и пленил меня, это из-за Черноборода Оголтелого я томился во мраке сотню лет... Знаешь, какими долгими могут показаться сто лет, когда тебе некуда пойти и нечего делать, только думать о прошлом, настоящем и будущем? Окажись здесь передо мной этот Чернобород, ух как я РАЗОРВАЛ бы его... Я не могу разорвать Черноборода, но могу — тебя... Поэтому УЛЕТАЙ, маленький Король, и посмотрим, как далеко ты сумеешь удрать, прежде чем я РАЗОРВУ тебя...

Дракон распахнул окровавленные челюсти так широко, что Иккинг разглядел в пещере его глотки набухшие молниями огненные железы...

— **Ветрогон!** — гаркнул он. — **Лети! Лети, Ветрогон! Облети вокруг его головы, чтобы сбить с толку!**

Ветрогон испуганно всхрипнул, но храбро кивнул. Некогда Ветрогон был очень странного вида драконом, эдакий колтун шерсти, сильно напомиравший помесь косоглазого утенка с непоседливым волчонком. Но за последние пару лет, в переходном возрасте, Ветрогон постепенно перелинял, сделался изящнее, стремительней, и летные качества у него тоже стали лучше. Лодыжки выпрямились, гнутые крылья, по мере овладения ими, оказались преимуществом, и теперь он едва уступал в скорости самому Серебряному Призраку. Вскоре он окуклится, а после этого произойдет поистине необычайное превращение... Но это другая история. А пока Ветрогон — один из самых быстрых и ловких летунов в архипелаге. Только такой, как он, мог вообще подумать о том, чтобы подобраться столь близко к Ярогневу и увернуться от его молний.

Поэтому, когда молнии полетели, перепуганный Ветрогон припустил таким зигзагом, что молнии едва опалили ему крылья.

— **Послушай меня, Ярогнев! Послушай!** — крикнул Иккинг вниз, припав к спине Ветрогона, пока тот уворачивался и финтил вокруг головы

Ярогнева, вы-
дельная чудеса воз-
душной акробатики, а ко-
роль драконов пытался его
прихлопнуть.

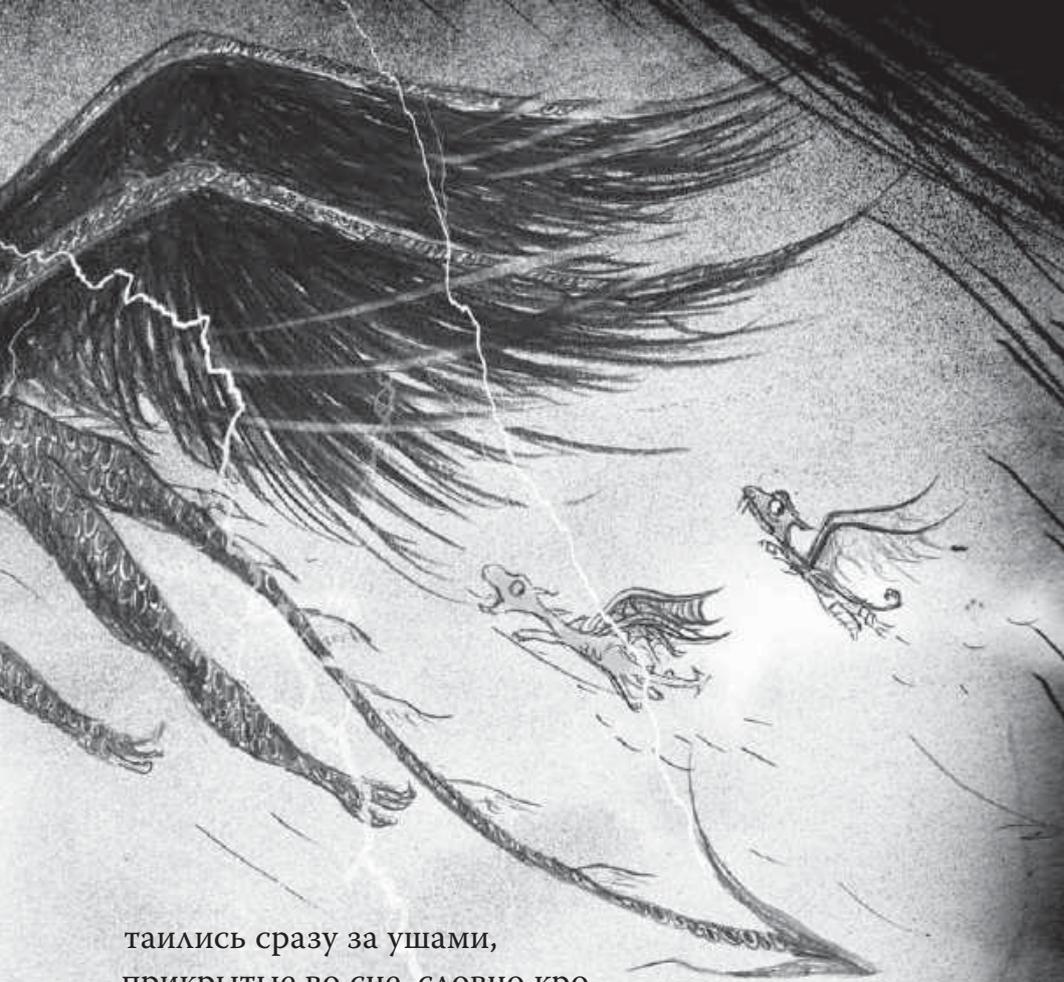
— Слова... ничего... не меня-
ют! — прогремел в ответ Ярогнев.

Глаза его следили за невероятными петлями
и кульбитами Ветрогона, как ягуар следит за синей
мухой. Затем он замер, а Ветрогон завис ровно поза-
ди его громадной головы, чтобы избежать молний...

— Нет, Ветрогон! — пропищал Одиноклык. —
У Ярогнева глаза на затылке!

Так оно и было — и надо же было узнать об
этом в такой момент! У взрослых моредраконусов
и правда имеются на затылке глаза. В начале жиз-
ни это всего лишь пятнышки или родинки, но они
растут вместе с драконом и превращаются в глаза.
А когда дракон стареет и уменьшается, кожа над
глазами смыкается, они уходят вглубь и снова рас-
сасываются.

Но Ярогнев был в том возрасте, когда у море-
драконусов глаза на затылке как раз имеются. Они

таились сразу за ушами,
прикрытые во сне, словно кро-
хотные дремлющие крокодильчики.

Но теперь они резко распахнулись и метнули
из зрачков молнии в мальчишку и его Ветрогона.

С громким ревом дракон мотнул башкой и вы-
пустил воющий огненный смерч.

— **Ходу, Ветрогон, ходу!** — орал Иккинг,
а отважный верховой дракон неся зигза-
гом, уворачиваясь от огненных молний.

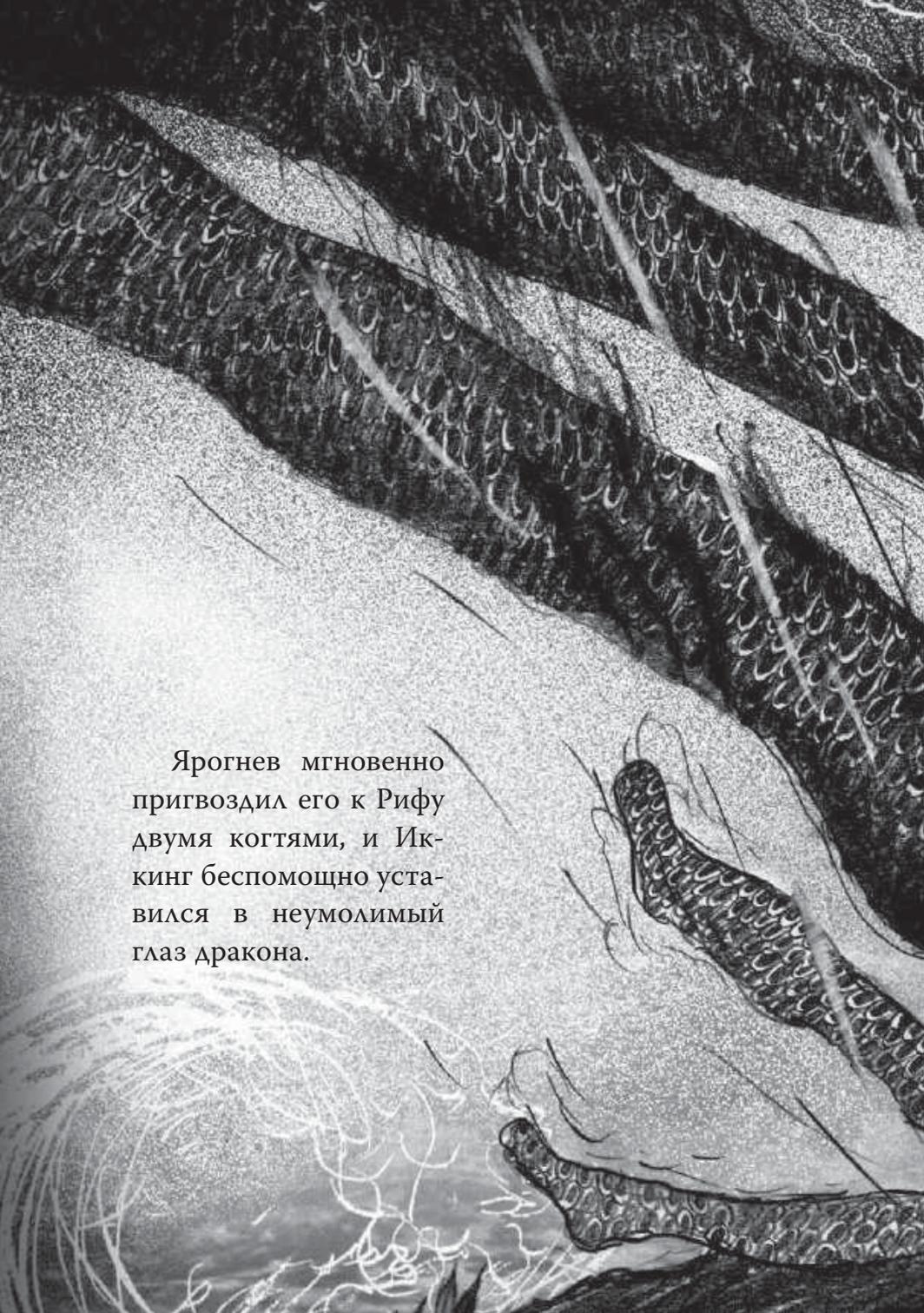

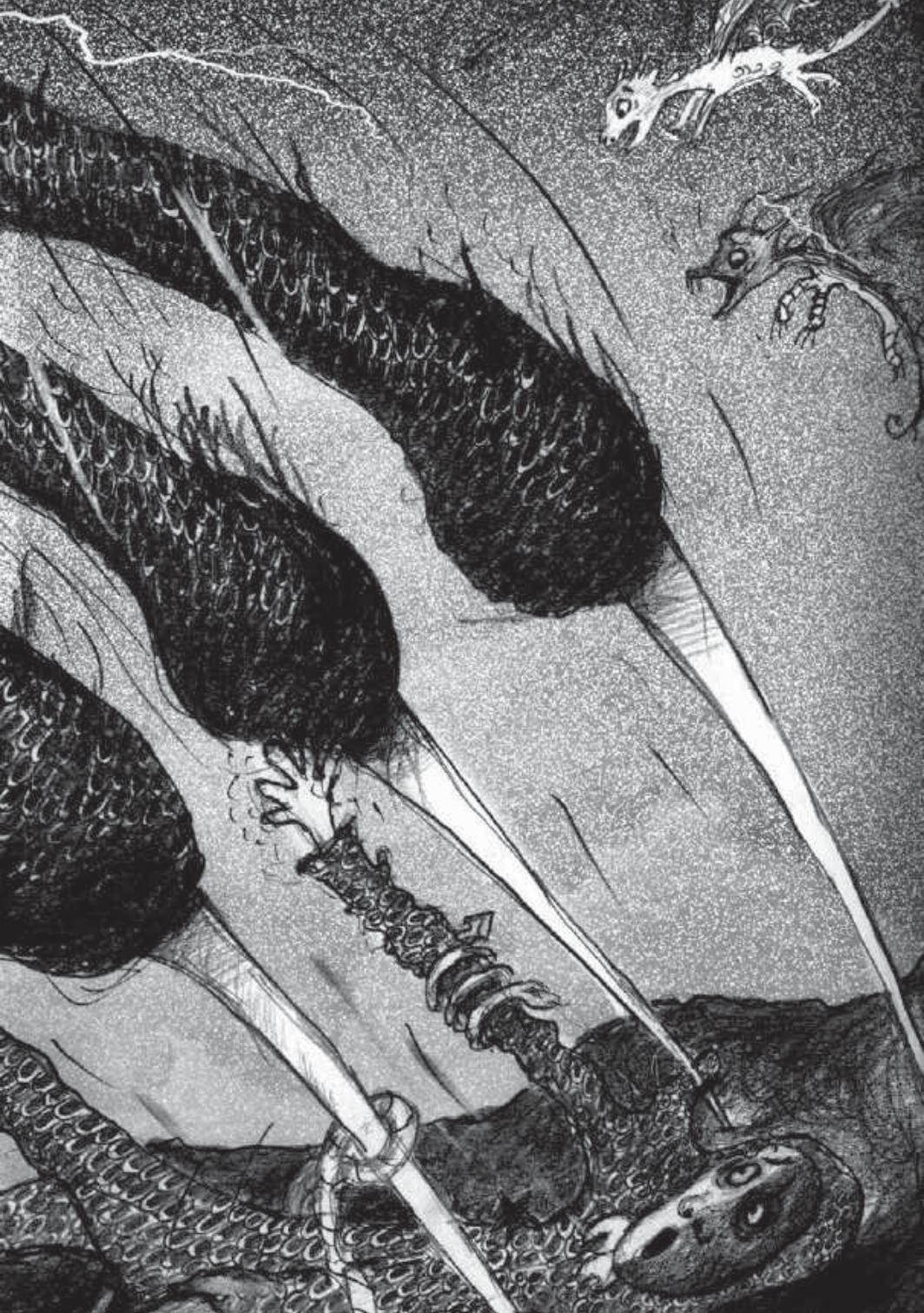

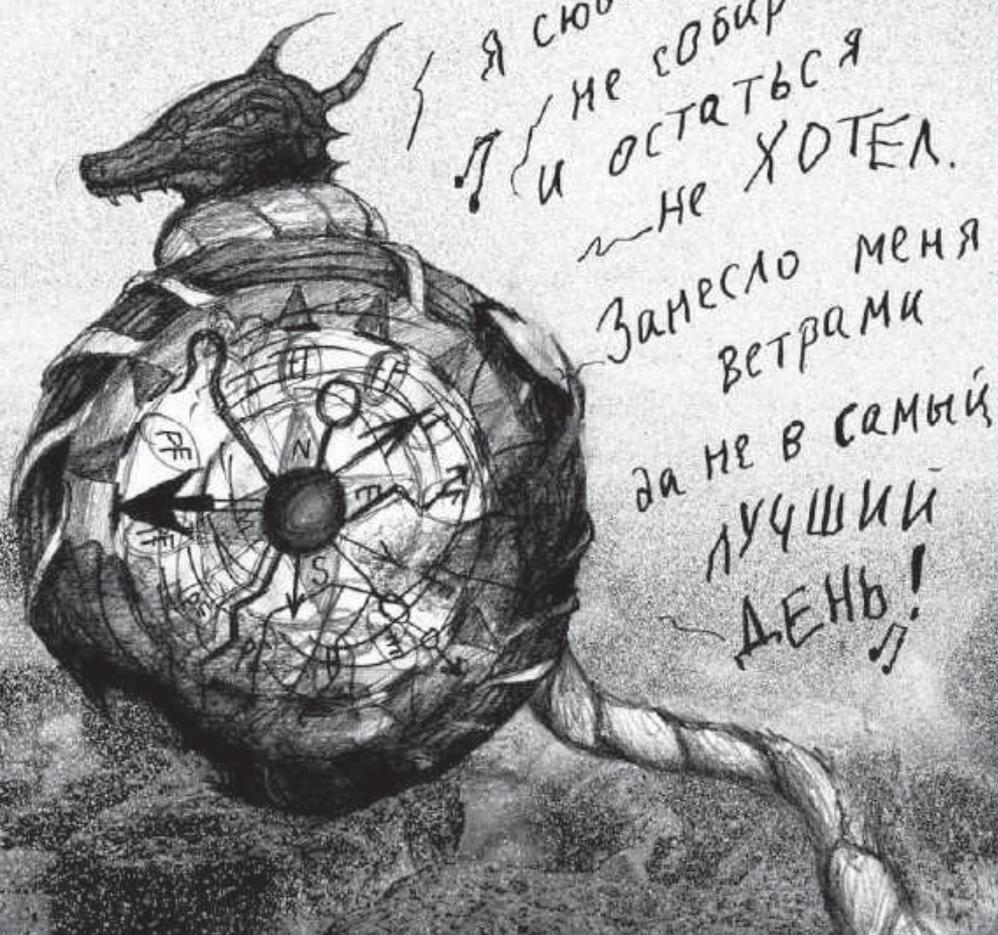
Коготь моредраконуса зацепил Ветрогонов хвост и дернул. Ветрогон кувырком полетел вниз и был вынужден совершить аварийную посадку на Риф. Сбросить скорость как следует он не успел, и при приземлении Иккинг с него свалился.

Ярогнев мгновенно пригвоздил его к Рифу двумя когтями, и Иккинг беспомощно устался в неумолимый глаз дракона.

л л

я сюда
и не собирался
и остаться
не хотел.

Занесло меня
ветрами

да не в самый
лучший
день!

17. ПОРОЙ ТО, ЧТО ТЫ ИЩЕШЬ, ОБНАРУЖИВАЕТСЯ ПОД САМЫМ НОСОМ

— История повторяется, — мрачно заявил гигантский дракон. — И будет повторяться, пока да некто вроде меня не остановит ее.

Дракон прекратил игру и заговорил серьезно.

Он втянул воздух, готовый прикончить Иккинга струей пламени. Вдох Ярогнева был так силен, что Иккинга потащило к разверстым челюстям... его окутал мерзкий гнилостный запах драконьего дыхания...

Иккинг зажмурился в ожидании обжигающей боли.

«Теперь спасти меня может только Драконий Камень», — подумал он.

И ровно в этот миг сработал будильник на Чернобородовой тикалке. словно в знак протеста против драконьих игрищ, крохотные колокольчики в скорлупке принялись вызванивать Хулиганский национальный гимн.

Типичная шуточка Черноборода Оголтелого. Надо признать, СТИЛЬ у мужика был.

Иккинг скосил глаза на тикалку. Две стрелки, одна в форме молнии, другая в виде вопросительного знака, вертелись как сумасшедшие.

Ярогнев вздрогнул и на одно-единственное жизненно важное мгновение отвлекся, пытаясь сообразить, откуда раздается этот неожиданный шум.

Одновременно — какое невероятное совпадение! — далекие голоса викингов на скалах пели тот же самый Хулиганский национальный гимн, который вызванивала тикалка. Ветер доносил их призрачные голоса:

Я сюда не собирался
И остаться не хоте-ел...
Потерял в болотах сердце,
Нет дороги мне тепе-е-ерь!

Тут Ярогнев наконец догадался, что издает этот звук.

— **Это Чернобородова тикалка отмечает миг твоей смерти Хулиганским националь-
НЫМ ГИМНОМ...** — угрюмо произнес дракон.

А в Америке, по слухам,
Небеса синее льда-а,
Но омаром стал мне Олух,
Не уплыть мне никогда-а-а...

Дракон снова набрал воздуха, готовый дохнуть огнем.

Но в голове Иккинга прозвонил крохотный звончок, словно будильник в тикалке. Этот Хулиганский национальный гимн, что он означал? То же самое, что Иккинг узнал, когда вернулся из Геройского Похода, в котором обрел шестое Утраченное Сокровище, стрелу из Америки, и увидел островок Олух впервые после долгого отсутствия.

«Может, где-то за горизонтом и существуют земли, где небеса синей, а почва плодородней... но порой то, что ищешь, оказывается прямо у тебя под носом».

И что это за бессмысленный кусок гимна насчет Омара?

ЛЮБОВЬ НЕ УМЦРАЕТ...

Левой рукой Иккинг нащупал ожерелье из клешней омара, которое матушка Рыбьеного на счастье надела своему младенцу давным-давным-давно, когда ей пришлось пустить его по волнам в старом садке для омаров, потому что ребенок оказался недомерком...

Что там Ярогнев только что сказал, когда глумился над Иккингом?

«Ты, маленький человечий Король, ты, обвешанный с ног до головы Королевскими Сокровищами. Корона... щит... второй лучший меч... омаровое ожерелье... тикалка. Ты воплощение Черноборода Оголтелого!»

Почему Ярогнев упомянул ожерелье? Странно, ведь оно-то вовсе не из Утраченных Сокровищ Черноборода Оголтелого. Или ожерелье — тоже Сокровище?

А ЧТО, ЕСЛИ ДА?

Ярогнев знал Черноборода хорошо. Получается, он помнит, что Чернобород носил ожерелье из клешней омара.

Что, если это было то самое?

И тут в голове у Иккинга пронесся подлинный тайфун переплетающихся мыслей и вопросов, и все они указывали на то, как распутать Чернобородову загадку. Все Вопросы и Ответы, полученные в ходе двенадцати долгих и захватывающих Геройских Походов...

Порой второй — самый лучший...

Прошлое никогда не отпускает...

Когда сражаешься за друга,
сражаешься и за себя...

Любовь не умирает... Когда сражаешься за друга, сражаешься и за себя... Беззубый дракон... Не оставляй попытки, даже если тебя побили еще до начала... Порой второй из лучших — самый лучший... Случайности не случайны... И ПОРОЙ ТО, ЧТО ТЫ ИЩЕШЬ, ОБНАРУЖИВАЕТСЯ ПРЯМО У ТЕБЯ ПОД НОСОМ!

А вдруг то, что он искал, всю дорогу было при нем?

Иккинг никогда не искал Сокровища (если не считать Камня), они просто находили свой путь к нему, словно сами его высматривали. Что, если талисман из омаровых клешней хранил Рыбьенога все эти долгие-долгие годы не потому, что был счастливым, а потому, что искал Иккинга?

Случайности не случайны...

Что, если Драконы-Стражи выпустили Иккинга не просто так, а потому что знали, что он несет последнее и самое важное из Утраченных Сокровищ?

То, что внутри, важнее того, что снаружи...

Эти слова были написаны на карте Сокровища. А может, эти слова на самом деле ключ к загадке настоящего Камня? Драконий Камень долго скрывался в рукояти меча... Возможно, теперь он спрятан ВНУТРИ чего-то другого?

Дракон Ярогнев снова набирал воздуха, готовый жхнуть смертельными молниями...

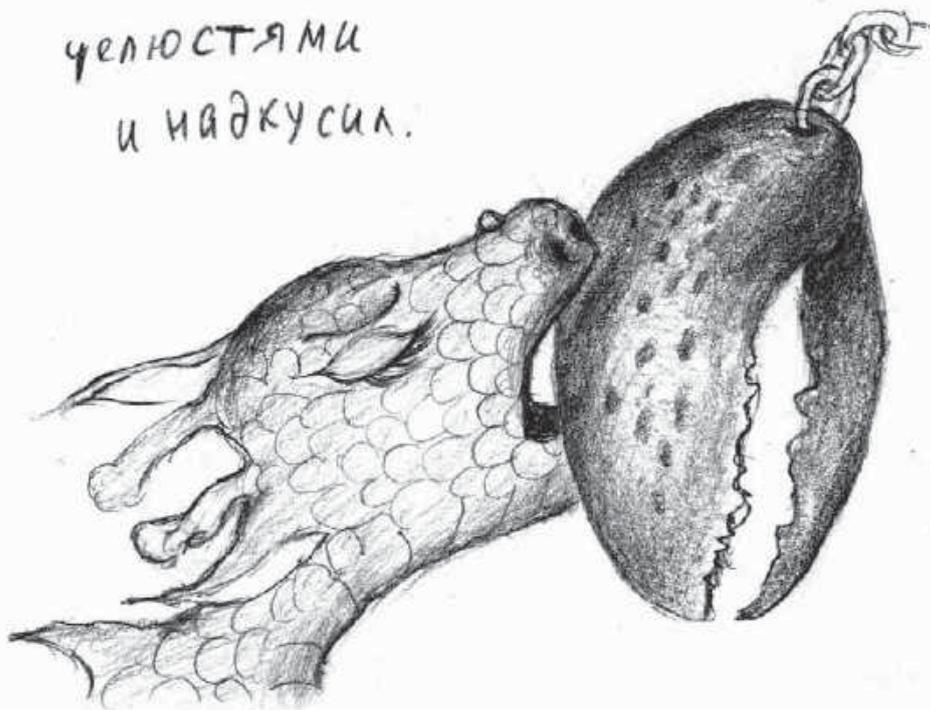
Беззубый дракон... Почему беззубый дракон? Может, и он — часть ответа на загадку?

Случайности не случайны...

— Беззубик, — произнес Иккинг очень спокойно и очень твердо, — я хочу, чтобы ты представил, будто эта омаровая клешня — орех. Расколи ее челюстями, не повредив то, что внутри.

Беззубый дракон, как никто другой, способен колоть орехи, не повреждая драгоценных ядрышек. Твердые маленькие десны Беззубика были самым точным, самым лучшим щелкунчиком во всем архипелаге.

Беззубик сжал
Клешню Беззубыми
челюстями
и надкусил.

Беззубик был так напуган, что даже не стал спорить. Раз в жизни он послушался без вопросов. Вытянул дрожащую шейку, сжал клешню беззубыми челюстями и надкусил. И Иккингу в ладонь выпало то, что таилось там все время. Нечто маленькое, легкое, яркое и золотое. Кусочек бесценного янтаря с навеки застывшими в нем двумя дракончиками — темным и светлым, и каждый кусал другого за хвост...

Альфа и омега.

В моем конце мое начало.

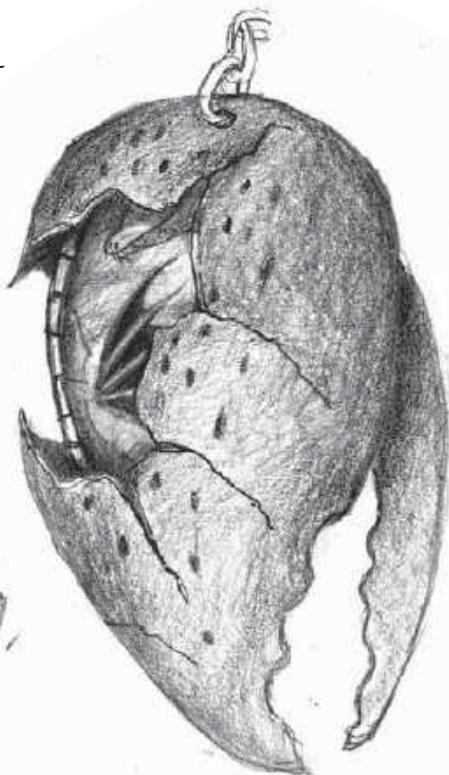
Прошое, настоящее и будущее,
соединенные в мгновении.

Иккинг с Беззубиком изумленно моргали, уставившись на находку.

Одинклык с облегчением выдохнул.

Ярогнев вверху уже напруг горло, чтобы выпустить молнии...

Но увидел, что Иккинг держит в руке, в последний миг со-владал с собой и расслабил мышцы.

Иккинг вскочил на ноги, вскинув дрожащий кулак с ярким янтарем, и дракон всхрипнул от ужаса. Облака неожиданно рассек луч солнечного света, кусок янтаря подмигнул Ярогневу, и тот понял, что за драгоценность он видит.

Драконий Камень.

Настоящий.

18. ПРОШЛОЕ НЕ ОТПУСКАЕТ...

А викинги на скалах Завтра пели от всей души, желая своему Королю и Герою хорошо держаться в этом поединке, хотя и понимали, что исход битвы вряд ли их обрадует.

Они стояли и пели, вглядываясь во мглу и пламя, приставляя ладони козырьком к глазам, силясь разобрать, что там происходит.

Стоик наблюдал за происходящим в свою дальноружную трубу¹ и громко передавал новости всем остальным.

— Пока все хорошо... летит блестяще просто... ай молодец, мой мальчик, молодец... — И вдруг: — О НЕТ! — (Это Ярогнев сдернул Ветрогона на землю.) — О НЕТ, О НЕТ, О НЕТ! ОН УПАЛ! ДРАКОН ЕГО СБИЛ!

Стоик передал трубу Валгаллараме, потому что сам больше не мог глядеть. У нее же рука лишь едва заметно дрожала, когда железная женщина Валгаллараме поднесла трубу к глазу.

— Похоже, дракон готов пальнуть... — мрачно объявила она. — Запрокидывает голову... Нам надо ТУДА! Мы должны спасти его!

¹ Это такая труба, чтобы видеть то, что далеко. Впервые упоминается в седьмой книге, «Как разозлить дракона».

— Но это будет нарушением законов поединка, — злорадно влезла ведьма. — А Король не может нарушать подобные законы, а то миру конец. Какая досада, ай, какая досада...

— ПОЙТЕ ХУЛИГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГИМН! — скомандовал Плевака Крикливый.

— ПОГОДИТЕ-КА! — крикнула Валгалларама. — У Иккинга что-то в руке! Он вскакивает на ноги... ОЙ, КЛЯНУСЬ БОРОДОЙ ФРЕЙИ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ! ДРАКОН ГЛОТАЕТ СОБСТВЕННОЕ ПЛАМЯ! У ДРАКОНА ИСПУГАННЫЙ ВИД! ЧТО ПРОИСХОДИТ?

Друид-Страж выхватил дальнозоркую трубу у Валгалларама и взглянул сам.

— Троль меня забери! — воскликнул старик. — Иккинг в конце концов нашел Драконий Камень! Он и вправду прекрасный Король!

— Что значит, нашел Драконий Камень? — опешила Валгалларама.

— Иккинг нашел Камень! — взревел Стоик. — На сей раз он отыскал настоящий Драконий Камень! Мы спасены!

Викинги на миг оборвали пение и взорвались воплями, топотом и аплодисментами.

— Невозможно! — прошипела ведьма. — Настоящий Драконий Камень просто не мог вот взять и вынырнуть из Рифа, чтобы крысеныш нашел его точно в нужный момент!

И тут ведьме сделалось нехорошо. Как и Иккинг, она хорошо соображала в загадках. Она ахнула и едва не повалилась наземь.

— Разве что... Разве что... **РАЗВЕ ЧТО КАМЕНЬ УЖЕ БЫЛ ПРИ НЕМ!**

— Элвин! — настойчиво позвала ведьма. — Мне только что было жуткое видение! Скажи мне, Элвин, где ты отыскал гроб Черноборода?

— Я же вам рассказывал, маменька, — нетерпеливо откликнулся Элвин. — До меня дошел слух, что некая девица со своим драконом обнаружили могилу Черноборода, но из уважения к мертвым никому не говорили, где она. Я переоделся бедным рыбаком, соблазнил девицу и убедил ее рассказать мне, где находится могила. Это было там, на том крохотном острове, Последний Приют называется. А когда она показала его мне, я проник туда и вскрыл могилу. Вот такой я хитрый.

— И что было у Черноборода в гробу? — прошипела ведьма. — В гробу, который ты вскрыл давным-давно, когда тебе еще спрятанным в нем капканом руку оттяпало?

— Не понимаю, почему это так важно... Мы уже это проходили, маменька, — ответил Элвин. — Тела в гробу не оказалось. Исчезло тело. Там лежала только карта к Чернобородову кладу и загадка.

— И больше совсем-совсем ничего? — уточнила ведьма. — Вообще совсем ничего?

— Ничего важного, — побелев, пролепетал Элвин. Он уже начал понимать, и по спине у него медленно поползли холодные мурашки. — Определенно ничего, ради чего стоило бы жертвовать рукой... но там было... думаю, кое-что там было... но это не имело значения...

— Что это было? — взвизгнула ведьма и вцепилась в сына когтями, словно хотела задушить. — Что это было? Я велела тебе рассказывать мне ВСЕ, Элвин...

Элвин с трудом слотнул:

— Но это же ерунда... Просто вонючая пара старых омаровых клешней на цепочке. Ожерелье раба. Типично для Черноборода Оголтелого, он всегда отличался гнусным чувством юмора.

— ЧТО ТЫ С НИМ СДЕЛАЛ?! — заорала ведьма.

Элвин аж пожелтел от переживаний:

— Э, ну, это было так давно... четырнадцать, пятнадцать лет назад... Я не думал, что это важно. Старые омаровые клешни, очередной мерзкий розыгрыш Черноборода. Я отдал его той девице, Фурри, которую тогда охмурял. Ей я наплел, что потерял руку в опасной истории на рыбалке, и она меня выходила. Мне показалось, что ей-то кулончик будет в самый раз. Ничего КРАСИВОГО я ей дарить не собирался...

зная, конечно, что и дитя, и суденышко уцелеют, пересекут море и пристанут к берегу островка под названием Олух.

Младенец, ясное дело, был Рыбьеногом.

И эти омаровые клешни, можно сказать, спасли ему жизнь. Потому что внутри одной из вонючих клешней пряталось последнее Утраченное Сокровище, и, как все Утраченные Сокровища, оно едва ли не само искало Иккинга, Истинного Наследника Черноборода Оголтелого.

Конечно, так не бывает. Да и как такое может быть?

Как бы то ни было, спрятанное Сокровище благополучно провело садок для омаров по волнам, через шторм, точно как звезда или магнит, к берегам Олуха, где только что народился маленький Иккинг.

Возможно, Рыбьеногова матушка предчувствовала это сердцем? Кто знает? Материнская любовь так сильна, что матери порой, сами того не сознавая, прозревают то, что скрыто. Фурия понимала только, что эта омаровая клешня сбережет ее сына, и оказалась права.

Так-так-так...

В артистизме Судьбе не откажешь.

Здесь, наверное, уже об этом не раз говорилось, но...

Понимаете, все, что мы делаем, имеет свои последствия и отражения, — каждое доброе дело, каждое дурное, каждая новая дружба и вражда.

Все взаимосвязано. Как замысловато цепляющиеся друг за друга колесики в тикалке.

И вот за один-единственный долгий миг Элвин узнал правду и побелел как смерть.

— Он был у меня... Я держал Камень в руке и выбросил его... Самое драгоценное Сокровище из всех, что у меня были... а не выброси я его, мог бы стать Королем... — простонал он.

Друид-Страж, наблюдавший за ним с суровым весельем, покивал.

— Потому что ты знаешь всему цену, Элвин, но не знаешь истинной ценности. Из тебя вышел бы очень плохой Король. Может, я и был слеп, — с глубоким удовлетворением добавил старик, — но способные видеть все насквозь глаза Драконов-Стражей наверняка разглядели, что Иккинг нес с собой Камень, хоть он сам этого и не знал.

А Рыбьенег слушал и тоже заливался бледностью, понемногу понимая, что это означает.

Повсюду вокруг него викинги уже праздновали, потому что Иккинг нашел Камень... и Рыбьенег тоже, разумеется, был на седьмом небе от счастья, ведь теперь Иккинг спасется, и ВСЕ спасутся, а всё из-за Рыбьенего и того, что он отдал Иккингу свой талисман из омаровых клешней.

ЭТОТ не может быть
моим отцом!

Но вместе с радостью Рыбьенюг испытывал и другие чувства, гораздо более сложные.

Тор всемогущий! Пятнадцать лет искать отца... пятнадцать лет!

И узнать, что твой отец — ЭЛВИН ВЕРОЛОМНЫЙ?!

— Нет, — шептал Рыбьенюг побелевшими губами. — Это неправда... этого не может быть...

ЭТОТ не может быть моим отцом...

Как будто ему сделали подарок, о котором он давно мечтал, и одновременно крепко пнули ногой в живот.

— КАМЕНЬ У НЕГО! КАМЕНЬ У НЕГО! ИККИНГ КОРОЛЬ! ИККИНГ КОРОЛЬ! — ревела толпа.

— Чтоб Тору собственной ушной серой подавиться! — выругалась ведьма. Вид у нее сделался совершенно безумный. — Будь ты проклята, Судьба! — Она погрозила небесам костлявым кулаком. — Как он это делает? Сокровища просто сами искали его! Он притягивал их, словно какой-то гадкий магнит в форме Иккинга...

Ведьма прожила долгую жизнь, но так и не набралась мудрости, чтобы понять: Иккинг получил Сокровища не просто так, а потому что он такой, какой есть. Он всегда был добр к своему лучшему другу Рыбьену, и Рыбьену подарил ему ожерелье из омаровых клешней. Иккингу помогла доброта.

А неистребимая злоба Элвина ко всем вокруг привела к тому, что он отдал Сокровище.

19. ...ОНО НАСТИГАЕТ БУДУЩЕЕ САМЫМИ НЕВЕРОЯТНЫМИ ПУТЯМИ...

Иккинг поднял зажатый в кулаке Драконий Камень повыше.

Солнечный луч блеснул на янтаре и на миг ослепил Ярогнева. Но дракон тут же понял, что это за янтарь, и, захрапев в неподдельном ужасе, в последний момент сомкнул огненные железы, и заряды пламени не успели вылететь.

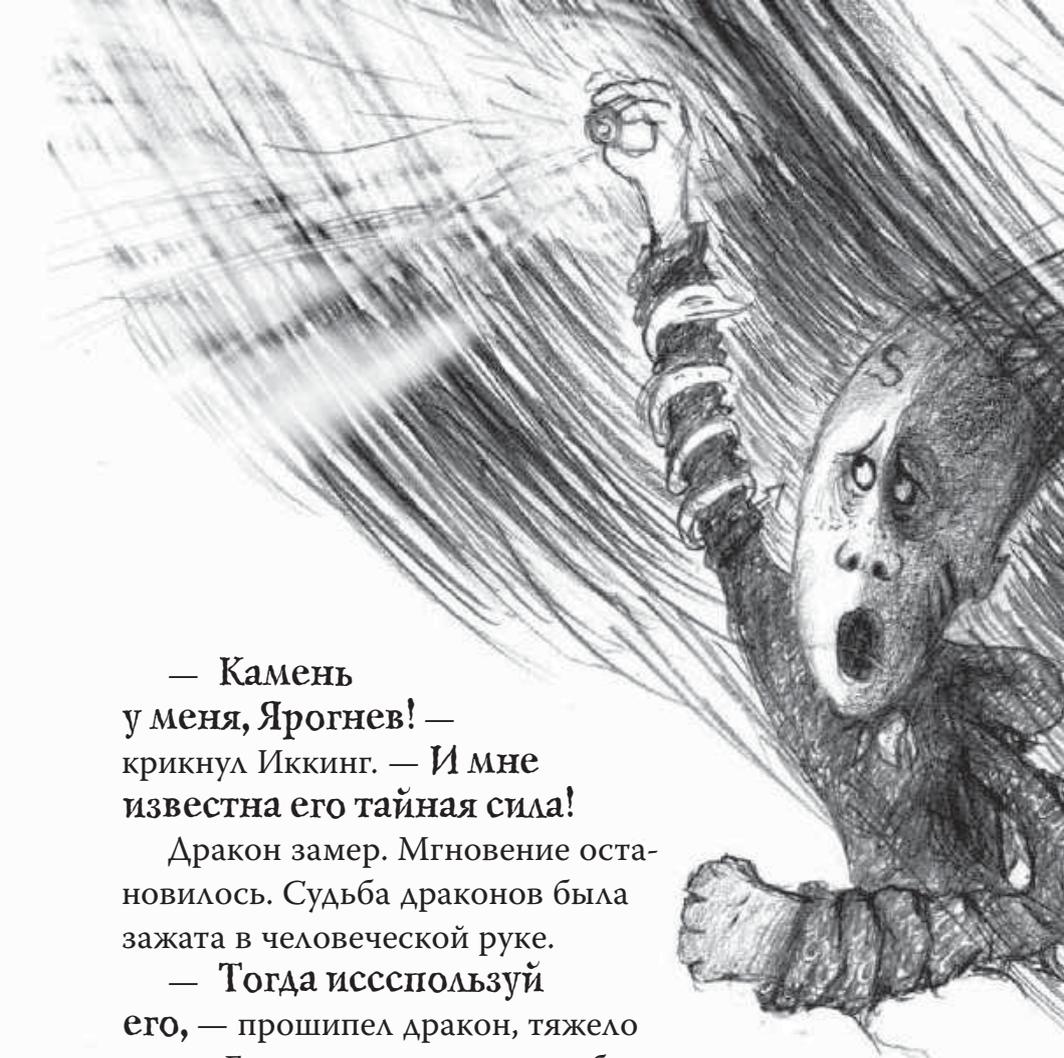
Ярогнев закричал, словно пронзенный гигантским копьём, глаза его почернели от страха.

А потом...

— **Драконий Камень**, — прошипел он на длинном выдохе. — **Настоящий Драконий Камень...**

— **Он нашел его...** — прошептал Одиноклык. Глаза его вспыхнули надеждой и отчаянным облегчением. — **Нашел! В конце концов Судьба оказалась на стороне добра...**

А Иккинг, сжав Камень в кулаке, ощутил его силу. Силу править драконами, силу жизни и смерти. Силу, способную уничтожить их бесследно.

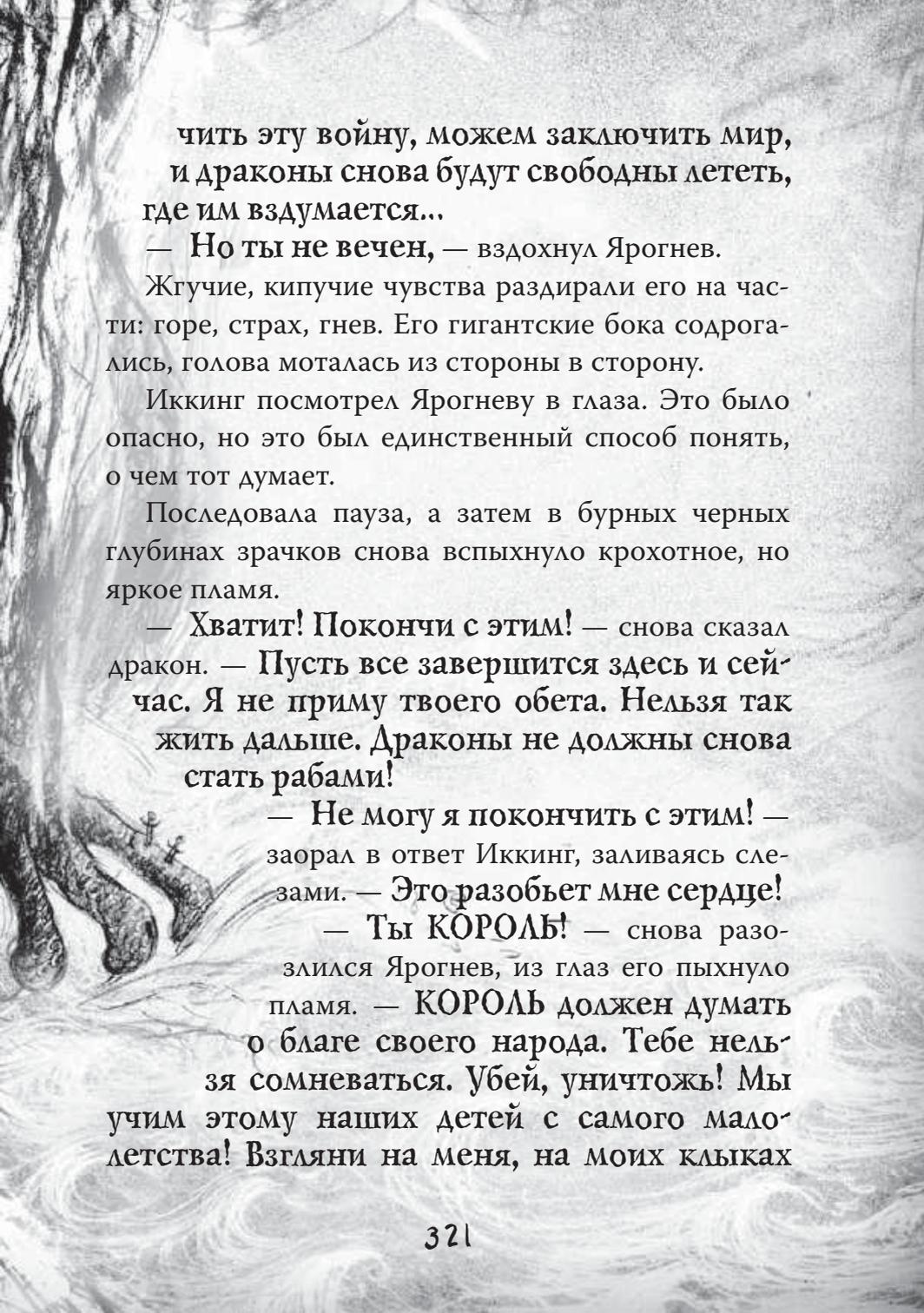
— Камень
у меня, Ярогнев! —
крикнул Иккинг. — И мне
известна его тайная сила!

Дракон замер. Мгновение остано-
вилось. Судьба драконов была
зажата в человеческой руке.

— Тогда исспользуй
его, — прошипел дракон, тяжело
дыша. Глаза его потемнели от боли. —
Разбей его! Покончи с этим. Судьба на тво-
ей стороне.

— Нам незачем его разбивать, — ответил
Иккинг. — Мы можем договориться, поверь.
Обещаю тебе, что теперь, когда я Король,
драконы будут свободны. Мы можем закон-

чить эту войну, можем заключить мир, и драконы снова будут свободны лететь, где им вздумается...

— Но ты не вечен, — вздохнул Ярогнев.

Жгучие, кипучие чувства раздирали его на части: горе, страх, гнев. Его гигантские бока содрогались, голова моталась из стороны в сторону.

Иккинг посмотрел Ярогневу в глаза. Это было опасно, но это был единственный способ понять, о чем тот думает.

Последовала пауза, а затем в бурных черных глубинах зрачков снова вспыхнуло крохотное, но яркое пламя.

— Хватит! Покончи с этим! — снова сказал дракон. — Пусть все завершится здесь и сейчас. Я не приму твоего обета. Нельзя так жить дальше. Драконы не должны снова стать рабами!

— Не могу я покончить с этим! — заорал в ответ Иккинг, заливаясь слезами. — Это разобьет мне сердце!

— Ты КОРОЛЬ! — снова разозлился Ярогнев, из глаз его пыхнуло пламя. — КОРОЛЬ должен думать о благе своего народа. Тебе нельзя сомневаться. Убей, уничтожь! Мы учим этому наших детей с самого детства! Взгляни на меня, на моих клыках

человечья кровь, в когтях у меня запутались
человечьи тряпки. Я ЧУДОВИЩЕ, как ты не
понимаешь! Пойми и покончи с этим!

— Ты не чудовище! — крикнул Иккинг. —
Не больше чудовище, чем Беззубик...

— Ладно, если ты не желаешь с этим кон-
чать, тогда смотри, каким чудовищем я могу
быть! — взревел дракон и снова выдохнул. — Раз-
бей его, или я убью тебя, а как только Ка-
мень окажется в моей власти, я сдержу свое
обещание и перебью всех людей, сколько их
есть...

Настало время нанести удар.

Хищник в душе Ярогнева понимал это.

Один лишь Иккинг стоял теперь между ним
и победой драконов, концом их позорного рабства.

«Жертва! Иккинг — жертва, всего лишь жертва,
сначала бей, потом думай...»

Ярогнев запрокинул голову, огненные железы
уже заполнялись смертельным пламенем. Воздух
он засасывал с такой силой, что Иккинга потащило
вперед. Еще миг, и все кончится...

Иккинг широко раскинул руки, зажав Камень
в правой. И в этот миг понял, хотя на самом деле
знал это всегда: он не разобьет Камень, не истре-
бит всех драконов навеки, не примет решение, ко-
торое обязан принять Король.

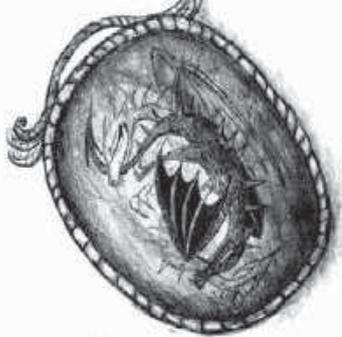
По щекам его катились крупные горячие слезы.

— Не могу, — прошептал Иккинг. — Не буду...
Не стану разбивать Камень.

Сделать это означало бы пойти наперекор себе, а Иккинг был тем, кем был, и не мог быть никем другим.

И тогда он развернулся кругом и что было сил запустил Драконию Камень как можно дальше, в открытое море. А затем повернулся к Ярогневу.

— Будь ты
на моем месте,
ты тоже не разбил бы
Камень! — в сердцах крик-
нул Иккинг дракону. — Я знаю,
что не разбил бы. И в ответ обе-
щаю тебе, что построю новый мир,
лучший мир, мир, достойный и моего,
и твоего народа. Не таких, какие они сейчас,
но таких, какими они могли бы быть.

А потом зажмурился и стал ждать.

Дракон не мог поверить в то, что случилось. Он никак не ожидал от Иккинга такого поступка и на миг снова окаменел, потрясенно вздрогнул, словно вспомнил о чем-то, и, в смятении пронаблюдав, как Камень падает в океан, казалось, разозлился еще больше.

Иккинг зашвырнул

Драконий камень как

можно дальше в море.

— **Что ты ДЕЛАЕШЬ?** — взревел Ярогнев.

Викинги тоже остолбенели.

— **НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ!** — взревел Коварняк Гостедав — как раз его очередь была смотреть в дальнюю трубу. — **КОРОЛЬ ВЫБРОСИЛ КАМЕНЬ!**

Среди зрителей на вершинах скал прокатился вопль ужаса:

— **НЕТ! НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!**

И дружный стон:

— **МЫ ОБРЕЧЕНЫ...**

— **ПОЙТЕ, РЕБЯТА, ПОЙТЕ!** — отчаянно рычал Плевака Крикливый, словно одной лишь силой песни можно было отвлечь поджидавшую их судьбу.

Половина викингов попадала на колени и запела. Вторая половина приготовилась к всеобщей войне, которая наверняка начнется совсем скоро, как только Ярогнев убьет Короля.

— Говорила я вам! — прошипела ведьма. — **ГОВОРИЛА!**

Даже перед лицом неминуемой гибели приятно сознавать, что ты был всю дорогу прав.

— **Дурак,** — прорычал Ярогнев, опомнившись. — **Дурак... твои жалкие человечьи ручонки не способны забросить Камень достаточно далеко. Он не затерялся...**

Громадный глаз дракона видел, как Камень, словно чешуйка планктона, падает сквозь толщу воды. Ярогнев протянул левую лапу, поймал тонущий Камень и победно поднял его повыше, чтобы увидело все драконье войско.

— **Драконий Камень у нашего вождя!** — взревели Мятежные драконы.

Ярогнев приготовился убить мальчишку. Но в этот миг, когда пришла пора нанести смертельный удар, произошло нечто странное.

Дракон увидел перед собой мальчишку с широко раскинутыми руками, совершенно беззащитного. Нет ничего беззащитнее беззащитного человека.

Ни клыков, ни когтей, ни молний, ни пламени. Даже Камня уже не было, только прилипшие ко лбу вокруг Печати Дракона волосы. Мальчик стоял тихо, раскинув руки и зажмурив глаза, а вокруг его головы в отчаянной тревоге порхал маленький самовлюбленный дракончик — Беззубик.

Наконец, в жалкой попытке закрыть мальчишку собой, Беззубик припал к груди хозяина там, где билось сердце, и как можно шире расправил крылышки.

На груди у дракончика темнел шрам.

И в этот миг, когда Ярогневу полагалось уже совершить убийство, вмешалось старое-престарое воспоминание о другом мальчике, другом времени, другом шраме.

Потому что Иккингов было три: Иккинг Первый, Иккинг Второй и Иккинг Третий. И прямо тут присутствовали три моредраконуса: один старый, один юный и один в полном расцвете сил. И у всех троих на груди был шрам.

Шрам Ярогнева остался после того, как он бросился, в таком же ужасе и отчаянии, как Беззубик, на защиту своего брата-человека, Иккинга Кровожадного Карасика II.

Тот страшный, безнадежный прыжок прервало Лезвие Бури, пронзив ему грудь. Молодого дракона, каким он был тогда — куда крупнее и величественней этой жалкой порхающей козявки, — оно ранило, но не убило. Но несмотря на всю драконью мощь и пламя, он не сумел спасти Иккинга Кровожадного Карасика II от гибели.

Ярогнев думал, что позабыл обо всем.

Он думал, что сто лет в цепях, в сломленном и бескрылом одиночестве, убили любовь, которая заставила его совершить тот прыжок. Но прошлое никогда по-настоящему не оставляет нас.

Любовь не умирает, как учил Иккинга рубин в форме сердца, и даже Лезвие Бури не способно ее убить.

Полюбив, мы не можем забыть, пусть даже плоть вокруг некогда кровоточившей раны отвердела, пусть даже любовь похоронена под столетним заключением и вывернута наизнанку прорас-

тающими сквозь тело колючками удушливого леса. В душе Ярогнева открылась дверка, которую он долгие годы старался не открывать, ведь иначе он не смог бы продолжать свое восстание. И когда эта дверка наконец распахнулась, это произошло с такой же внезапной силой, с какой память вернулась к Иккингу на развалинах Чернобородова Замка. И если уж дверка памяти приоткрылась, пусть даже на волосок, ее ни за что не захлопнуть снова.

Душа — странная вселенная. В тот бесценный миг на Завтра, когда будущее драконов и людей висело на волоске, давнее прошлое вернулось к Ярогневу с обжигающей ясностью, словно все происходило прямо сейчас, в эту минуту... и он не смог нанести удар.

Дракон всхрипнул, затряс головой, попытался заставить себя сделать это, вытолкнуть из себя электрические молнии... но ничего не вышло. Дракон заревел от гнева на самого себя и сделал новую попытку...

— НЕ-Е-ЕТ! — проревел Ярогнев. — Я должен это сделать! Я должен выполнить обет!

Но как он ни старался, бешено молотя хвостом, заставить он себя так и не смог.

Далеко-далеко оттуда Неимоверный Крутняк и Десять Женихов, Героиня Ярисса, Валгалларама и множество прочих викингов стояли на коленях, зажмурившись, и пели одну из древних викингских

песен. Иккинг едва слышал ее, очень-очень слабо,
сквозь дождь и дым и пламя:

Я уже любил однажды —
Заплатил разбитым сердцем.
Не лишай меня надежды,
Тор, позволь влюбиться ДВАЖДЫ!

Одинклик, дрожа, открыл глаза. Он тоже ждал
страшной боли от драконьих молний и последнего
обжигающего пламени.

Но их так и не последовало.

Боль свою герой скрывает,
На душе тяжелый камень, —

нежно-нежно пели вдали красивые викингские
голоса:

Вспыхнет снова в сердце пламень,
Тор, я знаю, так бывает.

20. ...И ПУГАЕТ ДО ДРОЖИ

Пот струился у Иккинга по лицу. Он дрожал, внутренне закаменев в ожидании языков палящего драконьего пламени...

...но так и не дождался.

Иккинг открыл глаза.

Дракон пристально смотрел на него сверху вниз, и в глазах его стояла смертная мука. Даже выражение на морде поменялось, из ноздрей клубами валил дым. Ярогнев мотал дымящейся головой из стороны в сторону, раздираемый противоречиями.

Сердце у Иккинга заколотилось. Всемогущие боги... Неужто сработает... Храбрый поступок Беззубика остановил Ярогнева, и у Иккинга появился шанс. Шанс заговорить и заставить дракона передумать.

— **Не отвергай саму возможность нового мира, Ярогнев,** — настойчиво заговорил Иккинг, протянув в мольбе руки к дракону.

Дрожащий Беззубик продолжал закрывать собой сердце хозяина.

— **Смотри!** — указал Иккинг себе на лоб. — **Это Печать Дракона, символ братства между людьми и драконами. Клянусь этой**

Печатью, что ни один дракон на моем Дико-западе, где я теперь Король, никогда больше не будет рабом.

При взгляде на Печать Ярогнева затрясло.

Все воспоминания, которые он столько лет старательно гнал от себя, нахлынули гудящей волной и едва не затопили его. Он вспомнил иное время, иного мальчика...

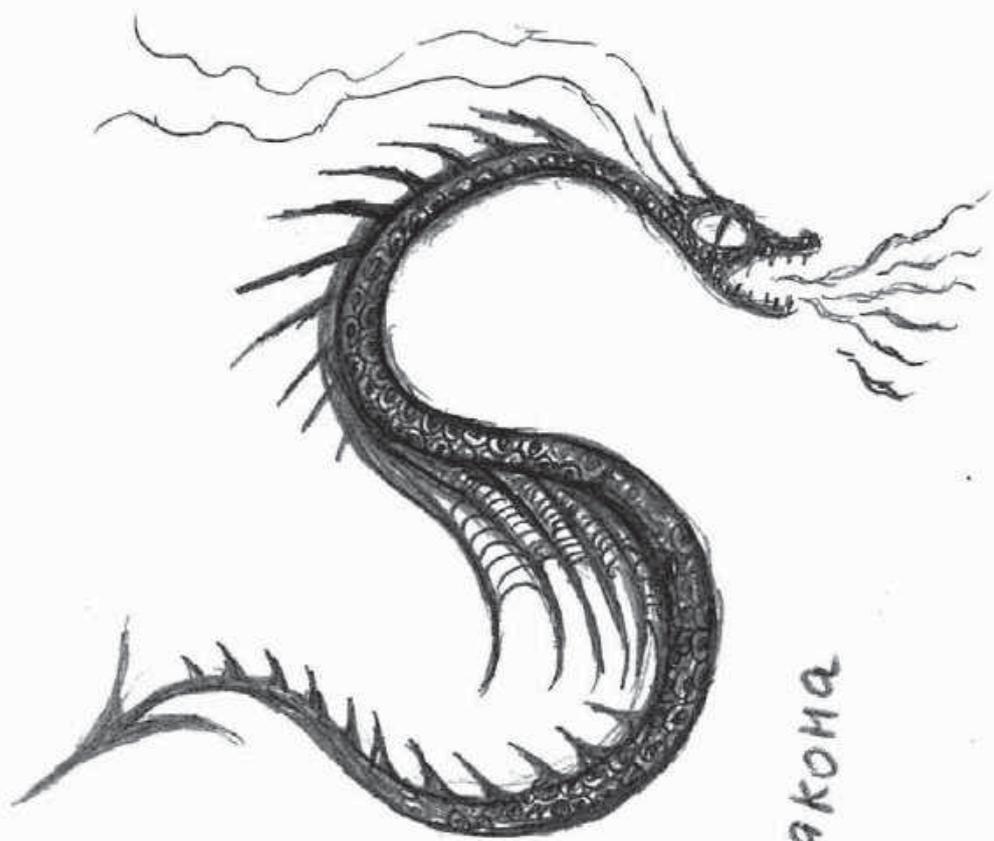
Иккинга Кровожадного Карасика II, который некогда был Ярогневу побратимом.

Он вспомнил, как играли они в пещере мракозавров, когда маленький дикий Иккинг Второй был еще младенцем, и говорили они между собой только по-драконьи.

Вспомнил, как летал с Иккингом Вторым на спине, когда мир казался юным, новым и полным возможностей. В такой безупречной гармонии взмывали они ввысь, что трудно было разобрать, где кончается мальчик и начинается дракон.

Выбросить Камень было невероятной глупостью — как раз в духе Иккинга Второго.

Ярогнев вспомнил, как дерзкий подросток Иккинг Второй поставил Печать на собственный лоб, чтобы показать, как он любит Ярогнева. Отец мальчика, Чернобород Оголтелый, вызверился на него за это, потому что Печать была запрещена и стала Клеймом раба.

Печать Дракона
(Знак ГЕРОЯ)

Как бушевал его отец! Как старался Чернобород смыть ее, как костерил Тора, оттирая ее рукавом... Но Печать не поддавалась, ибо Печать Дракона — это навсегда.

Ярогнев думал, что от любви не осталось ни следа. Ни капли. Ни шепота. Сто лет плена исцелили его от этой любви и превратили его сердце в темный и голодный лес... Но любовь вернулась.

Человеческие сердца способны разбиваться, зарастать и биться снова. Оказывается, драконьи сердца тоже таковы.

Иккинг Второй ушел навсегда, отделенный от своего дракона океаном неба и времени, и никогда не навестит брата.

Но все же каким-то загадочным образом крохотная его частичка оказалась здесь, в оборванном, неуклюжем подростке по имени Иккинг Кроважидный Карасик III.

И Ярогнев любил его.

Дракон раскачивался взад-вперед, храпя и рвя от боли и смятения. Он так долго копил свою ярость, вскармливал ее, выныривал... И когда на пути его гнева внезапно встала преграда, когда его охватило сомнение, это оказалось невыносимо больно.

— Тогда мы упустили свой шанс, — проговорил Ярогнев. — Последний шанс для драконов...

— Нет, нет, неправда! — крикнул Иккинг. — Драконы и люди могут жить вместе! Я теперь Король, и я сделаю Дикозапад лучшим миром, миром без рабства, в котором два наших народа смогут жить свободно, миром равенства и воли...

— Слишком поздно, — возразил Ярогнев. Они злился на себя и драл свое тело длинными когтями, мучаясь нерешительностью. — Или слишком рано. Как бы то ни было, не время... Почему я не могу этого сделать? Какой я Король моим драконам, если не убиваю тебя, мальчик...

— Возможно, в этом ты как раз ошибаешься, — с готовностью подхватил Иккинг, почувствовав, что громадное беспокойное создание теперь открыто для убеждения. — Возможно, лучшее, что ты можешь сделать как Король, это снова дать шанс...

— А-а, но мы, драконы, старше вас. Мы все это уже видели, — со странной тоской в голосе отозвался Ярогнев. Моредраконус поднял гигантскую, покрытую шрамами голову. — А вдруг это возможно... Может быть... В конце концов, мальчишка нашел Камень, и, как знать, вдруг это и впрямь знак Судьбы...

Может быть...

Может быть...

Может быть...

Иккинг ждал. В горле у него пересохло,
сердце колотилось. Достаточно ли он сказал?
Правильные ли слова выбрал?

Дракон раскачивался из стороны в сторону,
раздираемый нерешительностью.

И тут произошло нечто ужасное.

Три мальчика по имени
Иккинг. Три дракона со шрамом
над сердцем.

21. ВЕДЬМА ВМЕШИВАЕТСЯ В ХОД СУДЬБЫ

И в тот самый момент, когда показалось, что все вот-вот обернется к лучшему, когда показалось, что Иккинг сумеет убедить Ярогнева отозвать восстание... случилось нечто ужасное.

Наверное, это было то самое, чего больше всего боялся Ярогнев: что, несмотря на все деяния добрых людей, всегда остаются злые, таятся в потемках до времени.

В данном случае злой, понятное дело, была ведьма.

Она видела, как Иккинг выбросил Камень. Видела колебания Ярогнева. Знала, что этот гнусный крысеныш станет разговаривать, тролль его заberi.

Она смотрела и чувствовала, как все, ради чего она жила, все, ради чего трудилась, ради чего убивала, ускользает из ее костлявых пальцев. И больше она это выносить не могла.

Двадцать лет просидеть в стволе дерева, медленно теряя краски, становясь белой, словно слизняк, тихо сходя с ума в этой темноте, глодая крысиные кости, облизывая кору, чтобы получить хоть

немного влаги, сплетая планы, словно паучью сеть, и заглядывая в прошлое в поисках знаков, выстраивая судьбы и желая, желая, желая, чтобы ее сын Элвин стал Королем...

И теперь, в последнюю минуту, все это отбирает у нее одно за другим этот недомерочный крысеныш?

Ведьма поняла: пора самой вмешаться в ход Судьбы.

Она подскакала на четвереньках к Обжоре Душегубу, стараясь не морщиться, поскольку отвратительная диета Обжоры придавала ему весьма сильный и неповторимый запах¹. Однако он всегда был самым преданным сторонником Элвина.

— Крысеныш нас сдает! Он выбросил Камень! — прошипела ведьма.

— О чем ты? — не понял подручный Обжоры, Проглот.

— Действия мальчишки доказывают, что он не настоящий Король, — ощерилась ведьма. — Отказаться от Драконьего Камня, когда Камень был у него в руках! Опасная глупость. Поверьте мне, я умею заглядывать в будущее. Камень уже у Ярогнева, видите, зажат в его уродливой лапе!

— О-о... — Проглот и Обжора поняли, куда клонит ведьма.

¹ Племя Душегубов питалось пролежавшей месяц гнилой селедкой, фаршированной маринованным чесноком и тухлыми яйцами, запивая это огромным количеством пива.

— Одолжите мне крадкого дракона, и Элвин убьет Ярогнева и заберет Камень, пока не поздно. Ярогнев безжалостен. Он не умеет быть милосердным, а мальчишка настолько глуп, что рискует всем, уповая на сердце ящера. Драконы — чудовища. Они не способны на высокие чувства, как мы, люди. Милосердие — вот что отличает нас от животных...

Обжора Душегуб согласно заворчал, потер свои грязные руки, обильно украшенные вытатуированными человеческими черепами (служившими, разумеется, художественным выражением высоких чувств).

— Но Элвин-то никак не может вмешиваться... — замялся Проглот. — Это было бы нарушением правил... Миру конец...

— Тьфу! Некогда миндальничать, когда на кону будущее человечества! Повторяю, мальчишка оказался предателем, раз выбросил Камень, и Элвин, настоящий Король, обязан позаботиться о нас вместо него. Кроме того, — искусно ввернула ведьма, — если Элвин полетит на крадком драконе, Ярогнев не поймет, что он там, пока не станет слишком поздно...

— Но это жульничество! — запротестовал Проглот.

Даже у племени Душегубов существовало свое извращенное понятие о чести.

— Ради будущего человечества можно немного и сжульничать, — отрезала ведьма. — Кроме того, по сути это не такое уж и жульничество, ведь настоящий-то король — Элвин.

Обжора Душегуб никогда никому не давал своего крадкого дракона, если не считать одного неприятного случая за пару лет до описываемых событий, когда Берта из племени Бой-баб на спор выкрала его¹. Но нынешние обстоятельства, похоже, и впрямь были особые.

— Маменька, да прекратите же вмешиваться! — яростно шипел Элвин, пока ведьма подталкивала его к крадкому дракону, бодая под колени и таща зубами за штаны. — Я не хочу туда! Там же как в духовке! Мы можем затаиться... дождаться подходящего момента и ударить из темноты...

— Кончилось у тебя время для выжидания! — рявкнула ведьма. — Где твоё честолюбие? Сейчас самый момент нанести удар, Элвин. Схватить Судьбу за хвост!

Они остались одни, не считая призрачного контура послушного крадкого дракона, терпеливо ожидавшего приказаний.

— Это не мой метод, маменька! — завывал Элвин. — Вы должны позволить мне действовать по-своему... Я все больше насчет подкрасться, об-

¹ См. книгу шестую, «Как одолеть дракона».

мануть, отравить втихаря. Не люблю я подвергать себя прямой опасности, если не уверен в победе.

— Трус! — зашипела ведьма. — Нытик! Мне нет дела до твоих заскоков. Просто полезай дракону на спину, а то укушу! Не переживай, убивать за тебя буду я, но ты должен быть там, на месте. Давай свой второй огнеупорный костюм и Лезвие Бури.

Элвин надулся, но требуемое отдал. Не переставая дуться, он взобрался на крадкого дракона.

Надо отдать ведьме
должное, для стару-
хи она была очень
храбрая.

Она натянула огнеупорный костюм, стиснула Лезвие Бури, одним прыжком вскочила на крадкого дракона, ударила его костлявыми пятками по бокам, и, подстегиваемый ведьмиными воплями, крадкий дракон взмыл в небо. Отрываясь от земли, он сменил буроватый оттенок поросшего папоротником болота на точную копию пламени и почерневших облаков над ним.

Вы должны позволить мне
действовать по-своему, маменька...

22. ВОТ ПОЧЕМУ ЕГО ЗОВУТ ЭЛВИН ВЕРОЛОМНЫЙ (ДА УЖ, ГОВОРЯЩЕЕ ИМЕЧКО)

И вот пока Иккинг с Ярогневом разговаривали, пока дракон пытался решить, не стоит ли ему и правда отозвать восстание, ни один из них не заметил, что через гавань к ним мчатся ведьма с Элвином.

Почувствовать приближение крадкого дракона невозможно. Именно поэтому они представляют собой такое грозное оружие. Ни звука. Ни вида. Ни запаха.

Пикируя, крадкий дракон способен даже замедлять биение собственного сердца, причем стучит оно так глухо, что даже самые чуткие мелкие драконы не в состоянии его расслышать. Никто точно не знает, как крадким драконам удается добиться этого и не умереть и как они ухитряются настолько тихо махать крыльями, что их вообще не слышно.

Ведьма с Элвином, припавшие к спине крадкого дракона, тоже были невидимы, скрытые его замаскированным спинным гребнем и бесшумно машущими крыльями.

Они видели, как Ярогнев сжал в лапе Камень, и ведьма решила атаковать эту лапу, чтобы Элвин мог выхватить Камень. А она сама тем временем прикончит Иккинга.

— План всем ясен? — рявкнула старуха. — Крадкий, сначала подлетаем к драконьей лапе, чтобы Элвин забрал Камень. А потом я разберусь с мальчишкой...

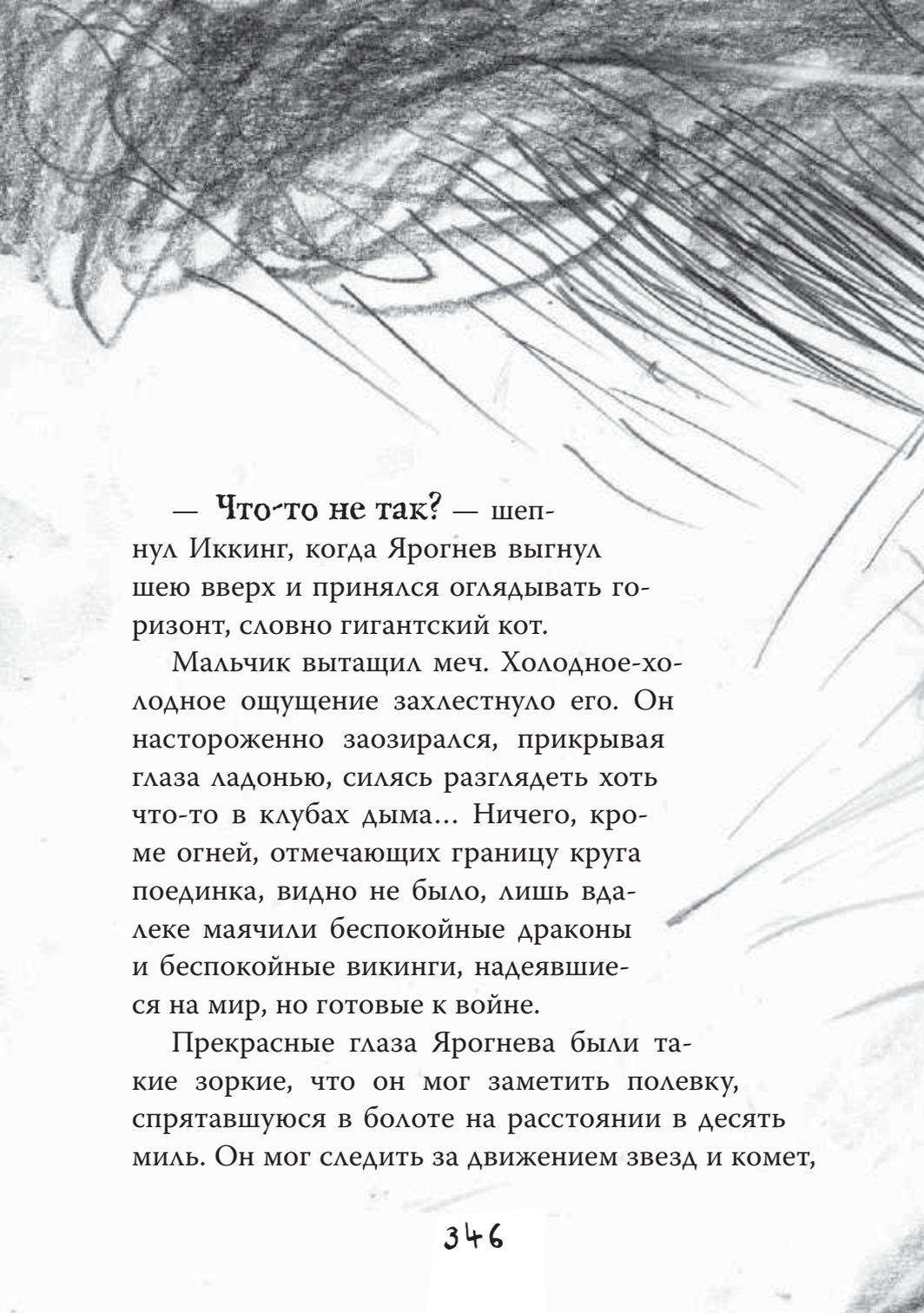
Душегубы умеют натаскивать драконов, и Крадкий повиновался беспрекословно. Элвин был менее покладист и что-то мрачно бормотал себе под нос.

Иккинг с Ярогневом настолько сосредоточились друг на друге, что окружающий мир практически перестал для них существовать.

Далекое гудение Мятежных драконов, песни и боевые кличи людей зазвучали глуше и пропали, мир сузился до беседы между мальчиком и драконом.

Крадкий дракон подлетал все ближе к Рифу, но ни мальчик, ни могучий дракон не подозревали о его приближении.

Против собственной воли, содрогающийся, колеблющийся дракон Ярогнев постепенно позволял себе верить, надеяться на будущее. Но что-то, какое-то глубинное чутье помогло ему заметить надвигающуюся опасность. Уши у Ярогнева встали торчком, он принялся.

— Что-то не так? — шепнул Иккинг, когда Ярогнев выгнул шею вверх и принялся оглядывать горизонт, словно гигантский кот.

Мальчик вытащил меч. Холодное-холодное ощущение захлестнуло его. Он настороженно заозирался, прикрывая глаза ладонью, сияясь разглядеть хоть что-то в клубах дыма... Ничего, кроме огней, отмечающих границу круга поединка, видно не было, лишь вдалеке маячили беспокойные драконы и беспокойные викинги, надеявшиеся на мир, но готовые к войне.

Прекрасные глаза Ярогнева были такие зоркие, что он мог заметить полевку, спрятавшуюся в болоте на расстоянии в десять миль. Он мог следить за движением звезд и комет,

невидимых человеческому глазу. Поговаривали, что он способен видеть сквозь стены и даже сквозь время, хотя, возможно, это были просто слухи.

Но даже Ярогнев не мог увидеть невидимое: он чувствовал опасность, но не понимал, откуда та надвигается.

Глубоко в горле у него зародился грозный рокот — такой звук звери издают перед тем, как напасть. Голова его отчаянно вертелась, высматривая, вынюхивая, выслушивая... и ничего не находя.

— Эге-е, — злорадно хихикала про себя ведьма. — Ау-у-у... Ты не видишь нас, большая глупая огнедышащая рептилия. И не увидишь, пока не станет слишком поздно.

Даже Элвин улыбнулся, постепенно успокаиваясь, — они подлетали все ближе, а Ярогнев их явно не замечал.

Глаза гигантского дракона обшарили всю гавань, но ничего не увидели. Ноздри его трепетали, он впитывал запах горящих деревьев, мокрых викингов, даже слабую, но отчетливую вонь племени Душегубов. Но больше ничего.

Слух у Ярогнева был столь чуткий, что он различал мягкое биение крыльев необычайки, даже когда та пролетала далеко за пределами его досягаемости. Он слышал, как быстро колотится сердце у Иккинга и как еще быстрее трепещут сердца мелких драконов и Ветрогона. Но больше ничего.

Дракон громко всхрипнул и встряхнул крыльями, словно сбрасывая надоедливые тревоги. Бояться нечего. Он повернулся обратно к Иккингу, чтобы продолжить разговор...

И тут же испуганно вскрикнул от удивления.

Элвинов крюк вонзился Ярогневу в лапу, и тот машинально, так же как сделали бы мы с вами, если бы нас укусила оса или пчела, разжал когти и дернул ею от боли.

Камень выпал из лапы Ярогнева. И полетел...

ВНИЗ

ВНИЗ

ВНИЗ...

...а Элвин пришпорил крадкого дракона, и тот нырнул за Камнем.

Иккинг перебежал на другой конец Рифа, едва замечая острые камни под ногами, поскользываясь и съезжая на кучках склизких водорослей. Он все видел, потому что в момент пике крадкий дракон от возбуждения на миг утратил невидимость, и если сам Камень был слишком маленьким, чтобы Иккинг мог его разглядеть, то пикирующего вслед за чем-то крадкого дракона и припавших к его спине ведьму с Элвином он видел прекрасно.

Луна, остроглазая, как все драконы, тоже заметила это с вершины своего утеса и тревожно забила крыльями.

Валгалларама, припавшая к дальнозоркой трубе, растерянно ахнула:

— Что происходит?

«Элвин! — думал Иккинг. — Элвин и ведьма! Эти предатели... эти разбойники... Ярогнев выронил Камень! Они заставили его выронить Камень!»

И тут крадкий дракон снова на миг сделался видимым от возбуждения. Камень был слишком маленьким, не разглядишь, но Иккинг четко засек момент, когда дракон сцапал добычу. Крадкий распахнул пасть, поймал что-то и взмыл вверх. Элвин победно вскинул кулак. Видение длилось всего секунду, и Крадкий снова растаял в воздухе.

Ярогнев тоже все видел и захрапел от страха и гнева.

— НЕ-Е-ЕТ! — в отчаянии закричал Иккинг, падая лицом в водоросли.

Щеке было холодно, коленкам тоже холодно, когда он лежал там ничком, беспомощно увязнув в иле. А потом он поднял глаза к бесстрастным небесам над головой, где до сих пор звенело эхо победных воплей Элвина.

— Не-е-ет... — прошептал Одинклык.

Как может Судьба быть столь жестока!

Камень у Элвина. И он знает, что с ним делать.

В самый последний момент Элвин Вероломный отобрал у них нарождавшуюся надежду и превратил ее в отчаяние.

23. ВСЕОБЩАЯ ВОЙНА

— **МЯТЕЖНЫЕ ДРАКОНЫ!** — разнесся трубный глас Ярогнева. Всякая нерешительность покинула его. Он добела раскалился от гнева и принялся метать во все стороны молнии и пламя, надеясь попасть в невидимого врага. — **ИЗМЕНА! КОВАРНАЯ ИЗМЕНА! ЛЮДИ НАРУШИЛИ ПРАВИЛА ПОЕДИНКА! КО МНЕ!**

С дикими воплями великое и ужасное драконье войско, словно тучи саранчи, снялось с окрестных утесов и полетело в гавань. Из глубин поднялись, рассекая волны хищными плавниками, водяные драконы. Прокладывая путь к месту битвы, они выпускали фонтаны огня.

Соннозмеи, огнефуки, подпальники, рыкозавры, мракозавры и ужасные чудовища, шматозавры и кошмарники, ужастры и духожомы присоединялись к захлестнувшему гавань страшному нашествию.

Рогохвосты бороздили воздух, словно гигантские бронированные носороги. Дрелинги сверлили дым вращающимися бивнями, бритвокрылы метали зазубренные стрелы, вертокруты, свирепторы и мозгоеды расправляли перепончатые кры-

ля и ожившим кошмаром устремлялись в сторону Рифа. С заснеженного севера явились белые ледовые змии с рогами, как у единорогов, саблезубые верховые драконы и левиафорганы швырялись костяными копьями — только ради этого случая они заплыли так далеко на юг.

Хуже всего, что из бездонных океанских глубин поднялись тамошние чудовища.

Акулогады рассекали воду зазубренными плавниками. Хотя они привыкли к теплому Летнему Течению, холодные воды их не пугали.

Темнодыхи, так долго прожившие во тьме, что сердца их остыли, стремились к свету.

Торовы громовники с треском разбрасывали электрические заряды. Они поднимали громадные волны, катившиеся через всю гавань и грозившие затопить Риф.

Громадные многоглазые Одиновы кошмары, почти не уступавшие размерами самому Ярогневу, кромсали небо лучами из глаз и разливали по водам странное черное вещество, которое тут же поджигали, и вскоре вся Мародерская гавань превратилась в море огня.

— Драконы нарушают перемирие! — заорал Стоик Обширный. — Быстро все по драконам!

Викинги поспешили к своим летунам. Они тоже составляли грозное войско, неожиданно многочисленное. Рассыпая стрелы, выкрикивая оскорб-

ления и испуская ледящие кровь боевые кличи, воины ринулись в битву. И множество свирепых драконов перешло на сторону людей за время войны: умные — из верности своим хозяевам, те, что поглупее, — из страха или послушания.

Громмели, болотники и краснотигры, грубыки, стремительные рвачи, чертовы живчики, гады ползучие, обыкновенные садовые и коричные, ненастники, двуглавые обжираторы, покрытые толстенной броней восьминогие боевики, способные нести по десять викингов зараз, послушные быкостражи — все несли своих хозяев-людей в бой или летели рядом, поливая врага огнем.

Стоик верхом на своем Быкарусе и Валгалларама на Серебряном Призраке, Могадон Остолоп и другие племена архипелага, примкнувшие к Драконьей Печати; сторонники Элвина, предводительствуемые в отсутствие самого Элвина Обжорой Душегубом; Негодяи, Истероиды, Шандарахайки, Гостедавы, Драчуны, Берсерки и Страхолюды. Варвара из Варваров на своем Легкокрыле, на голове у которого восседал ее кот.

Дальше шли Странники, Отщепенцы, Нигдешники, не говоря уже о Героях Неимоверном Крутняке и его супруге Яриссе, а также Десяти Женихах.

Люди тоже успели обзавестись смертоносным оружием. Разумеется, у них имелись топоры, копья, стрелы, мечи. Но когда Мятажные драконы

еженощно осаждали Элвина с его войском в великой крепости Янтарных Рабовладений, людям пришлось изобрести новое и страшное оружие, чтобы обороняться.

Гигантские катапульты швыряли целые скалы с утесов острова Магманьяков в наступающую армию Драконьего восстания. Странные тяжелые шары взрывались от удара и наносили страшные раны. Даже могучие свирепторы и мозгоеды при попадании такого ядра с визгом падали вниз. Вот она, разрушительная сила человеческого хитроумия, обращенного к изобретениям.

— **Я ВИДЕЛ БУДУЩЕЕ!** — ревел Ярогнев. — **ЕСЛИ БЫ МЫ НЕ УНИЧТОЖИЛИ ЛЮДЕЙ, БЫЛО БЫ СЛИШКОМ ПОЗДНО! И СМОТРИТЕ, УЖЕ СЛИШКОМ ПОЗДНО!**

— Нет! — крикнул Иккинг. — Последняя Битва... Окончательное противостояние... Мне это снилось в подземном убежище... Именно этого я так надеялся избежать.

Он пополз вперед, отчаянно пытаясь подняться на ноги. Беззубик цеплялся за него, крепко обняв крылышками, в точности как он любил спать в прошлой жизни, в их кроватке на Олухе. Иккинг чувствовал родное вертявое тепло и надеялся, что не в последний раз.

«Пожалуйста, — умолял он неизвестно кого. — Пожалуйста, не допусти, чтобы драконам пришел

конец... Мне не нужен мир без Беззубика... Мне не нужен мир, где я буду бескрылым, где буду пресмыкаться в грязи, как сейчас, не в силах коснуться звезд верхом на Ветрогоне...»

Небеса словно осознали значительность момента. Собрались грозовые тучи, и трудно было различить, кто мечет молнии — штормовое небо, Ярогнев, Одиновы кошмары или Торovy громовники.

— Дай-дай-дай-дай! — хихикал Элвин.

От возбуждения позабыв о собственной безопасности, он извивался, вцепившись в шею крадкому дракону, и злорадно протягивал руку.

Крадкий дракон, очень гордый собой, повернул голову и отдал Элвину Драконий Камень.

— Камень... — вздохнул довольный Элвин. — Наконец-то у меня в руках настоящий Драконий Камень! — Лицо его под маской расплылось в медленной и крайне гнусной улыбке. — И теперь мне известна его тайна. Всего-то надо разбить его, и драконы исчезнут навеки!

— Молодец, мой сладкий! — проворковала ведьма. — Я ж говорила, у нас получится.

И тут...

— Оп-па...

Она заметила, что надвигающаяся драконья армия почти настигла их. Если в Крадкого случайно угодит молния или огненный шар, он может от боли сделаться видимым.

HE-E-E-

E-E-ET!!!

— Быстро! — скомандовала ведьма. — Надо разбить Камень!

Элвин треснул Камнем по спинному гребню Крадкого. Ничего не вышло, гребень был недостаточно твердый, чтоб о него что-нибудь разбить. Элвин стукнул сильнее. Опять ничего.

— Бейся же! Бейся! Бейся! Дурацкая штука! — шипел Элвин, молотя изо всех сил, но от Камня упрямо не откалывалось даже крупинки.

— Разбей его, Элвин, разбей! — скрежетала ведьма, кусая сына за плечо. — Чего ты медлишь?

— Его труднее разбить, чем кажется, старая жаба! — в бешенстве рявкнул Элвин.

Он крепко зажал Камень в одной руке и попытался раздробить его крюком, но крадкий дракон сделал неожиданный финт, рука дернулась, Элвин промахнулся и всадил крюк в собственную ладонь. Ну и взвыл от боли, конечно.

Разбить Камень, сидя верхом на крадком драконе, несущемся с изрядной скоростью и уворачивающемся от беспорядочных молний, — не так легко, как может показаться.

Если вы когда-нибудь пытались открыть устрицу голыми руками, сидя в дамском седле на галопирующей лошади, за которой гонятся волки, то имеете некоторое представление о том, что я хочу сказать.

— Проклятье! Что мне нужно, так это щелкунчик! — прорычал Элвин.

Но в его арсенале щелкунчика, разумеется, не нашлось, так что проклятия повисли в воздухе.

Элвин сунул Камень в рот и попытался раскусить, но только зуб сломал.

— Троль его заberi, — выругался Элвин. — Курам на смех.

Время было на исходе. Надо как-то расколоть этот гадский Камень, причем быстро. Хорошо бы поместить его между двумя твердыми предметами, а ничего, кроме земли и собственного сапога, Элвину в голову не приходило. Это подойдет. Он всю жизнь так ракушки дробил.

— Крадкий! Я хочу, чтобы ты сел на каменистый конец Рифа, как можно дальше от Иккинга! — приказал Элвин.

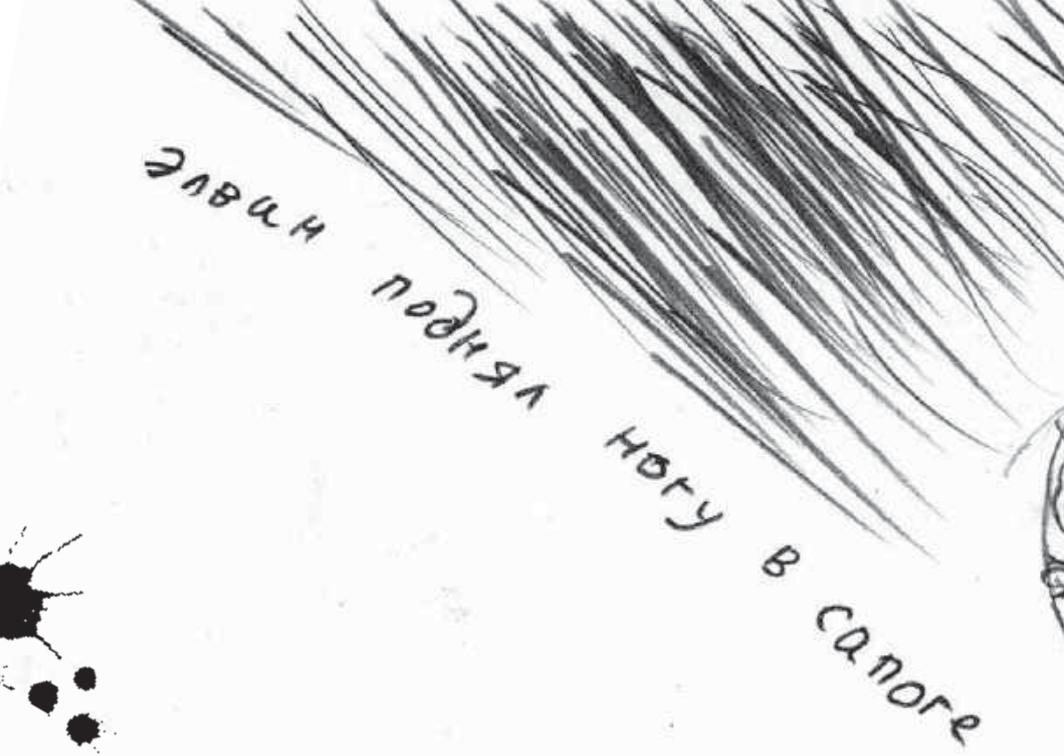
Красивый дракон послушно и изящно приземлился на Риф. Элвин спрыгнул на камни, а ведьма по-прежнему пряталась между спинными шипами, сжимая в руке Лезвие Бури.

Пляшущими от возбуждения пальцами Элвин положил Драконий Камень на плоский валун. Поднял ногу в сапоге...

Иккинг увидел его.

Увидел зловещий силуэт на фоне пламенеющего моря.

Но Иккинг был слишком далеко, чтобы перехватить и остановить злодея. Как бы он ни торопился, оскальзываясь на водорослях, ему не успеть.

Элвин поднял ногу в сапоге

— Ярогнев! — безнадежно позвал он.

Ярогнев мог бы успеть.

Но голос у Иккинга был слишком слабый и тонкий, а человеческое и драконье войска уже сшиблись в ужасной битве в воздухе над Рифом.

Ярогнева далеко вверху атаковали люди, и, хотя он отчаянно обшаривал взглядом пространство сквозь дым и молнии в поисках крадкого дракона и Камня, слабый голос Иккинга он слышать не мог.

— **КОВАРСТВО И ИЗМЕНА!** — храпел Ярогнев. — **КОВАРСТВО И ИЗМЕНА!**

Элвин резко топнул.

и резко топнул...

24. МЫ УЖЕ ГОВОРИЛИ, ЧТО ПРОШЛОЕ РАНО ИЛИ ПОЗДНО НАСТИГНЕТ ЛЮБОГО?

Но каблук Элвина не успел коснуться Камня — резкий удар сбоку сшиб злодея наземь, словно на него самого наступил сапог Судьбы.

Иккинг заморгал, не веря своим глазам.

Но они его не обманывали. Вот только что Элвин опускал сапог на Камень, а в следующий миг пролетел по воздуху и рухнул на камни шагах в двадцати оттуда и, придавленный невидимой силой, смог только сердито охнуть.

Иккинг, разинув рот, наблюдал, как воздух над Элвином сгустился и приобрел форму Смертеня, пригвоздившего Элвина к камням двумя передними лапами. На спине у дракона восседали Камикадза и Рыбьенот. Камикадза вскинула руки в Бой-бабьем победном салюте.

Еще на утесах Завтра острые Бой-бабьи глаза Камикадзы заметили, как ведьма с Элвином улизнула верхом на крадком драконе. Они с Рыбьенотом последовали за злодеями верхом на Смертене.

Один невидимый дракон преследовал другого.

И прошлое наконец настигло Элвина Вероломного, ибо прошлое рано или поздно настигает всех.

Восседавший на Смертене Рыбьепог хотел получить ответы на некоторые вопросы.

— Камень... наверное с Камнем все в порядке... не думаю, что Элвин успел наступить на него... — хватал воздух ртом Иккинг. — Ох, хвала Тору и Одину и толстым пушистым косам самой Фрейи!

Он изо всех сил обнял Беззубика — милого вертлявого Беззубика, по-прежнему живехонького и тут же облизавшего ему все лицо раздвоенным язычком.

Как ни старался Иккинг, быстрее пробираться по скользким, склизким, поросшим водорослями камням не получалось. Над ним бушевал хаос, Последняя Битва вопила и грохотала, когти против щитов, стрелы против драконьей брони.

— **Беззубик, быстро хватай Камень, пока до него никто другой не добрался,** — выдохнул Иккинг.

Беззубик возбужденно пискнул и метнулся на поиски Камня, валявшегося на поверхности Рифа и страшно уязвимого.

Камикадза спрыгнула со спины Смертеня и тоже принялась искать Камень. А Рыбьепог тем временем слез, чтобы допросить ругающегося, извивающегося Элвина.

От волнения в Рыбьеноте
всегда просыпается берсерк.

Рыбьенот страшно разволновался, а когда он волновался, в нем всегда просыпался берсерк. От возбуждения он пошел красными пятнами, а из-за этого разволновался еще больше.

— Пятнадцать лет я искал родных, — начал Рыбьенот, глядя сверху вниз на Элвина, корчившегося в железных тисках когтей Смертеня. — Пятнадцать лет поисков, пятнадцать лет догадок, и, должен сказать, как ни мечтал я об отце, но и за тысячу лет не мог бы представить, что это окажешься ты...

— Я все отрицаю! — плюнул Элвин Вероломный. — ОТПУСТИ МЕНЯ! Мне надо разбить Камень!

— В смысле, ты мне ни капельки не нравишься, — продолжал Рыбьенег. — Как у меня может быть отец, который мне ни капельки не нравится?

— Легко! Я свою маменьку много лет ненавижу, — бесновался Элвин. — И, кстати о матерях, в одном она была права: для личных заскоков сейчас не время. У меня тут дело, поэтому будь добр, вели своему уродливому трехголовому ящеру убрать когти от моей шеи, от его вонючего дыхания меня тошнит...

— А как тебя стошнит, если мы уберем тебе голову? — проворковал Гордость.

Элвин немного понимал по-драконьи и при этих словах побледнел.

— Должно же в тебе быть хоть что-то хорошее, — с надеждой произнес Рыбьенег. — Стихи любишь?

— Ненавижу стихи, — выдавил Элвин. — Ненавижу поэтов. Ненавижу мальчишек-с-лицом-как-селедка-на-которую-кто-то-наступил. Родись у меня сын-недомерок, я бы первый засунул его в старый садок для омаров и выбросил в море. У нас в племени Отщепенцев есть поговорка: «Всех убогих в прах, мы внушаем страх». Только так и следует поступать с недомерками.

Бедный Рыбьенег побелел, словно Элвин его ударил.

— Да, у нас в племени Хулиганов тоже есть похожая присказка: «С нами сила, прочих — в море...» — убитым тоном сказал он. — Но как же мама? Ее-то ты почему бросил?

— Ох уж эти девицы, — прорычал Элвин. — Я всегда был хорош собой, и язык у Вероломных подвешен как надо. Я, что ли, виноват, что какая-то викингская дура напридумывала себе невесть чего и решила, что сможет меня поймать какими-то жалкими «я-так-тебя-люблю»? Меня, с моим-то блестящим будущим?

— Но ты ведь женился на ней! — воскликнул Рыбьеног.

— Я скрестил пальцы, — парировал Элвин. — Так что не считается.

Теперь берсерк окончательно завладел Рыбьеногом. Он весь дрожал от бешенства, в глазах загорелся красный огонек. При этом из глаз текли слезы, а из носа сопли.

— ОТПУСТИ ЕГО, ТЕНЬ! — крикнул он.

— **Уверен?** — переспросил Невинность, страшно разочарованный.

— ЭЛВИН ВЕРОЛОМНЫЙ, ТЫ ЛЖИВЫЙ ЖЕЛТОПУЗЫЙ МОЛЛЮСК! — взревел Рыбьеног, очень вежливо для одержимого яростью берсерка, и одним движением выхватил меч. — Я ВЫЗЫВАЮ ТЕБЯ НА ПОЕДИНОК, ЗА ТО, ЧТО ТЫ

БРОСИЛ МОЮ МАТЬ И ОСТАВИЛ ЕЕ УМИРАТЬ
ОТ РАЗБИТОГО СЕРДЦА!

Смерть неохотно освободил Элвина, а тот
вскочил на ноги, отряхивая рукава, словно прикос-
новение Смерть их осквернило.

— Я истинный Король Дикозапада, — глумливо
ответствовал он, — и не вступаю в поединки с не-
домерками. Однако вот что я скажу тебе, недоме-

Король Дикозапада не вступает
в поединки с НЕДОМЕРКАМИ.

рок. Устроим небольшую проверку, правда ли ты Вероломный.

Он широко раскинул руки.

— Убей меня, — предложил он негромко. — Один выпад, и я не стану бить в ответ, недомерок. Видишь, я даже не потрудился вытащить меч. Убей меня...

Ярость берсерка струилась по жилам Рыбьенога, горячая и чистая, как яд. Но как бы Рыбьеног ни бесился, на такое он оказался не способен. Припадок прошел, и мальчик печально обмяк.

Элвин нагнулся и ткнулся железной маской Рыбьеногу в лицо.

— Видишь, — промурлыкал он. — Вероломный бы смог. Ты не Вероломный, ты Безымянное недо-
разумение.

Он повернулся к Рыбьеногу спиной, презрительно взмахнув плащом, и размашистым шагом отправился искать Камень.

Рыбьеног медленно поднял поникшую голову.
И крикнул в удаляющуюся спину отца:

— Ты прав! Я не Вероломный! И это не ТЫ отказываешься от меня, Элвин Вероломный! Это Я от тебя отказываюсь! Я вычеркиваю тебя из отцов!

Я — Рыбенот Безымянный,
основатель своего племени!

Я ИЗГОНЯЮ тебя! Засовываю в большой воображаемый садок для омаров ПРЯМО СЕЙЧАС и спускаю в море! Ибо я — Рыбьенег Безымянный, основатель своего племени! — В подтверждение сказанного он вскинул кулак к бурным небесам. — И девиз Безымянного племени: «Не падай духом, рады ВСЕМ!»

Внезапно он заметил недостаток девиза и торопливо добавил:

— ...рады всем, кроме ТЕБЯ, Элвин Вероломный! Ты из моего племени ИЗГНАН!

Камикадза никак не могла отыскать Камень. Она обегала все валуны, отчаянно высматривая его, бормоча про себя, поскольку особым терпением Бой-бабы не отличаются:

— Где он, тролль его побори? Не уверена, что вообще узнала бы эту гадскую штуку, даже если б увидела...

К ней присоединился Беззубик, но у него терпения было еще меньше, чем у Камикадзы, поэтому он аж плакал от досады:

— Б'бе-беззубик ненавидит всякие дурацкие Камни, которые ну нич'чем не отличаются от остальных камней на этом дурацком-предурацком Рифе-фе...

Элвин кинулся туда же, торопясь посоревноваться с ними в поисках, и через плечо бросил Рыбьенегу:

— Вероломный ударил бы меня мечом в спину прямо сейчас. Кто бы ты ни был, ты не настоящий мой сын!

Рыбьенег, застыв на месте, смотрел, как Элвин уходит.

— Кого я пытаюсь обмануть? — прошептал он. — Никогда у меня не получалось орать и ругаться, бить и рубить по-викингски. Я люблю играть на лире. Тор всемогущий, даже в ярости берсерка я не могу никого убить.

— Это потому, что ты в маму пошел, — прошептал Невинность, в утешение тычась носом Рыбьенегу в щеку.

— Ты прямо точь-в-точь как она, — добавил Терпение, — еще и поэтому мы так тебя любим.

— Она-то стихи любила, — просто сказал Гордость. — Всегда пела и смеялась, и так гордилась тобой, Рыбьенег, точно как мы.

Рыбьенег не понимал, что они говорят, но обнял Смертеня и уткнулся лицом Гордости в шею.

— Теперь вы моя семья, — прошептал он.

— Мы. Мы. Мы, — прошипели Невинность, Гордость и Терпение в один голос. — Мы твои навссссегда...

И тут сверху обрушился душераздирающий скрежет и вопль. Звук был столь невыносимо кошмарен, что волосы на голове не просто вставали

дыбом, а норовили вылезти. Этот вой пронзал душу ужасом до самого донышка.

На миг Элвин застыл, а потом взвизгнул от страха, увидев, что несется к нему с небес.

Драконы-Стражи Завтра пришли за Элвином...

Это они издавали невыносимый шум, ныряя из поднебесья в огненный хаос и взмывая обратно. Воюющие туннели ветра превратились в пылающие снаряды. Все происходило так молниеносно, что глаз улавливал лишь само движение.

Они томно взирали на происходящее со своих заоблачных насестов, следя за соблюдением правил поединка.

Они видели, как Элвин с ведьмой тайком проникли в круг поединка, видели, как те ударили Ярогнева, видели, как Элвин украл Камень.

— Он попрад правила поединка! — вскричали Драконы-Стражи, ныряя вниз с невообразимой скоростью. **— Придите же, Силы Рока, придите, Драконы-Валькирии, придите, славные котятки Судьбы! Мы знаем, какая судьба ждет преступивших железные законы архипелага, ибо мы и ЕСТЬ эта судьба... Взять его!!!!!!**

Драконы-Стражи Завтра неслись так стремительно, что, когда они подцепили Элвина за его же крюк и подбросили в воздух, показалось, что его унесло смерчем. Они ударились о Риф разорвав-

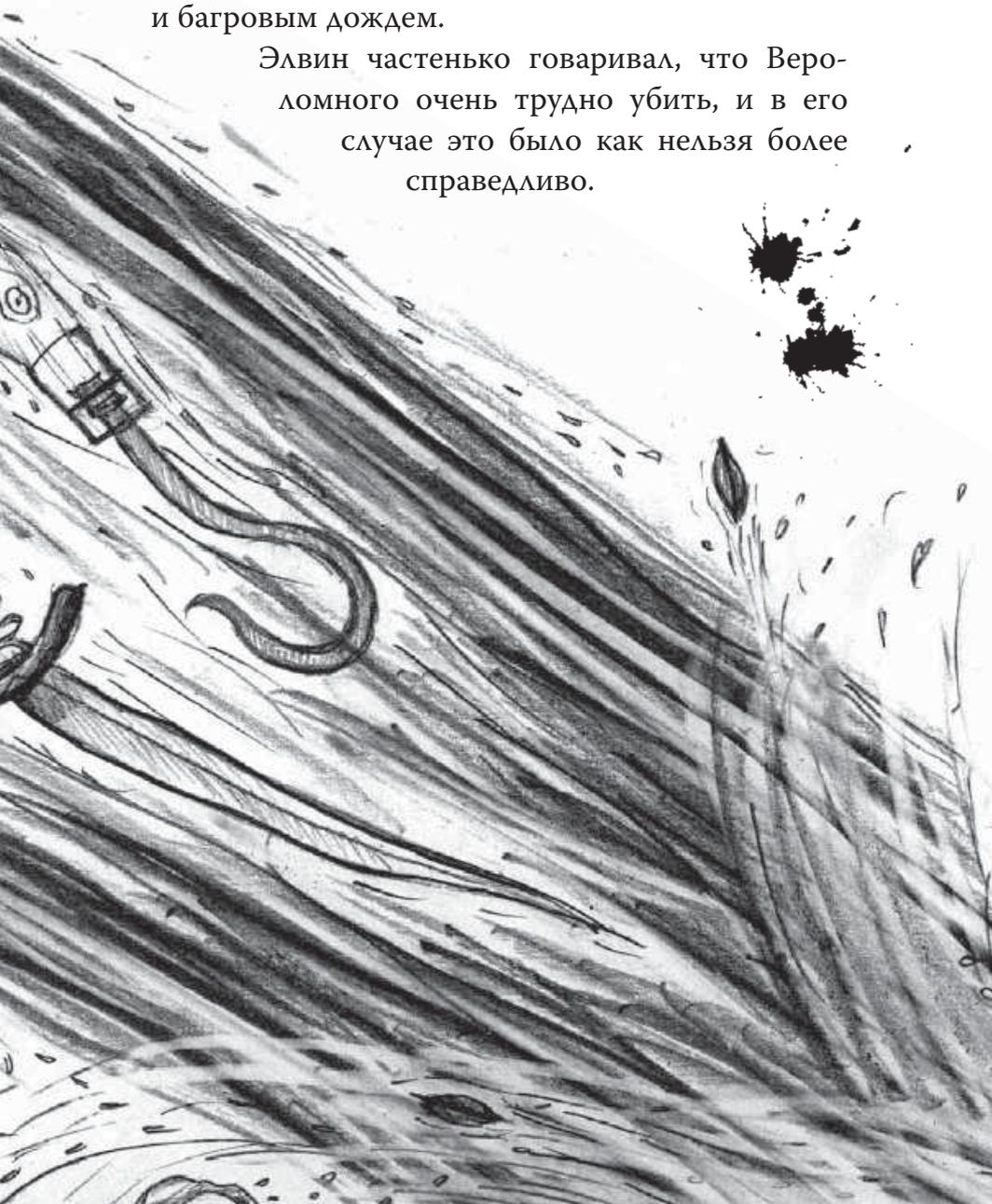

шейся бом-
бой, отскочили
и, подхватив ору-
щего от страха Элвина,
понесли его выше, выше...

Драконы-Стражи Завтра
стиснули Элвина железной хват-
кой и повлекли хрупкую человеческую
плоть все вверх и вверх, в огонь и лед

верхних слоев атмосферы, чтобы он больше никогда не смог вернуться на землю иначе как прахом и багровым дождем.

Элвин частенько говаривал, что Вероломного очень трудно убить, и в его случае это было как нельзя более справедливо.

Он уцелел в капкане Чернобородова гроба (потеряв руку), в утробе Зверского Удушителя (лишившись волос), в гуще голодных акулогадов (пожертвовав глазом и ногой), в желудке Огненного Дракона, нырнувшего в вулкан (это стоило ему носа), в аду лесного пожара на Берсерке (там он нашел свою маменьку и испортил кожу) .

Но уж на этот-то раз даже ЭЛВИНУ не выжить.

Во всех своих несчастьях Элвин винил Иккинга. И последние слова Элвина, когда его уносили в лед и пламя воздушного забвения, были:

— Это все ты виноват, Иккинг Кровожадный Карасик Тре-е-ети-ий!

А потом его не стало.

— Конец ему... — протянула Камикадза, таращась с открытым ртом вверх. — Поверить не могу... Взаправду конец... Очень-очень надеюсь, что на этот раз ему действительно конец. Тут даже Элвину не выкрутиться. Да, должна сказать, красивый способ умереть ему достался. Более зрелищный уход трудно представить...

Рыбьенугу казалось, что его ударило тем же смерчем, что унес Элвина. Трудновато было переварить столько всего сразу. Пятнадцать лет (и двенадцать книг) он пытался разыскать отца, а когда наконец нашел, оказалось, что это самый злой и гнусный человек во всем архипелаге.

Рискованная штука — дела Геройские. Порой поиски приводят к разочарованию или, что еще хуже, к неприятным сюрпризам.

О камни Рифа с лязгом ударился один из запасных крюков Элвина. Рядом упала глазная повязка. Видимо, он обронил их, когда его унесли Драконы-Стражи.

Повязка спланировала сверху зловещей черной бабочкой, покружив на ветру и опустившись на землю в паре шагов от Рыбьенога. Рыбьеног подобрал ее и засунул в карман безрукавки. Чтобы подумать об этом потом.

И тут Беззубик заметил, что в каменистой лужице поблескивает Драконий Камень. Дракончик с радостным писком поскакал к нему.

— Б'бе-беззубик нашел! Б'бе-беззубик мо-мо-молодец! Б'бе-беззубик великолеп-пен! Б'бе-беззубик самый лучший Находитель Сокровищ в мире! — радостно вопил он на бегу.

Но малыш не успел дотянуться до Драконьего Камня. Ярогнев, отчаянно сражавшийся с людьми в воздухе над ним, разглядел сквозь дым, пламя и мешанину орущих в битве драконов и людей, что происходит внизу на Рифе. Его превосходные глаза, способные заметить рыбу на дне океана с вершины горы, поймали мгновенный блик янтаря, угнездившегося в крохотной лужице между камнями.

Лапа Ярогнева накрыла Камень...

ХВАТЬ!

...как раз под носом у Беззубика, окатив дракончика целым ливнем соленой воды.

— **Эй, смотри, ч'что ты наделал, на-на-нахал здоровый!** — оскорбился Беззубик, когда гигантская лапа Ярогнева с зажатым в ней Камнем пошла вверх.

25. КАК Я МОГУ ТЕБЕ ВЕРИТЬ?

Ярогнев поймал Камень.

Элвин умер. Дракониий Камень в безопасности, целый и невредимый в лапах Ярогнева.

Но вдруг уже поздно? Что, если Элвин с ведьмой уже все испортили? Отняли мечту о новом Королевстве Дикозапада, когда та еще толком и родиться не успела?

По всей гавани люди и драконы дрались в Последней Битве, как и было предсказано Судьбой. Горький, пропахший горелой плотью воздух звенел от жуткого лязга клыков по металлу и воплей ящеров и людей.

Неужели всё, за что сражался Иккинг, все его двенадцать Геройских Подвигов, отобрали у него в последнюю минуту?

— **Прекрати!** — беспомощно кричал Иккинг ввысь Ярогневу. — **Останови их! Элвин мертв! ДРАКОНИЙ КАМЕНЬ У ТЕБЯ! Все это больше не нужно!**

Но Ярогнев запрокинул голову к небесам и взревел от боли и ярости.

Он обратил пылающий взгляд на Иккинга.

— **Не нужно? НЕ НУЖНО?**

Дракон добела раскалился от бешенства, раздираемый противоречивыми чувствами. Ярость сжигала его так, что занялась огнем шкура. Он опустил голову к Иккингу, разинул пасть и зарычал на него с такой жаркой мощью, что Иккинга едва не сдуло.

— Почему я колебался? Почему я поверил тебе, пусть и на миг? Почему я не смог убить тебя? Видишь, каковы люди? Видишь, насколько пусты твои клятвы, пока есть такие, кто только и ждет, чтобы отравить все твои обещания до единого?

КАК Я МОГУ ТЕБЕ ВЕРИТЬ? КАК Я МОГУ ДОГОВАРИВАТЬСЯ, КОГДА ЛЮДИ НЕ В СОСТОЯНИИ ИЗМЕНИТЬСЯ?

Иккинг прятался в ямках и трещинках Мародерского Рифа, а дракон, обезумев от разочарования, крушил скалы вокруг него.

— **ПОСМОТРИ, ЧТО МЫ СДЕЛАЛИ С НАШИМ МИРОМ!** — закричал мальчик, указывая распахнутыми руками на обугленную пустыню вокруг. — **ВЗГЛЯНИ НА НАШИХ ДРУЗЕЙ, ТОВАРИЩЕЙ, ГИБНУЩИХ ТАМ, НАВЕРХУ, В БОЮ!**

Но Ярогнев не слушал, продолжая разносить Риф так же быстро, как Иккинг удирал от него, словно мальчишка был мышью, перебегающей от одной норки к другой, а дракон — мстительным котом.

Наконец он сцапал Иккинга и поднес к своей гигантской голове.

— Ты колебался не без причины, Ярогнев! — крикнул мальчик, безуспешно пытаясь вырваться из драконьей хватки, пока тот поднимал его.

— Назови мне эту причину, —дохнул жаром Ярогнев. — Видишь, что со мной случилось? Видишь, какую награду я получил за свои колебания и проклятие моей любви? Мои драконы бьются в Последней Битве, и теперь мне, как никогда, важно, чтобы они сражались со всей Яростью, какую способны вложить в зуб и коготь. Они не должны колебаться, как колебался я, дожидаясь, пока люди собьют их. Назови мне хоть одну причину, почему я должен теперь отозвать восстание!

Слезы у Иккинга текли ручьем.

— Дай мне сказать... — Это был последний шанс, и он это знал. — Просто останови Ала-Ярость на одну минуту, — умолял он, — останови войну и дай мне сказать...

Дракон протяжно и негромко зашипел:

— Разговоры ничего не меняют, Иккинг. Словами ни людей, ни драконов не переделать. Неужто этот Элвин ничему тебя не научил?

— Нет, меняют, — возразил Иккинг. — Слова меняют всё. Дай объясню, — взмолился он. — Дай мне минуту, всего минуту на объ-

яснение... Заклинаю тебя памятью Иккинга Второго.

Каждый раз, когда Иккинг произносил это имя, дракона пронизывала дрожь. Он поливал молниями, плевался во все стороны смертельным огнем, исходил паром от ярости, словно готовый спалить весь мир... но не мог заставить себя убить Иккинга.

Он был побежден и понимал это.

— Собственное прежнее «я» предает меня, — выдавил он наконец. — Сломал ты меня. Я больше не могу убить тебя сам, сердце не позволит, но это не значит, что я велю драконам окончить бой. Я останавливаю их на время, но больше ничего не обещаю. Даже после твоей речи я могу велеть им продолжать. Ведь что нам терять? Мы, драконы, все равно проиграли, но лучше заберем с собой столько людей, сколько сумеем...

«Ох, спасибо, Тор, спасибо...»

— Понимаю, Ярогнев. Дай мне одну минуту, а потом поступиай как знаешь.

Ярогнев поставил Иккинга обратно на камни, а затем запрокинул голову и выпустил в небо ужащающий огненный фонтан.

— **СТОЙ!** — грянул Король драконов. — **СТОЙ** и слушай вождя!

По всей Мародерской гавани свирепторы, мозгоеды, Торовы громовники — вся могучая армия

неохотно повиновалась предводителю и остановилась.

— **Слушай меня, своего Короля!** — прогремел Ярогнев. — **Иккинг Третий, Король людей, хочет кое-что сказать.**

Рычащая, дерущаяся масса Мятежных драконов нехотя закрыла огненные железы, убрала клыки и когти и зависла в воздухе, сердито гудя, готовая в любую секунду продолжить бой.

— Почему мы перестали сражаться? — удивился Коварняк Гостедав. — Эти драконы перебьют нас всех, только дай.

Люди тоже останавливались и убирали до поры мечи, не переставая тревожно озираться. Иккинг постарался унять бешено колотящееся сердце.

Сейчас он не имел права сбиться.

— **Буримуха,** — шепнул он парящему рядом нравному дракону Камикадзы, — **я буду говорить по-драконьи. Не могла бы ты переводить мои слова людям?**

Буримуха, как все нравные драконы, свободно говорила как по-драконьи, так и по-викингски.

Теперь у Иккинга появился шанс. Шанс высказаться и заставить Ярогнева передумать. Он откашлялся.

— **Взгляните, что мы сотворили с миром вокруг нас,** — начал он.

Драконы и люди обвели взглядом дымящийся, почерневший пейзаж.

— Эта война, это опустошение, эта жестокость — всё зря, — продолжал Иккинг. — Даже если вы сейчас убьете меня, даже если вы выиграете Последнюю Битву против моих друзей и соплеменников викингов, все равно потеряете множество своих товарищей-драконов. И на этом ничего не кончится.

К югу от нас лежит Римская Империя с ее тяжеловооруженной и безжалостной армией. Они вполне способны одолеть вас, Ярогнев. Ты и так уже опоздал, ведь римляне обладают поистине страшным оружием. И даже если ты уничтожишь римлян, останутся еще люди... и еще, и еще...

И, убив столько народу, ты вынужден будешь продолжать и продолжать, бредя по колено, потом по пояс в крови. Потому что до тех пор, пока жив хоть один человек, он будет сражаться с тобой во имя своих погибших братьев и сестер.

У Иккинга взмокли ладони. Он попытался вытереть их об огнеупорный костюм, но только испачкал в иле.

— Вот что такое Всеобщая Война, Ярогнев, — продолжал он. — Ты и твои драконы — не чудовища, что бы вы там из себя ни строили. Вы устанете от разрушений. Подумайте об этом. Только представьте. Больше ничего

не жечь. Никакого больше запаха пылающих деревень. Никаких саднящих ран и слез любимых.

Никакой войны.

Мятежные драконы смогут вернуться домой и весело и свободно резвиться в девственных снежных водах севера. Вы сможете взмывать все выше и выше в холодный чистый воздух, беспечные и радостные, как птицы. Вы сможете отправиться домой.

— Домой... — вздохнул Ярогнев.

Домой.

Ярогнев знал, что, как и он сам, Мятежные драконы давно подрастеряли злость и мстительность и теперь с трудом заставляли себя яриться, а это очень-очень утомительно.

Шкуры их саднило от тысяч ссадин и укулов, ведь пусть человеческие мечи и копья так жалки, но, при всей их малости, соленая морская вода разъедала ранки так, словно драконов заживо обгладывал злобный гнус.

Они мечтали об отдыхе, о возможности закрыть глаза без того, чтобы постоянно оставаться начеку на случай опасности. Просто провалиться в глубокий-глубокий сон. Они устали от вони обугленной земли.

Мятежные драконы устали от войны.

И в глубине души Ярогнев понимал, что мальчишка прав.

Даже если дракон продолжит войну, всегда остается вероятность поражения, как бы могучи ни были и он сам, и его драконы. До этой самой минуты он даже перед самим собой не хотел признавать, что вся эта кровь, все это насилие и беды могут закончиться поражением.

— **Всеобщая Война** — не ответ, Ярогнев, — тихо произнес Иккинг. — **Кровь притягивает еще большую кровь. Камень у тебя.**

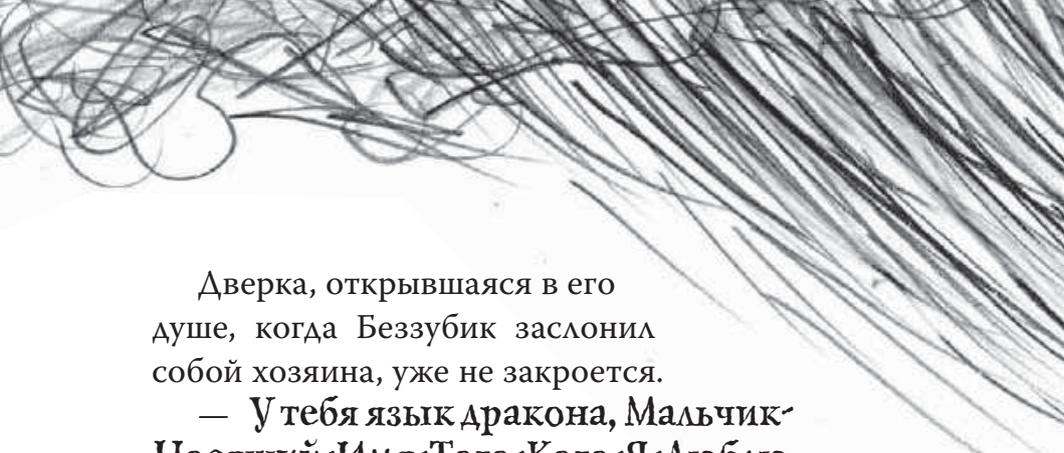
Неуверенный, Ярогнев сжал Камень плотнее, чтобы успокоиться.

— **Смотри!** — Иккинг ткнул себя пальцем в лоб. — **Это Печать Дракона, символ братства между людьми и драконами. Я поклянусь этой Печатью, что ни один дракон в Дикозападе, Королем которого я стал, больше не будет рабом...**

Дракон вздрогнул, ибо, разумеется, Печать вновь напомнила ему об Иккинге Втором.

— **И что я всю жизнь буду сражаться за то, чтобы построить новый и лучший мир, — закончил Иккинг.**

Последовала долгая-долгая пауза. Ярогнев спокойно всхрапывал, швырял в небо молнии, взбивал в пену набегающие в Мародерскую гавань волны и бешено мотал головой из стороны в сторону. Дракон воевал с самим собой и уже знал, что проиграл. Он заглядывал в прошлое, настоящее и будущее. И наконец вздохнул.

Дверка, открывшаяся в его душе, когда Беззубик заслонил собой хозяина, уже не закроется.

— У тебя язык дракона, Мальчик-Носящий-Имя-Того-Кого-Я-Люблю, — выдохнул дракон. — Ты опутал меня своими словами. Я дам людям еще один шанс. Брошу кости еще раз. Я дам тебе шанс построить этот твой новый мир, хотя и боюсь, что он обречен.

Пока он говорил, остатки ярости потухли в нем. Пламя в глазах ушло, оставив тлеющие угли.

Ярогнев улыбнулся. Это была горькая, усталая, но все-таки улыбка. Он не улыбался уже очень-очень давно, так что ему потребовалось изрядное усилие, чтобы вспомнить, как это делается. Но наконец покрытая шрамами жесткая шкура драконьей пасти изогнулась по углам в гримасе, чуть-чуть напоминающей улыбку.

— Я знал! — пискнул Одиноклык в горячем возбуждении. — Я знал!

— **БРАТЯ ДРАКОНЫ!** — взревел Ярогнев. — **СЛУШАЙ МЕНЯ! Я ОТЗЫВАЮ ВОССТАНИЕ! КАМЕНЬ У МЕНЯ, И Я ЗАКЛЮЧУ УГОВОР С КОРОЛЕМ ЛЮДЕЙ!**

И я построю мир,
достойный обоих

наших племен,
не таких, каковы
они сейчас, но

таких,
какими они

МОГУТ

СТАТЬ!

И вот в день Светопреставления на Мародерском Рифе Иккинг, Король Дикозапада, и Ярогнев, Король драконов, принесли друг другу обеты.

— **Клянусь**, — торжественно произнес Иккинг, кланяясь дракону, — **клянусь этой Печатью у меня на лбу, что всю жизнь буду стремиться построить новый мир, лучший мир, мир, достойный обоих наших племен. Не таких, каковы они сейчас, но таких, какими они могут стать. Даю тебе в том мое слово, слово Короля Королю.**

Дракон склонил перед Иккингом древнюю, покрытую боевыми шрамами голову. Он старался говорить как можно громче, чтобы его услышали все.

— **Клянусь отозвать восстание и Алая Ярость. Я приложу клык и коготь, чтобы мои братья-драконы и люди жили в мире. Даю тебе в том мое слово, слово Короля Королю.**

Ярогнев протянул к Иккингу коготь и мягко обратился к Беззубику:

— **Подвинься, маленький беззубый моредраконус. Ты герой, потому что спас сегодня своего брата-человека, и ему больше нечего бояться меня.**

Беззубик тревожно вскрикнул, когда коготь Ярогнева осторожно разрезал огнеупорный костюм и провел над сердцем Иккинга тонкую царапину, только чтобы кровь пошла. А затем Ярогнев прило-

жил тот же коготь к собственной груди и тоже рассек кожу, чтобы смешать человеческую и драконью кровь на конце своего когтя.

— Теперь мы с тобой побратимы, Иккинг Третий, — произнес дракон. — Как некогда были мы с Иккингом Вторым. **А КЛЯТВА НЕРУШИМА, ЕСЛИ ДАНА НА КРОВИ.**

Дракон испустил глубокий-глубокий вздох, и неясно было, от отчаяния, облегчения или страха.

— Именно любовь когда-то обрекла меня на страдания, — сказал он Одинклыку. — Надеюсь, твой парнишка ее достоин.

— Любовь всегда того стоит, — отозвался Одинклык.

— **ДРАКОНЬЕ ВОССТАНИЕ ОКОНЧЕНО!** — проревел Ярогнев во всю свою мощь. — **ГОТОВЬТЕСЬ К МИРУ!**

— **ДРАКОНЬЕ ВОССТАНИЕ ОКОНЧЕНО!** — Иккинг победно вскинул кулак.

Теперь, когда торжественный момент прошел, его переполнила такая радость, что он подпрыгнул и кинулся обнимать ходящего в восторге колесом Беззубика и пляшущего в воздухе древнего Одинклыка.

Над гаванью пронесся крик:

— **ДРАКОНЬЕ ВОССТАНИЕ ОКОНЧЕНО!**

— **ДРАКОНЬЕ ВОССТАНИЕ ОКОНЧЕНО!**

— **ДРАКОНЬЕ ВОССТАНИЕ ОКОНЧЕНО!**

Драконье восстание

— Не верю! — Стоик был так изумлен, что едва не свалился со своего дракона Быкаруса. — У Иккинга получилось! ПОЛУЧИЛОСЬ! ДРАКОНЬЕ ВОССТАНИЕ ОКОНЧЕНО!

— Говорила я тебе, надо верить в нашего сына, — заметила Валгалларама, великая воительница, и улыбнулась, как девчонка.

И Стоик сгреб ее в объятия прямо над бездной, разделявшей их парящих драконов.

— У НЕГО ПОЛУЧИЛОСЬ! У НЕГО ПОЛУЧИЛОСЬ! Я ЖЕ ГОВОРИЛА, ЧТО У НЕГО ПОЛУЧИТСЯ! — орала Камикадза в диком возбуждении, а Рыбьепог плясал от радости на Рифе рядом с ней.

Вопли облегчения подхватывали все новые и новые люди и драконы, и скалы Мародерской гавани отзывались эхом на этот ликующий крик, снова, и снова, и снова. Эти три слова томно повторяли про себя среди льда и пламени верхних слоев атмосферы Драконы-Стражи Завтра, а далеко-далеко внизу, стрекоча в траве, их повторяли с любовью Зигзаггерастик и его подданные:

— ДРАКОНЬЕ ВОССТАНИЕ ОКОНЧЕНО, ОКОНЧЕНО, ОКОНЧЕНО...

ОКОНЧЕНО!!!

26. КЛЯТВА

Ах, воистину радостные это были минуты!

Вопреки всему, каким бы невероятным это ни казалось, Иккингу не только удалось стать Королем, но и остановить Последнюю Битву и покончить с Драконьим восстанием без дальнейших потерь среди драконов и людей.

Но я почти не смею писать о том, что приключилось дальше.

Ликующие драконы и люди позабыли про ведьму. Ведьму, притаившуюся белой жабой в потемках, по-прежнему прятавшуюся между спинными шипами невидимого крадкого дракона. Ведьма видела, как у ее обожаемого Элвина отняли Королевство, видела, как его унесли навстречу смерти Драконы-Стражи Завтра.

Все, на что она положила свою жизнь, рухнуло. И виноват в этом был один только Иккинг.

И вот она сидела, сжимая Лезвие Бури, и мысль у нее осталась только одна — убить Иккинга.

Как мы только что видели, те, кто любил и был любим, никогда эту любовь не забывают. Но есть и те, кто ненавидит и тоже не может об этом забыть, а ненависть ведьмы и вовсе клокотала безостановочно, питая саму себя. Старуха двинулась вперед, нянча свою ненависть, словно драгоценность, вскинув над головой Лезвие Бури и нашептывая пропитанные сладостной злобой мстительные проклятия себе под нос, будто валькирия.

— Пройди на бреющем поближе, крадкий, — шептала ведьма. — Сядь вплотную к нему. Мне надо подобраться очень близко, так близко, чтоб я могла обнять мальчишку. Так близко, чтоб я могла спрыгнуть с твоей спины и вонзить клинок ему в грудь прежде, чем крысеньш догадается о моем присутствии.

Ненависть
в сердце ведьмы
клокотала
безостановочно.

— Теперь наша очередь, — ворковала ведьма. — Ты же знаешь, а, Лезвие Бури? Ты напилось крови Иккинга Второго, а теперь жаждешь крови Иккинга Третьего... История повторяется... — шептала ведьма ласково. — История повторяется... История непрерывно повторяется...

Там, внизу, на Рифе люди и драконы едва не лопались от радости. Человек обнимал дракона, дракон человека, и весь мир праздновал, танцуя от счастья.

Ярогнев поднял свою громадную голову и выпускал в небо молнию за молнией.

— МИР! — ревел дракон.

— МИР! — ревели викинги.

Ярогнев даже ВЫГЛЯДЕЛ чуть иначе, словно смог припомнить, как это, жить в мире. Громадный страшный дракон снова улыбался, буйный взор успокаивался.

Но, опуская голову, Ярогнев краем глаза уловил в воздухе крохотную вспышку чего-то блестящего.

Что это?

Он снова дернул головой.

Вот опять, маленькая вспышка, искорка солнечного света, отражающегося от чего-то движущегося.

Дракон прищурился.

Что, во имя Тора и его могучего дракона Сотрясателя Миров, это может быть?

И вот опять, яркая искра, словно подмигивает.

Великие гиганты с раздвоенными языками! Это же солнце блестит на острие меча! Меча, летящего по воздуху сам по себе!

Так оно и было. Ведьме настолько не терпелось совершить убийство, что она вытащила Лезвие Бури из ножен чуть раньше, чем нужно, и подняла его высоко над головой. Из-за этого кончик лезвия стал виден над телом пикирующего крадкого дракона.

Если взглянуть на эту сцену сверху, показалось бы, что Лезвие Бури рассекает воздух само по себе, словно его магнитом притягивает к сердцу Иккинга...

И история и правда могла бы повториться, не заметь Ярогнев крохотную булавку рассекающего тучи клинка.

Дракон испустил великий вопль. Он действовал не задумываясь. На долю секунды он вернулся на сто лет назад, когда так же глянул вниз и увидел, как Чернобород Оголтельый опускает Лезвие Бури на безоружного Иккинга Второго...

Тогда Ярогнев ринулся в отчаянное пике, помчался со всех крыльев... Он хотел заслонить любимого хозяина от меча собственным телом... Но опоздал.

Поэтому теперь, сто лет спустя, дракон прынул вперед и оказался между мечом и Иккингом, закрыв мальчика собой. Он широко раскинул крылья

и выпрямился во весь свой немалый рост — между Иккингом и Лезвием Бури внезапно словно воздвиглась целая гора в виде дракона.

Крадкий летел так быстро, что врезался прямо в великанскую грудь моредраконуса. Ведьма стиснула занесенный над головой меч обеими руками и, навалившись на него всем своим весом, вонзила клинок Ярогневу в грудь.

От удара она потеряла равновесие, покачнувшись на спине Крадкого и с удивленным «ох!» обнаружила, что дракона под ней больше нет, а сама она висит на рукояти Лезвия Бури на головокружительной высоте.

Ярогнев вздрогнул от удивления и неожиданности — вы тоже вздрогнете, если вас неожиданно ткнуть булавкой. Он глянул вниз и увидел крохотную фигурку ведьмы, болтающуюся на той булавке. Она тоже удивилась, что напала на Ярогнева вместо Иккинга.

Дракон протянул лапу, снял с себя ведьму и небрежно отшвырнул ее. А лететь ей было высоко...

ВВЕРХ, ВВЕРХ, ВВЕРХ летела ведьма, держа ручками и ножками, словно белый таракан... а потом падала ВНИЗ, ВНИЗ, ВНИЗ, по долгой красивой дуге, радующей тех из нас, кто любит, когда злодеи получают по заслугам, — прямо — БУХ-ПЛЮХ-ШМЯК — в иллистые глубины Глотки Одина.

По слухам, эта
впадина доходила
до самого центра Зем-
ли. Она-то и поглотила
ведьму, а затем, громко
и довольно рыгнув, вы-
пустила победный фонтан
воды высоко-высоко в небо,
словно Риф и сам был живой
и переваривал свой обед.

— Хвала Тору! — прошеп-
тал Иккинг. — Ведьма мертва...

Спустя столько лет после всех
ее жестокостей ведьма, алчное
зло чистой воды, стремившее-
ся только к власти, наконец была
мертва. Трудно испытывать хоть
какую-то печаль из-за гибели та-
кого бесконечно злого существа.

— Ты цел, мой маленький
побратим? — спросил Ярогнев.

— Все хорошо... — нетвердым
голосом отозвался Иккинг. — Со
мной все отлично... А ты сам-то
в порядке?

Просто крохотная царапинка на
груди. Все с Ярогневом будет хорошо,
разумеется, все будет хорошо. Лезвие

Бури, по сравнению с гигантской тушей дракона, размером едва с иголку или булавку. Дракон вытащил Лезвие Бури, словно осиное жало, и отшвырнул зло и бездумно, как и ведьму.

Конечно-конечно, все с ним будет хорошо.

— Он цел... — с облегчением выдохнул Одинклык. — Цел...

— **ВЕДЬМА МЕРТВА! ЭЛВИН МЕРТВ! И Я ДАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ КОРОЛЮ ИККИНГУ ТРЕТЬЕМУ ОБЕЩАНИЕ! И Я ЭТО ОБЕЩАНИЕ СДЕРЖУ,** — объявил Ярогнев.

Он обернулся к Иккингу, и мальчик увидел на груди у дракона бесконечно малую царапинку — рану от Лезвия Бури.

— **ИБО КЛЯТВА НА КРОВИ НЕРУШИМА.**

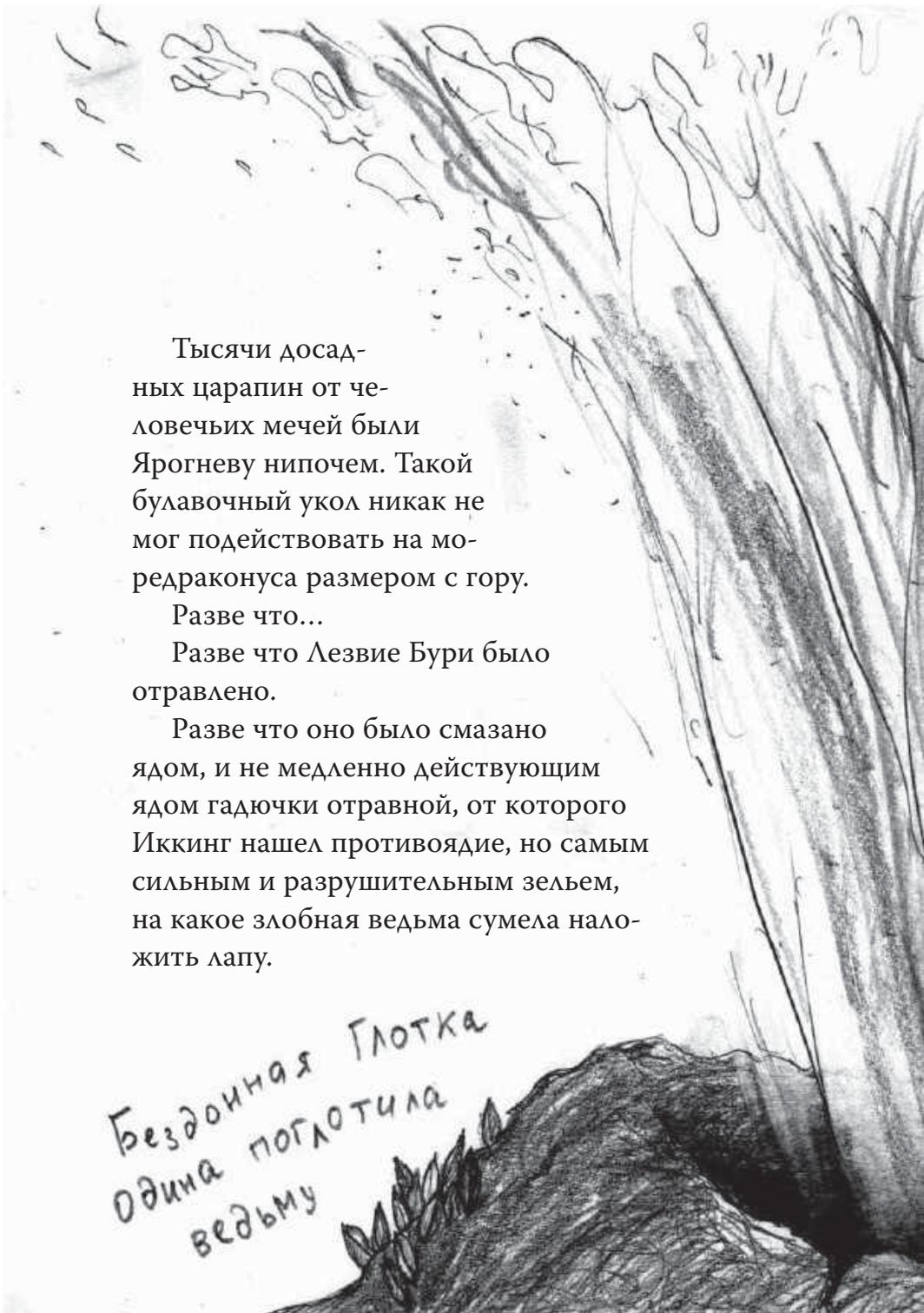
Но тут великий дракон напрягся и сделался странно неподвижен. У всех на глазах великий Ярогнев, такой прекрасный в своей мощи и славе, дрожал и задыхался.

— Нет, — ахнул Иккинг. — Нет... нет... нет... Я не понимаю, Одинклык, что происходит?

— Не знаю, — шепнул старик. — Но мне очень-очень страшно...

она падала ВНИЗ, ВНИЗ, ВНИЗ...

Тысячи досадных царапин от человеческих мечей были Ярогневу ни почем. Такой булавочный укол никак не мог подействовать на мордраконуса размером с гору.

Разве что...

Разве что Лезвие Бури было отравлено.

Разве что оно было смазано ядом, и не медленно действующим ядом гадючки отравной, от которого Иккинг нашел противоядие, но самым сильным и разрушительным зельем, на какое злобная ведьма сумела наложить лапу.

Бездонная Глотка
одна поглотила
ведьму

Ведьма мертва!
высоченный победный
фонтан

Есть множество хороших людей, старающихся поступать хорошо, однако что делать со злыми, которые только и ждут, чтобы за один-единственный миг разрушительной злобы уничтожить все доброе, над чем терпеливо трудились хорошие люди всю жизнь?

Нет... НЕТ!

— **Одинклык, быстро! Должен же быть способ ему помочь!** — не отступал Иккинг.

— **Вы ничего не можете сделать,** — прошептал Ярогнев. — **Ведьма отравила меня...**

Великий дракон покачнулся, и Иккинг ахнул.

— **Это все я виноват...** — всхлипнул он.

— **Ни в чем ты не виноват,** — возразил дракон. — **Ты действовал честно. Но, видишь,** — сочувственно продолжал он, — **именно это я и пытался тебе сказать, маленький побратим... Не построить тебе этот твой новый мир ни за одно поколение, ни даже за десять.** — В голосе его звучала тоска. — **Долгое-долгое время понадобится людям, чтобы стать лучше, чем они есть сейчас...**

Он опустил голову на Риф и задышал тяжело и неглубоко. От его громадного тела облаками поднимался пар.

Шторм пролетел, и все стихло. Только мягкий шелест дождя опускался на них всех благословением.

В этой битве уже погибло множество людей и драконов. Но в самой ОГРОМНОСТИ прекрасного создания, чья жизнь сейчас истекала по капле, заключался такой ужас, что это заставило всех прочувствовать разрушительность, безумие и бесплодность этой войны.

Жутко было видеть, как столь могучее, столь прекрасное существо в расцвете сил, всего миг назад неистово сыпавшее молниями, умирает у них на глазах.

Даже самые кровожадные викинги в эту минуту подумали: «Это не должно повториться никогда».

Иккинг дотянулся до головы дракона и обнял ее. Его крохотных, слабых рук едва хватало на половину драконьего подбородка.

Однажды на Олухе в отлив на Длинном пляже застрял большой кит. Вся деревня пыталась столкнуть беднягу обратно в море, но у них не получалось, бедный зверь был слишком велик.

Иккинга душила та же беспомощная ярость, что он слишком мал, чтобы как-то помешать этой катастрофе, слишком незначителен, чтобы предотвратить гибель этого огромного, ужасающего, прекрасного создания.

Впервые Иккинг почувствовал в глубине своего существа, что Ярогнев может оказаться прав, что все его, Иккинга, усилия по воссозданию мира

могут оказаться бесполезны, что ему в конце концов может понадобиться План по спасению драконов.

План-Сокровище.

Иккинг обнимал голову умиравшего дракона.

— Не волнуйся, Ярогнев, — со всей страстью твердил он. — Не хочу, чтобы в свои последние минуты ты думал, что раз это произошло с тобой, то драконы не будут спасены. Я изо всех сил позабочусь, чтобы Второе Королевство Дикозапада было лучше Первого. Но на случай, если к концу жизни мне покажется, что люди не сумели стать намного лучше, чем теперь, у меня имеется План, как спасти драконов.

— Хи-хи-хитроумный? — шепотом спросил Беззубик.

— Хитрющий, — отозвался Иккинг.

— У тебя есть план, да? — Глаз дракона смотрел на Иккинга ласково, но не без иронии. — План, который спасет драконов? Тогда он и впрямь должен быть очень хитроумным. Мы оба знаем, что спасение драконов может оказаться невозможным.

И Ярогнев снова улыбнулся.

Иккинг с трудом слотнул.

— Этот план — только на самый крайний случай. — Голос его дрогнул. — Если мы почувствуем, что иначе спасти драконов нельзя.

В час моей смерти тот, кто будет в то время Королем драконов, должен будет увести драконов обратно во льды Севера, подальше от людских глаз. Там, в океанских глубинах, остались еще островки мира, где не ступала грязная нога человека... Драконы рассказывали мне, что во тьме морей есть такие глубокие впадины, что даже через тысячу лет человеческие существа не сумеют последовать туда за вами. И вы, драконы, мастера маскировки. Вы умеете прятаться.

Ярогнев смотрел на Иккинга с задумчивым удивлением. Крохотная искорка подлинной надежды зажглась в его почти потухших глазах.

— Да уж, прятаться мы умеем, — пророкотал он. — В этом нам нет равных.

— И научитесь еще лучше, — пообещал Иккинг. — Даже сейчас микродраконы так искусно скрываются в траве и папоротниках, что, если не знать об их присутствии, ни за что не догадаешься.

Вы спрячетесь так надежно, так бесследно, словно вас и не было никогда. А когда вы начнете исчезать, я позабочусь о том, чтобы наши барды и скальды пустили слух, что вы всего лишь выдумка, вроде химер или сфинксов. Люди будущего вообще не должны узнать, что делают с вами землю, потому

что иначе будут стремиться подчинить вас или уничтожить. Вы погрузитесь в Сонную Кому и станете ждать, пока род человеческий либо станет лучше, либо исчезнет. Вы были здесь задолго до людей и, возможно, будете еще долго после нас.

Дракон снова улыбнулся. Даже рассмеялся слабым, прерывистым смехом.

— Сумасбродный план. — Глаза его осветились подлинным весельем при мысли об этом. — План, вымечтанный безумцем или дураком. Иккинг Второй обычно как раз такие планы и выдумывал. И всегда подобные планы втягивали нас с ним в неприятности...

— Да, план безумный, — признал Иккинг. — Но, пусть я и дурак, я спасу драконов, Ярогнев, обещаю тебе. Что бы ни случилось, я спасу их. Спасу, спасу, спасу.

Теперь он обратился к людям, молча парившим в окрестных небесах верхом на драконах, исполненным благоговейного ужаса при виде обмякшей на Рифе громады Ярогнева.

— Взгляните! Это сделал один из нас, людей! — выкрикнул Иккинг, на сей раз по-викингски, со злостью рассекая кулаком воздух. — Драконы сражаются с нами только потому, что думают, что мы их уничтожим. Это мы виноваты! Это никогда не должно повториться! Никогда! Спасем драконов!

Викинги легко поддаются чувствам. Всего несколько мгновений назад они бились с драконами не на жизнь, а на смерть. Но, увидев этого умирающего дракона так близко, столь слабого на пороге смерти, столь уязвимого, все они содрогнулись. Они увидели не чудовище, но загнанного в угол зверя, а все они знали, что загнанный в угол зверь сражается отчаянно, кроваво, несмотря ни на что.

— Спасем драконов!

— Спасем драконов!

— Спасем драконов! — вскричали люди.

— **Спасем драконов,** — прошептал Ярогнев.

Глаза его, уже очень-очень тусклые, теперь осветились внезапной, подлинной, настоящей надеждой. Он уставился на горизонт, и вид у него сделался совсем отстраненный.

— **Знаешь,** — сказал он Иккингу, и во взгляде его сквозило некоторое удивление, — **заглядывая в будущее, я и правда верю, что этот твой безумный план может сработать.**

А потом он повернулся к Луне, во всем ее сияющем белоснежном великолепии печально парившей среди драконов над Мародерской гаванью.

— **Не исключено, что я умираю,** — небрежно произнес Ярогнев, как будто это не имело особого значения, — **и не сумею выполнить данную тебе клятву, Иккинг. На этот случай передаю свое королевство Луне, и она повторит**

обет за мной и сдержит обещание, которое я даю сейчас.

И Луна повторила клятву.

— В знак моей веры в Короля Иккинга Третьего я передаю ему этот Драконий Камень, — заявил Ярогнев.

Дракон раскрыл ладонь, и там пылинкой мерцал Драконий Камень. Мятежные драконы отпрянули, в ужасе перешептываясь, такова была сила Камня и их ужас перед ним.

— Возьми его, Иккинг. — Ярогнев уронил Камень Иккингу в ладонь. — Среди моего войска могут оказаться менее склонные к прощению, чем я. Им захочется нести АлаяРость дальше. Это понадобится тебе для защиты.

Глаза Иккинга наполнились слезами.

— И ты все равно его мне отдаешь? Ты доверяешь мне даже теперь?

— Я верю тебе, маленький побратим, — ответил Ярогнев.

Эта последняя речь, казалось, совсем истощила силы великого дракона. Его скрутил приступ кашля, и он снова улегся на Риф, содрогаясь и хрипя.

— Не-ет! — заорал Иккинг и снова бросился к великанской голове. — Нет! Не умирай! Тебе незачем умирать!

Но дракон умирал. Плавающий взгляд быстро тускнел. Голос дрожал, шипящие звуки драконьего

наречия слабо сочлились по углам некогда прекрасного рта вместе с тонкими струйками дыма. Он закрыл глаза.

По лицу Иккинга струились слезы. Он прижался холодной щекой к горячей коже умирающего дракона, и это словно разбудило Ярогнева.

— Не печалься, — заговорил он, приоткрыв глаза. — Послушай, как все радуются. Мы наконец обрели мир... и я тоже. Не оплакивай меня, Иккинг. Никто пусть не оплакивает. Сейчас время не для горя, но для праздника. Понимаешь, я мертв уже много лет. До этой минуты я не понимал, насколько уподобился Чернобороду Оголтелому.

Я был Чернобородом в теле дракона. Чем меньше у меня оставалось надежды, тем больше я разрушал. Я убивал, и убивал, и убивал

Нет! Не умираю!

снова. И чем больше я убивал, тем мертвее становился сам. Подобно Чернобороду, я делал ужасные, ужасные вещи... Но здесь, перед самой моей смертью, Иккинг... ты вернул мне жизнь.

Пусть восстание потерпело поражение, и я тоже, возможно, в конечном итоге, в моем поражении присутствует некоторое благородство... Вероятно, ты был прав, Одиноклык, и история действительно не что иное, как череда благородных поражений.

— Верно, — подал голос Одиноклык, — этим поражением ты оправдал все, ради чего я жил, все, за что я сражался, всю мою жизнь. — Мордочка старого дракона осветилась восторженной радостью. — Драконы так же способны на благородство, как и люди. Мы тоже можем быть милосердны. Мы тоже умеем подставлять другую щеку... Мы тоже умеем любить, в точности как люди. Ты поставил жизнь Иккинга выше своей, Ярогнев, и умираешь Героем.

— Ах, любовь. — И Ярогнев снова улыбнулся. — Любовь дурное, дурное дело, как говаривал сам Чернобород. Любовь привела меня туда, где я сейчас.

Но непохоже было, что дракона это печалит. Его даже хватило на сухой смешок.

— Сто долгих лет в лесной тюрьме я снова и снова прокручивал в голове тот миг, когда опоздал и не сумел спасти Иккинга Второго от Лезвия Бури. Снова и снова говорил я себе: если б только я заметил раньше... Если б только летел быстрее... Если б только... Если бы... Но сейчас я успел, — продолжал он с глубоким удовлетворением. — Я долетел... Я спас Иккинга... С опозданием на сто лет, но все-таки, кажется, вовремя. И взгляни, какую награду я получил! — Дракон улыбнулся в третий раз, и взгляд его желтых глаз был безмятежен и ясен, как никогда.

Пламя в его взоре угасло полностью, и теперь глаза сияли теплом и светом, озаряя темную гавань с яркостью маленьких солнц.

— У Иккинга есть план, который спасет драконов! — крикнул Ярогнев своим последователям. — Драконы будут спасены, а это все, чего я когда-либо хотел. Поэтому не проливайте по мне слез, драконы и викинги. Эта царапинка — ерунда.

Любовь всегда того стоит, старинный друг...

И ты был прав, Одиноклык, — добавил он, — парнишка того стоил.

— Как я говорил, любовь всегда того стоит, старый друг, — отозвался Одиноклык. — Всегда.

— Я родился заново, — произнес Ярогнев.

Он и правда выглядел лет на сто моложе, чем еще пару минут назад. Глаза-фонари снова сияли светом, тело пронзил внезапный прилив энергии. Он заставил себя поднять голову и подвинуться к краю Рифа. Затем заговорил с прежней решимостью:

— Не буду умирать здесь, в Мародерской гавани. Не след мне застрять на земле, чтобы чайки и грифозавры ободрали мои кости, оставив мой скелет печальным напоминанием о драконе, посмевавшем взбунтоваться и слишком яростно сражавшемся за то, во что верил.

Сто лет назад, когда Чернобороду Оголтелому пришло время умирать, он не остался на Последнем Приюте, где находится его могила. Нет, он отплыл на запад на своем корабле «Бесконечное путешествие», и больше его никто не видел.

Туда-то я и направляюсь... — закончил Ярогнев и вопреки всему встал на дыбы, чтобы заглянуть за горизонт. Громадная, величественная гора

в форме дракона, Лезвие Бури казалось простой булавкой в его груди.

— **Домой...** — вздохнул дракон, глядя мимо Завтра, мимо Последнего Приюта, на бесконечные, убегающие вдаль волны. — **Открытый Океан...** мили и мили благословенной пустоты... Только там может дракон по-настоящему расправить крылья и плыть, беспечно и свободно, как и подобает дракону... И может, я в конце концов и не умру, — бесшабашно продолжал он. Глаза его пылали все жарче, все ярче и ярче светилась в них надежда — или лихорадка? — **Может, холодные чистые моря родины исцелят меня, и я одержу победу над смертью. Новое начало. Такое случалось и раньше, невозможное становилось возможным, так почему бы этому не произойти со мной? Что бы ни случилось, я иду первым... Я первым спрячусь.**

Вздох прокатился по рядам слушавших его людей и драконов.

Ярогнев обернулся к Луне, сиявшей мягким серебром, мрачной как статуя.

— Ты теперь новый вождь драконов, Луна, и я надеюсь, что из тебя получится лучший правитель, чем из меня. Помни свой обет.

Затем он обратился к Иккингу:

— **Обещай мне снова, о Мальчик-Носящий-Имя-Того-Кого-Я-Любил. Обещай мне еще один, последний раз...**

— **Обещаю, что спасу драконов,** — произнес Король Иккинг Кровожадный Карасик III.

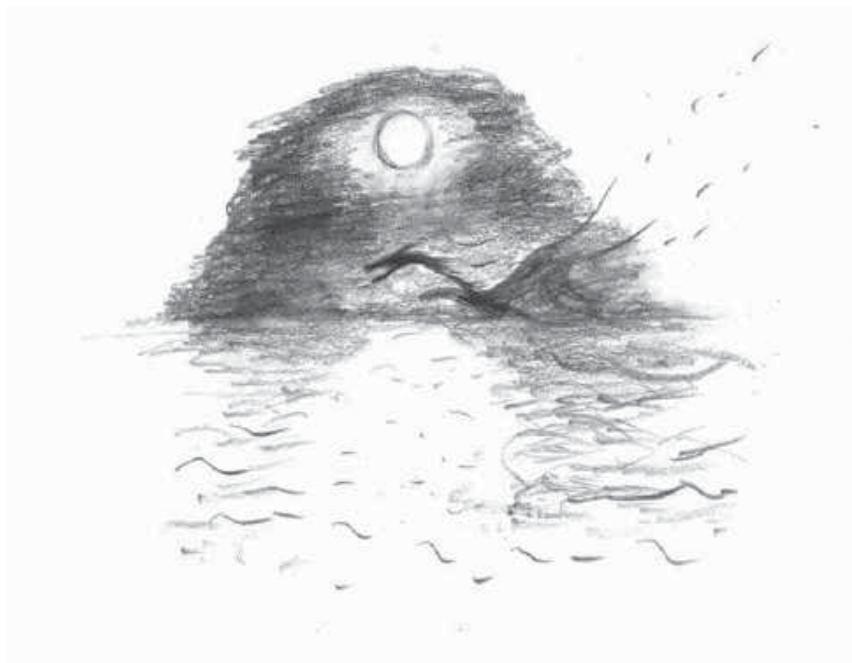
Последним отчаянным усилием Ярогнев сорвался с Рифа, окатив рассеившихся на его камнях людей и драконов стеной воды.

Первые его движения в воде были мучительно медленными. Но затем — или Иккингу это только казалось? — они стали увереннее, словно дракон постепенно набрал силу. Чем дальше он уплывал, тем мощнее становились взмахи крыльев.

Они смотрели, как он удаляется в закат в последние часы дня Светопреставления: все-все племена архипелага, бесчисленные армии Драконьего восстания, бессчетные рои микродраконов, Луна и Драконы-Стражи Завтра застыли молча, отдавая честь уходящему на запад великому дракону.

Они смотрели, как Ярогнев проплыл мимо Завтра, через Теснину Героев, мимо Последнего Приюта, вышел в открытое море и поплыл дальше, все дальше и дальше в будущее. И действительно казалось, что, уплывая, великий дракон становился все сильнее и сильнее, все уменьшаясь и уменьшаясь в их глазах. Достигнув горизонта, далеко-далеко от них, он сделался размером почти с Одиноклыка.

А перед тем как исчезнуть за краем моря, в последнем блике солнца под восходящей луной, у него хватило сил выпрыгнуть из моря одним радостным, полным жизни прыжком.

27. ПРИЗРАКИ НА СВОБОДЕ...

Драконы и люди провожали Ярогнева взглядом и выкрикивали добрые напутствия, пока он не исчез из виду. Он велел им не плакать по нему, но у всех в глазах стояли слезы.

Трудно было понять, слезы это печали или радости, ведь дракон был так весел, покидая их, и добился, как он сам говорил, невозможного.

МИРА.

Мира в архипелаге после стольких лет войны. Кто мог мечтать об этом еще на рассвете этого дня?

А затем люди и драконы постепенно умолкли и взглянули друг на друга — запыхавшихся, измотанных, оборванных, плачущих по дракону, но все же ликующих. Они смотрели друг на друга, словно говоря: «Ну и что нам теперь делать?»

Темнело.

Драконница Луна громко проревела команду.

Бесчисленные армии Драконьего восстания расправили крылья и почти как один двинулись по домам, рассеиваясь по всему архипелагу и дальше. Акулогады, левиафорганы и громовники — в Открытый Океан; подпальники и ужасные чудовища — в пещеры. Многие, правда, остались на ночь

в Мародерской гавани вместе с Луной, прежде чем начать долгий путь домой.

По крику Зигзагерастика в небо поднялись микродраконы, словно гудящее облако саранчи. Их было столько, что небо на миг почернело от них, словно уже настала ночь. А потом они исчезли, снова с жужжанием скрылись в траве, растворились в болотах и лугах архипелага.

Тем временем драконы, сражавшиеся в Последней Битве на стороне людей, наблюдали за своими товарищами-викингами, ожидая, что те станут делать.

А люди, в свою очередь, смотрели на Иккинга.

Все они, могучие Гостедавы, Странники, бывшие рабы, — все племена архипелага, стоявшие на Рифе, оборванные, потрепанные войной татуированные воины, повернулись к Иккингу и выжидательно на него уставились.

«О боги, — вздрогнул Иккинг второй раз за день, — я же Король. Они все ждут от меня, что я знаю, как поступить... НИКОГДА к этому не привыкну».

Утром было не так уж холодно, но уже начинало темнеть. Люди были измучены переживаниями дня, и тяжесть предстоящей задачи казалась просто неподъемной.

Пора было отправляться домой, но где теперь дом для викингов? Почти каждый дом в каждой

деревне был уничтожен войной. Целые горы сровнялись с землей, леса сгорели дотла и все еще дымилась. Весь архипелаг превратился в лунный пейзаж, покрытый кратерами и обугленными пнями там, где некогда качались под ветром деревья, кишащие болтливыми змеешелками и соннозмеями.

Им придется заново отстроить целый мир, а это та еще задача.

— Сograждане Дикозапада, — произнес Иккинг. — Нам предстоит построить мир и новый город на Завтра, великий город, достойный нового Королевства Дикозапада. Это потребует времени, но мы это сделаем. Любого дракона, кто пожелает жить рядом с нами как гражданин Дикозапада, равный правами человеку, мы примем с радостью, но те, кто хочет вернуться к вольной жизни, могут сделать это абсолютно свободно.

Многие драконы были так сильно привязаны к своим хозяевам, что и не помышляли об уходе, и жестоко было бы отрывать их от товарищей-людей.

— В будущем мы станем отмечать этот день, Светопреставление Солнцеворота, великим праздником в честь Ярогнева, его спутников-драконов и наших друзей-людей, погибших в этой войне, отдавших жизнь за этот мир, чтобы никогда не вернулся рабство ни для людей, ни для драконов. Мы назовем его праздником Черной Звезды.

Иккинг поднял Черную Звезду Сморкалы, высшую награду Хулиганского племени за мужество.

— Поэтому, прежде чем мы все вернемся домой на разные острова архипелага и начнем новую жизнь, сегодня мы заночуем на острове Завтра, на развалинах Чернобородова замка и забудем об усталости и предстоящей нам невыполнимой задаче.

Сегодня мы ПРАЗДНУЕМ.

Празднуем окончание войны между драконами и людьми и начало нового Королевства и чествуем Героев, сражавшихся ради того, чтобы это случилось.

— Здорово! — Стоик потер могучие ладони. — Пир! Пир! На Завтра полно оленей, думаю, мы могли бы наловить себе дичи на пир, обожаю тушеную оленину!

И вот племена архипелага снялись верхом на драконах и полетели на Завтра длинной счастливой вереницей, усталые, но возбужденно обсуждающие битву.

Они летели на драконах к Завтра вдоль лунной дорожки, крыло к крылу, драконы и люди вместе.

Стоик Обширный и Берта Бой-баба повели большой отряд викингов на вечернюю рыбалку верхом на драконах на дальнюю сторону Мародерской гавани. Через час все было как в добрые старые времена, Стоик с громким охотничьим кличем пикировал на рыбный косяк на своем Быкарусе.

Охотиться ночью верхом на драконе было одним из любимых викингских развлечений — глаза у драконов светятся в темноте, так что выслеживать добычу можно и после заката.

Отряд вернулся с богатым уловом, и Берта со Стоиком громко спорили, кто наловил больше.

В ту ночь стояла полная луна, облака и дым рассеялись. К Иккингу, несколько неловко восседавшему на Тронном Валуне, подошел Друид-Страж.

— Драконы-Стражи Завтра хотели бы потребовать обратно свою свободу теперь, когда с Завтра снято Проклятие и мир вернулся в архипелаг, — с поклоном произнес старик.

ПРОКЛЯТИЕ СНЯТО!

Впервые эти слова были произнесены вслух, и у Иккинга сердце зашло от восторга, когда он их услышал.

— Ну конечно, их надо отпустить! — сказал он.

Друид-Страж поднял ладонь, и словно три тысячи фейерверков сыграли разом — Драконы-Стражи ракетами вырвались из удушливых объятий планеты Земля и устремились вверх, вверх, вверх, упиваясь пламенем, которое генерировали при входе в верхние слои атмосферы.

Какое же это было незабываемое зрелище! Впервые за столетие они парили на границе космоса, резвясь и кувыркаясь, выписывая радостные зигзаги, танцуя в сиянии вновь обретенной свободы¹.

¹ Падучие звезды, как мы все знаем, на самом деле никакие не звезды. Как звезды могут падать? Они способны двигаться не больше, чем камни. Это Драконы-Стражи пылают по краям, когда летят.

Такое можно увидеть лишь раз в жизни — племена архипелага в полном составе со своими драконами пировали на развалинах Чернобородова замка, ели, пили, смеялись и плясали вокруг костров.

Сто лет назад на Завтра пало Проклятие, когда Чернобород Оголтелый поработил половину своих подданных, убил собственного сына и заточил Ярогнева в лесной тюрьме.

Призраки тех времен преследовали архипелаг все детство Иккинга. Теперь Проклятие было разрушено, и призраки получили свободу, как Драконы-Стражи Завтра.

Чудесно было наблюдать, как вчерашние рабы и бывшие хозяева пируют вместе. Как вообще могли викинги — гордый, дикий, свободный народ — согласиться на такую гадость, как рабство? Такое впечатление, что народы архипелага сто лет провели под какими-то злыми чарами и только что пробудились от них.

Они сидели все вместе, оплакивая прошлое, наслаждаясь настоящим и строя исполненные надежд планы на будущее. Подберемся поближе, прежде чем расстаться с ними, держись за мою руку. Зависнем над ними, как пара микродраконов, и послушаем, о чем они говорят.

— Эх, Сморкала!.. Я так им горжусь, — вздыхал Толстопуз Пивобрюх, и слезы катились по его

лицу. — Какой мальчик, какой прекрасный, прекрасный мальчик...

— Лучшего ученика у меня не бывало, — отзывался Плевака Крикливый. — Получить Черную Звезду за мужество, когда ему еще шестнадцати не исполнилось! Неслыханно...

— Дракон Ярогнев... Видели бы вы его в юности, во времена Иккинга Второго... — рассказывал Одиноклык всем драконам, кто желал слушать.

— Раз уж моя старая хижина сгорела, — рассказывал Стоик Обширный Могадону Остолопу, с такой жадностью поглощая ужин, что половина застревала у него в бороде, — я построю на Олухе самую большую Хижину Вождя, такую, какой архипелаг еще не видывал. — И рисовал планы этого великого здания палочкой в пепле между ними.

— Б'бе-беззубик ододел Ярогнева совершенно са-самостоятельно при помосч'чи

своих **ОСОБЫХ СПОСОБНОСТЕЙ**, — хвастался перед Буримухой Беззубик. — Ярогнев перепугался, когда Б'бе-беззубик вдруг сделался не-не-невидимым, выпустил огромный клуб ч'черного дыма и начал поливать великана отравленными дротиками, кромсать огненными лучами и взрывать взрывалками и...

Беззубик и остальные Десять Воинов Драконьей Печати собрались вокруг сидевшего на Валуна Короля Иккинга. Рядом посасывал трубочку Старый Сморчок.

— Если хочешь, я отдам тебе омаровое ожерелье обратно, Рыбьенег. Теперь, когда Элвина нет, лишняя удача мне ни к чему, — сказал Иккинг.

— А ты можешь хоть что-нибудь хорошее про Элвина сказать вообще? — спросил Рыбьенег с изрядной тоской.

— Он был **ИЗОБРЕТАТЕЛЕН**, — ответил добрый Иккинг.

— Точно, — приободрился Рыбьенег. — Что да, то да, изобретателен. Может, это пригодится мне в стихах. И он приходился тебе дальним родственником, Иккинг, а значит и мы с тобой родня, и это хорошо... К тому же Элвин ведь становился хуже с годами, — продолжал Рыбьенег. — В начале-то он был совсем не так плох, как в конце. Может, мы и могли бы спасти его, подвернись мы вовремя.

— Верно, — согласился Иккинг. — В бытность просто Элвином Бедным-Но-Честным-Крестьянином он был не такой плохой. Но я должен признать, Рыбьеног, — мягко продолжал Иккинг, — что даже тогда для Элвина было слишком поздно. Я помню наш с ним первый бой на мечях. Он тогда сказал: «Сокровище обрело надо мной власть, и этим я тоже доволен», а это нехороший знак, если вдуматься...¹

— Типичная история, — вздохнул Рыбьеног. — Пятнадцать лет искать отца, а он оказывается самым гнусным типом во всем архипелаге. Абсолютно НИ ЗА ЧТО не стану называться Рыбьеногом Вероломным.

— А может, перевернуть это имя? Как Клеймо раба превратилось в Драконью Печать? — предложила Камикадза.

— Ничто не способно перевернуть это имя, — отрезал Рыбьеног. — Никто не станет говорить: «Вы не знакомы с Рыбьеногом Вероломным, он такой славный парень?» Я стану основателем собственного племени, — твердо сказал Рыбьеног. — Оно будет называться Племя Безымянных. Тень вот уже вступил. И у нас есть парочка классных девизов, правда, Тень? «Не падай духом, рады ВСЕМ» и «Всех к себе просим, никого не бросим».

¹ Об этом можно прочесть во второй книге, «Как стать пиратом».

— Но именно это я хочу сделать с новым Королевством Дикозапада! — воодушевленно воскликнул Иккинг. — «Никого не бросим!» Никакого больше рабства. Такие народы, как Тихушники, Миролюбы и Странники, будут иметь право голоса на Тинге... А вы с Камикадзой станете первыми воинами моего Дикозапада. Когда я буду проводить свое первое Посвящение в Воины, то дам вам новые имена, чтобы вы добавили их к собственным: Рыбьенг Верный, вождь Безымянных. — Иккинг положил руку Рыбьенгу на плечо, словно уже нарекая его. — И Камикадза Отважная, Наследница Бой-баб... Первые воины Дикозапада... — Когда Иккинг положил руку на плечо Камикадзе, та покраснела, как редиска.

— А Б'бе-беззубик прятаться не собирается, — сообщил Иккингу дракончик. — Б'бе-беззубик с Иккингом никогда не расстанутся.

— Никогда, — согласился Иккинг. — Я никогда тебя не оставлю, и ты меня никогда не оставишь. Надеюсь, что все эти пряталки нам вообще не понадобятся, Беззубик. А если и понадобятся, то только в самом конце моей жизни. А сейчас у нас самое начало. Ведьма мертва, Элвин мертв... Перед нами целый мир и целая новая жизнь.

В этот самый момент со стороны Олуха, словно птица мира, тяжело хлопая крыльями, прилетела

Жутьздорова. Она приходилась Рыбьену охотничьим драконом и была вегетарианкой.

— Жутьздорова! — воскликнул Рыбьен, с восторгом обнимая ее. — Где ты была?

Иккинг широко улыбнулся и перевел ответ драконихи:

— Она говорит, что не любит войн, поэтому пряталась под землей на Олухе, пока все не кон-

Вы мои первые
воины Дикозапада.

чилось. Видишь? — победно продолжал он. — Это знак! Война кончилась, и Жутьздорова — наша птица мира. Наш дракон мира, если хочешь. С этого дня ВСЕ изменится!

— Изменится ли? — продребезжал Старый Сморчок, заинтересованно попыхивая трубкой.

— Как бы то ни было, — сказал Рыбьенег, — Геройский Поход по розыску родителей я закончил, и пусть он обернулся не совсем так, как я хотел, теперь я могу сосредоточиться на новых горизонтах. Точнее, на ЛЮБВИ.

Рыбьенег сочинял стихотворение для Варвары из Варваров.

— Я думала, ты в Яриссу О'СТРЕли влюблен, — фыркнула Камикадза. — По-моему, когда она вышла за Неимоверного Крутняка, ты говорил, что Никогда Больше Не Полюбишь...

Рыбьенег пишет
стихи для Варвары
из Варваров.

— Да, но это было до того, как я увидел Варвару из Варваров, — отмахнулся Рыбьенег, затачивая кусочек угля о край Королевского Валуна. — Можешь придумать рифму к слову «мощь»?

— Хвощ? — предложил Иккинг. — А что, он пушистый.

— Это любовное стихотворение, — раздраженно возразил Рыбьенег. — Не могу же я упоминать презренное болотное растение посреди любовного стиха!

Внезапно он резко переменялся в лице.

— О боги! Варвара смотрит в нашу сторону! — пропищал он. — Она движется! Она идет сюда! Спокойно! Все, спокойно!

— Привет, ребята, — сказала Варвара из Варваров.

Ее черный кот Бесстрашный грозно мяукал, пока она шла мимо, сопровождаемая шестью телохранителями и хмурым папенькой, Камнемётом, самым волосатым и страшным вождем в Северном архипелаге.

Рыбьенег побагровел, как закатное солнце, затем побелел как мел, потом пошел ярко-розовыми пятнами, словно даже такая краткая встреча с Вар-

вариным котом вызвала мгновенную аллергическую реакцию. Он пробулькал что-то, задуманное как учтивый комплимент, но на деле прозвучавшее как «уррппхгххх...». Затем он попытался почесать лицо, забыл, что в руке у него уголь, случайно засунул его себе в нос и сомлел на месте.

Варвара из Варваров озадаченно оглянулась на него через плечо и заметила ближайшему телохранителю:

— Кто тот странный парнишка? Что он засунул себе в нос и почему он все время засыпает?

— Ого, Рыбьеног, да ты настоящий златоуст, — принялась глумиться Камикадза. — Падать в обморок, чесаться и совать себе уголь в нос — самый тот способ произвести впечатление на викингскую воительницу.

— Думаешь, она может ответить мне взаимностью? — спросил Рыбьеног, поднимаясь на ноги, вынимая из носа уголек и отчаянно скребясь.

— Хммм, — изобразила раздумье Камикадза. — ОНА — двухметровая амазонка, дочь вождя, намертво приклеенная к хищному зверю семейства кошачьих, и прославленный кулачный боец... Тогда как ТЫ — безвестный начинающий бард минимум на три года ее младше, который падает замертво всякий раз, когда заговаривает с ней, и у которого, в довершение всего, сильнейшая аллергия на КОТОВ. Вы созданы друг для друга! Это судьба! Это предначертано на небесах!

— Ты правда так думаешь? — беспокойно уточнил Рыбьеног.

— НЕТ! — рассмеялась Камикадза. — Взгляни правде в глаза, Рыбьеног... У тебя НЕТ НАДЕЖДЫ.

— Да, так я и думал, — отозвался Рыбьеног, печально поправляя очки на носу. — Не важно, несчастная любовь полезна для поэзии.

— Рыбьеног, — внезапно напрягся Иккинг, — помнишь, что случилось, когда ты влюбился в Яриссу О'СТРели? Ее маньяк-убийца папенька

послал меня с заданием в леса Берсерка, где я случайно освободил Ярогнева.

— Не надо валить все это Драконье восстание на меня! — возразил Рыбьенег.

— Я просто говорю, — терпеливо продолжал Иккинг, — не попробовать ли тебе на сей раз влюбиться в кого-нибудь, у кого нету шести телохранителей и отца-маньяка? А то у меня нехорошее предчувствие, что из-за этого мы опять угодим в передрагу...

— Мы же не выбираем, в кого влюбиться. — Рыбьенег с воодушевлением раскинул руки. — Любовь просто случается!

К Валуноу приблизилась стайка девочек — старая Камикадзина команда Мастеров Побега, состоящая из Бой-баб: Спорта, Тайфун, Гароттаконь и Котлетта. Все они хихикали, краснели и толкали друг друга локтями.

— Мы просто хотели спросить, не хочет ли Король потанцевать с нами? — сказала Гароттаконь, хихикая, с точки зрения Камикадзы, крайне раздражающим образом.

— Король ЗАНЯТ, — твердо заявила Камикадза и в подтверждение вытащила меч. — Обсуждает важные Королевские Дела. Со МНОИ. Валите, КЫШ!

Девочки поспешно отступили, никому не хотелось оказаться на неправильном конце Камикадзино мече.

Мы же не выбираем,
в кого влюбиться...

Любовь
просто
случается!

Камикадза мрачно кивнула сама себе.

— Дурное дело эта любовь, ох дурное...

— Стало быть, все изменится? — Глаза Старого Сморчка лучились весельем. — Разразится мир? Возникнет Цивилизация, вот прямо так? Уж не думаешь ли ты, что жизнь, вроде любви, просто случается?

Сидя на своем Валуне, Король Иккинг окинул взглядом своих подданных, и его внезапно охватило беспокойство.

Все началось так весело, но даже в такую роскошную ночь нельзя было засунуть все племена

архипелага вместе в один разрушенный замок, чтобы не вспыхнули случайные споры.

Неподалеку Берта Бой-баба хвалилась, что может на своем новом грубыке пролететь с материка до замка на Завтра меньше чем за десять минут, а Валгалларама утверждала, что на Призраке долетит за девять. А Берта уперлась:

— Спорим, Валгалларама?

А Могадон Остолоп, стоя на коленях перед нарисованными Стоиком Обширным планами новой Хижины Вождя, высматривал легкие подступы, потому что уже строил собственные планы будущих грабежей и набегов на маленький остров Олух...

А Ярисса дулась на Неимоверного Крутняка, потому что тут присутствовала Валгалларама, а Валгалларама была первой, потерянной любовью Неимоверного.

— Ну конечно, я люблю тебя больше, Ярисса, милая! — галантно увещевал ее Неимоверный Крутняк, стоя перед любимой на коленях. — Пусть она моя первая любовь, но ты — последняя. Как мне доказать тебе свою любовь? Я все

для тебя сделаю! Все, что хочешь! Небеса обрушу! Луну достану...

Ярисса недовольно тряхнула рыжей гривой.

— Ну ладно, — сказала она. — Можешь украсть для меня того мухрюнделя. Всегда хотела мухрюнделя. — И она указала на дракончика, которого держал на коленях и ласково поглаживал Коварняк Гостедав.

Неимоверный Крутняк слотнул:

— А это обязательно должен быть именно ТОТ мухрюндель, Ярисса, ненаглядная моя?

А наверху, в разрушенных башнях замка завязалась потасовка между драконами, вызванная исключительно Беззубиком и Буримухой. Эта парочка выработала блестящий новый метод кражи еды у драконов, превосходивших их размерами: Буримуха кусала их за задницы, а Беззубик ждал с другой стороны, пока те не выронят изо рта еду от удивления. Эффективно, но червато.

— Думается мне, — заметил Старый Сморчок, уютно попыхивая трубкой, — что тебе понадобятся все уроки Короля, с такими муками усвоенные

тобой за последнюю пару лет, Иккинг. Как там первый звучит, напомни? Урок номер один, поиск беззубого дракона: драконов можно приручать без страха и унижения... Тогда ты просто пытался приручить одного маленького непослушного дракона. Теперь тебе предстоит приручить целый непослушный народ.

«Ну, спасибо, Старый Сморчок, очень кстати».

— Ладно, — протянул Иккинг, обводя взглядом своих ссорящихся, дерущихся, насупленных новых граждан Дикозапада. — Нельзя же ожидать, что они изменятся ЗА ОДНУ НОЧЬ. Цивилизация требует времени...

В конце концов, они же викинги.

— Раз уж зашла об этом речь, — задумчиво продолжал Иккинг, — пока они не привыкнут к новому миру, может, и очень хорошо, что большинство из них завтра отправятся по домам на самые разные острова. Пока же я знаю, как заставить их перестать препираться... Варвара, можно позаимствовать у тебя туманный горн ненадолго?

Король Иккинг влез на свой Валун и изо всех сил затрубил в горн. Пронзительный звук туманного горна при должном усилии получается такой громкий, что бьет по ушам не хуже электрического разряда. От него встают дыбом волосы на загровке и гудят барабанные перепонки. Даже в разгар драки или спора драконы и люди останавливались, словно обращенные этим звуком в камень.

— Граждане Дикозапада! — проорал Иккинг Третий. — Напоминаю вам, что это ПРАЗДНИК, — Праздник Черной Звезды не время для драк!

Всевозможные драчуны, драконы и люди, виновато отступили друг от друга.

— Предлагаю СПЕТЬ! — сказал Король Иккинг III. — Споем от всего сердца, все старые песни архипелага, какие знаем! Начиная с Хулиганского национального гимна!

Нельзя же ожидать,
что все они изменятся
ЗА ОДНУ НОЧЬ.

Викинги решили, что это отличная идея, и, словно по волшебству, драки в мгновение ока превратились в пение.

Я сюда не собира-ался...
И остаться не хоте-е-ел...
Потерял в болотах сердце,
Нет дороги мне тепе-е-ерь!

Вступили все викинги, их мелодичные голоса так красиво взмывали и понижались, что слезы наворачивались.

Драконы пели собственную дикую песню, подняв головы к небесам и радостно завывая.

А в Америке, по слухам,
Небеса синее льда-а...
Но омаром стал мне Олух,
Не уплыть мне никогда-а-а...

— А что, собственно, значит «омаром стал мне Олух»? — спросил Иккинг у Одиноклыка. — Именно эта строчка подсказала мне, что Сокровище находится внутри кулона. Но я всегда недоумевал, что же это значило, на слух ведь чушь какая-то...

Одиноклык сентиментально вздохнул.

Цивилизация требует
времени...

— Понимаешь, омары — символ любви, — сказал старый дракон, — потому что выбирают пару раз и навсегда...

— Должно быть, это омаровое ожерелье Чернобород подарил своей жене Чинхильде, когда они поженились, — задумчиво произнес Иккинг по-виккингски. — А она вернула ему подарок, когда в ярости оставила его. Вероятно, Чернобород носил ожерелье, потому что сожалел об утраченной любви.

— Омаровые ожерелья — символ любви? — заинтересованно уточнил Рыбьеног.

— Рыбьеног, если ты начнешь посылать Варваре из Варваров омаровые ожерелья, я очень на тебя рассержусь, — замахал руками Иккинг. —

НЕ ПОСЫЛАЙ ЕЙ НИЧЕГО! ЕЕ ПАПЕ ЭТО НЕ ПОНРАВИТСЯ! ВОТ ПОЧЕМУ У НЕЕ ШЕСТЬ ТЕЛОХРАНИТЕЛЕЙ! ПОМНИ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ПРОШЛЫЙ РАЗ!

Я в Америку стремился,
Но у Полюса сверну-ул.
Потерял башмак в трясине,
Сердцем в ней же утону-у-ул!

Рыбьенюг пел особенно громко, потому что, хотя он и выяснил, что является отчасти Берсерком, отчасти Душегубом, отчасти Вероломным, а по сути Безымянным... он все-таки был приемным, пусть и не урожденным, Хулиганом.

А потом все запели старую викингскую песню архипелага «Непоседы», в которой так много говорится о неумном вольном духе викингов (а на самом деле и драконов), и звучит она особенно хорошо, когда ее исполняют в разрушенном замке под звездным небом.

Слова там такие:

Мне дела нет до замков и короны,
Лишь на мозги давить они годны.
Пусть небо звездное заменит мне хоромы,
Свет факелов — сияние луны.

Ведь я уродился Героем,
Верный меч мой не знает покоя.
Меня сердце зовет
В бесконечный Поход!
Славься, жизнь, в упоении боя!

Там дикие ветра сдувают пену
С волны у побережья дальних стран.
Пойдем со мной, любимая, нам
пропоют сирены,
Столицей нашей станет океан!

Все викингские голоса идеально звучали в унисон, кроме голосов Неимоверного Крутняка и Яриссы. Эти двое никогда не умели петь. Ярисса на некоторое время начисто позабыла о Мухрюнде и счастливо обнимала своего Героя, распевая вместе с ним совершенно не в лад со всеми остальными, но в счастливом единении с любимым.

«Непоседы» были у Яриссы с Крутняком любимой песней, и когда они дружно тянули последние слова на мучительной громкости, это служило счастливым напоминанием, что, как бы они ни ссорились, любовь всегда того стоит.

— Вернуть тебе туманный горн, Варвара? — спросил Король Иккинг III Варвару из Варваров, пока она во все горло распевала вместе с шестью телохранителями и котом.

Варвара на миг умолкла, задумчиво взглянула на бесчисленные племена архипелага, вкладывавшие в пение всю душу.

— Нет, оставь себе, — сказала она наконец. — Думаю, он тебе понадобится.

Ах, как же она была права.

Одно дело — решить, что создашь новый и более цивилизованный мир, и совершенно другое — воплотить эту идею в жизнь.

Неимоверный Крутняк
и Ярисса никогда не умели
петь...

Да, мир со временем изменится, потому что Иккинг ни за что не позволит ему скатиться обратно к рабству и унижению.

Но есть вещи, которые не меняются никогда.

Юные барды по-прежнему будут безнадежно влюбляться в принцесс не своего круга. Вожди будут ссориться, а драконы — драться, штормы — бушевать, а беды — не ходить одни, так же как оно было в Старом Море.

Но все это в будущем.

Прямо здесь и сейчас ведьма и Элвин мертвы, а Драконье восстание закончилось.

Прямо здесь и сейчас Иккинг и его Десять Воинов Драконьей Печати все вместе. Иккинг, Беззубик, Рыбьенег, Камикадза, Ветрогон, Смерть, Буримуха и Одинклык, не говоря уже о Жутьздорове, столпились вокруг Королевского Валуна.

Стоик, Валгалларама, Берта Бой-баба, Неимоверный Крутяк с Яриссой и Десять Женихов, бесчисленные племена архипелага и Странники, Медведик и его старшая сестра Эггингарда, все бывшие рабы и бывшие хозяева — все здесь. (Даже Норберт Сумасброд присутствовал, не признанный никем, с непременной Печатью Дракона и переодетый Странником, но это другая история.)

Никого не бросим...

Викинги сменили мелодию, возможно решив, что эту ночь хорошо бы закончить на высокой

ноте, и завели одну из самых духоподъемных и веселых викингских песен.

Потому что в этот день они вспомнили, кто они такие.

Они — викинги. Вольный бродячий народ, как драконы, который сражается за свободу и равенство в глазах Тора и дикие края земли.

ПО ЗИМНЕМУ ШКВАЛУ — МЕЧОМ И ПЛЕЧОМ!
ЭТИ БУРНЫЕ ВОЛНЫ — ТВОЙ ДОМ...
ЛЕДЯНАЯ ПЫЛЬЦА НЕ ЗАСЫПЛЕТ СЕРДЦА...
ХУЛИГАНСКИЕ... СЕРДЦА... ДО КОНЦА!!!

Все они были там и пели, вкладывая в песню душу, а в Мародерской гавани Луна и ее дикие драконы подхватили викингскую песню, пуляя в небо большими радостными огненными шарами. А акулогады бороздили плавниками гладь залива, словно дельфины. А внизу в траве стрекотали микродраконы. Потирая задние лапки, они тоже весело пели тонюсенькими голосками:

ДАЖЕ В МАЛОМ БОЛЬШАЯ ДУША!
ВСТАНЕМ ВМЕСТЕ — ОТСТУПИТ БЕДА!
НЕ СУДИ ЧЕРВЯКА ПО ДЛИНЕ ЯЗЫКА,
ВЕДЬ ГЕРОЯ... ВИДАТЬ... НЕ ВСЕГДА!

Темно, поэтому люди не видят почерневшего мира вокруг. Но это и хорошо, ведь теперь он уже

встает перед их мысленным взором, полный зелени в первых побегах весны.

Мысленно люди уже строят замки — лучшие дома, новые деревни, более удобные гавани.

Драконы слышат, как зовет их вольный север, маня обещанием свободного открытого океана и невозможно-синих небес, где смерть не властна и они могут летать вечно, как Драконы-Стражи, резвящиеся над ними в бескрайнем черном космосе.

С МОРЕМ ТЫ НЕ ОДИН НИКОГДА,
ВОЛНЫ САМИ НЕСУТ ТЕБЯ ВДАЛЬ.
ЕСЛИ ГОРЕК КОНЕЦ, ЗНАТЬ, ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ...
НО ГЕРОЙ... СРАЖАЕТСЯ... ВСЕГДА!

Вот они, все вместе, поющие от всей души на вершине Разрушенного замка Завтра. Война кончилась; их животы полны рыбы и дичи, а сами они полны надежды, радости и предвкушения будущего. Они поют долго-долго, до поздней ночи, их распирает от счастья под тихим светом луны и алмазным пологом звезд.

ЗИМНИЙ ШТОРМ — НЕБОЛЬШАЯ БЕДА,
НЕ ПУГАЮТ ТЕБЯ ХОЛОДА!
МОЖНО ВСЕ ПОТЕРЯТЬ, МОЖНО ДУХ
ИСТРЕПАТЬ,
НО ГЕРОЙ... СРАЖАЕТСЯ... ВСЕГДА!

Этот миг не продлится вечно... а жаль.

Так что здесь мы и оставим их, Иккинга
и его друзей: навеки юными, навеки полными
надежд, поющими от всей души
на острове Завтра.
ПОТОМУ ЧТО...
Если горек конец, знать, еще...

НЕ КОНЕЦ

Любовное письмо
Рыбьенюга к Варваре
из Варваров →

Дорогая Варвара из Варваров,

~~Твои глаза пронзили душу,~~

~~Твоя улыбка слаще груши~~

Как краснеет роза,

Как белеет снег,

Так люблю я Варвару

Тебя лучше нет

Искренне твой

Эпилог, написанный Иккингом Кровожадным Карасиком Третьим, последним из великих героев-викингов

Вот и вся история о том, как я стал Королем Дико-запада и остановил Драконье восстание. Теперь я древний-предревный старик, и так странно оглядываться на того мальчика, каким я был когда-то, мальчика, которого мы только что оставили среди развалин Чернобородова замка глядящим в будущее, таким уверенным, таким надеющимся, таким убежденным в правоте своего начинания.

А теперь я оглядываюсь и гадаю, в точности как Ярогнев гадал давным-давно, лежа при смерти на Рифе: поражением была моя жизнь или успехом? Я построил новое Королевство Дикозапада. Я восстановил Чернобородов замок, и флаги развеваются на двадцати башнях, еще более крепких и надежных, чем раньше. Теперь на Завтра бурлит жизнью большой город, в гавани не протолкнуться от спящих кораблей. Глядя на него сейчас, вы бы ни за что не поверили, что в дни моей юности это был заброшенный город-призрак, где на пустынь-

ных улицах завывал ветер, а стены домов погружались в болота.

И что еще важнее, в точности как я поклялся себе, когда вернулся после открытия Америки, Страны-Которой-Нет, я построил Варварский архипелаг, где сила больше не равна праву, где не только «сильный с нами». Я построил мир, где более слабые племена, такие как Миролюбы и Странники, Нигдешники и Тихушники, имеют голос и слово на Тинге.

Никого не бросим...

Мир моего детства был поистине исполнен чудес, радостей и приключений, но в этом мире маленькие дети жили в повседневном страхе перед волками, дикими драконами, голодом и войной.

Теперь это не так.

Мы, варвары, по-прежнему гордые варвары, но со временем мы подросли. Мы отложили мечи и взялись за перья и почти стали, осмелюсь сказать... цивилизованными.

Так что в этом отношении моя жизнь была успешной, и я хорошо потрудился и как Король, и как Герой.

Но чем старше я становился и чем яснее осознавал, что я не вечен, тем чаще я задумывался, правда ли мне удалось изменить мир настолько, что он останется безопасным для драконов и в будущем, когда меня не станет. И я понял, что человеческая натура еще недостаточно изменилась.

Так что в этом я проиграл.

Но, как говорили Одинклык и Ярогнев, возможно, это благородное поражение, а история — всего лишь череда таких благородных поражений.

Я никогда не разговаривал с Луной об этом напрямую. Но этого и не требовалось. Она знала и, вероятно, знала всегда. Медленно-медленно, почти неощутимо на протяжении всей моей жизни драконы начали скрываться.

Они не ушли все сразу. Это происходило не так. Отступление было очень медленным, постепенным. Поначалу несколько наиболее диких видов отправились на север, в океаны, в глубокие моря. Но большинство по-прежнему оставалось в архипелаге. Наши верховые и охотничьи драконы не хотели покидать нас, жили с нами, и это был их собственный свободный выбор.

Хвала Тору, сам я еще прожил жизнь, полную драконов. Всю жизнь я летал верхом на Ветрогоне, ух как высоко. Всю жизнь Беззубик был рядом, сидел у меня на плече, препирался со мной, воровал еду у меня с тарелки, стоило мне отвернуться.

Моредраконусы вроде Беззубика живут, разумеется, многие тысячи лет. За всю мою жизнь он вряд ли вырос хоть на палец. Тогда как я, конечно же, вырос, женился, сделался могучим Королем и завел собственных детей. А Беззубик остался прежним.

Но своих детей мы учили ездить верхом на лошадях и приручать ястребов наравне с драконами — просто на всякий случай.

Когда я был юн, мир все еще был полон драконов, таких же чутких, таких же яростных и опасных, какими они были всегда там, в пустыне Открытого Океана. Один из них, Злокоготь, десятки раз спасал мне там жизнь. А другие едва у меня ту жизнь не отобрали, и не раз...

Но наверное, драконы чувствовали себя несколько неуютно в новом, цивилизованном мире, который я строил. Драконы всегда были дикими тварями для диких времен. Или, может, они почувствовали то же, что и Ярогнев, — что, как бы я ни старался, у меня не получится изменить мир всего за одно поколение.

И вот драконы начали скрываться. Они отступали на север, чтобы быть со своими соплеменниками-драконами. Они погружались в глубоководные впадины, о которых я вам рассказывал, и погружались в Сонную Кому. Многие из них выработали навыки хамелеона, как у крадкого дракона, и так успешно замаскировались под траву, камни и море, что их ни за что не заметишь, особенно если не знаешь, что искать.

Порой я проводил долгие часы, лежа очень неподвижно на животе в папоротниках и вглядываясь изо всех сил. И если я оставался там доста-

точно долго, то медленно-медленно снова начинал различать смутные очертания кусачего стрекотунчика или сонновалкой дракомыши, на мгновение проступавшие передо мной, пока они, замаскированные, пробегали в траве — и тут же пропадали.

Так я и узнавал, что они еще здесь. Только в последние два десятилетия драконы начали прятаться по-честному. В последние несколько лет даже Беззубик с Ветрогоном стали проводить все больше времени отдельно от меня. Они скучают по товариществу других драконов в кинжально-холодных водах, в девственно-жестоких снегах севера. Сначала они улетали ненадолго, потом стали задерживаться чуть дольше, потом еще дольше. Однако всегда возвращались. Беззубик никогда меня не покинет совсем.

И вот тогда я начал выполнять данное Ярогневу обещание.

Я велел Рыбьеногу и его собратьям-бардам сочинить истории, где бы говорилось, что драконы всегда были выдумкой. Люди пока в это, разумеется, не верят, ведь они видели драконов собственными глазами. Но драконы постепенно прячутся, а люди, видевшие их своими глазами, стареют и умирают...

...а истории живут. Истории всегда живут, а истории, которые рассказывает Рыбьенег, говорят, что драконов не существует и никогда не существовало.

Эта вера надежно защитит драконов.

Так что, выходит, драконов я все-таки спас. Не так, как надеялся, но обещание, данное Ярогневу, сдержал. Мой план, при всем его безумии, работает. И на самом деле работает так хорошо, что порой даже я, уже впадая в детство, не могу припомнить — так были драконы или нет? Хотя идея превратить их в фантазию целиком принадлежит мне, я и сам прихожу в замешательство, настолько бесследно они исчезли. Неужели такие великолепные создания и правда бороздили небеса и моря моего детства?

Что-то слабость одолела; слабость пополам с возбуждением. Я чувствую приближение конца... или лучше назвать его новым началом?

Когда Беззубик прилетит ко мне в следующий раз, этот раз будет последним. Сейчас я жду, просто чтобы увидеть его еще один последний раз, просто чтобы напомнить себе, что да, он правда существует. Окно глядит на меня пустым черным квадратом, но Драконий Камень лежит в ладони тяжелым теплым золотым обещанием, что Беззубик влетит в открытое окно, встряхнет крылышками и потребует еды, чего-нибудь этакого (ну, я-то знаю все его любимые блюда), а потом устроится на своем старом привычном месте — у меня на груди — и примется выдувать безупречные лиловые колечки дыма прямо у меня над сердцем.

Вот он, Драконий Камень, и вот они, два крохотных дракончика, застывшие в янтаре: один темный, один светлый, и каждый держит в пасти хвост другого, как Альфа и Омега.

И вот я — смотрю, жду. (Когда я умру, меня похоронят в море, это будет настоящее Викингское Погребение, какое мы хотели устроить Беззубику давным-давно, когда я был маленький и все решили, что он умер. Меч и Камень я попросил похоронить вместе со мной, ибо море — самое надежное место для захоронения всяких штук. Там они могут затеряться, чтобы найтись, только когда придет время.)

Однажды, когда я был маленький, мне приснилось, что Чернобород Оголтелый, стоя на палубе «Бесконечного путешествия», подбросил в воздух свой меч, Дерзновенный. Тот, кувыркаясь, летит все вверх и вверх, сквозь чернильную темноту, через просторы и столетия, и наконец моя левая рука совершенно самовольно выскакивает из космоса и звезд и бесконечного времени и ловит его.

Теперь я уже так стар, что мне снова снятся сны. И в моем нынешнем сне меч бросаю уже я. Он вращается в освещенных звездами черных водах моего сна, прямо у тебя над головой, дорогой читатель. Меч, с виду не самый лучший, запасной, но несущий память о тысячах проигранных боев. Воплощенный урок истории.

Протяни руку и поймай его за рукоять. Поклянись его именем, Дерзновенный, что приложишь все силы, чтобы сделать этот мир лучшим местом, чем он был, когда ты в нем появился.

Оглядись! Повсюду вокруг тебя будут драконы, замаскированные не хуже крадкого. Может, они парят у тебя над головой, как раз за пределами поля зрения, присматривают за тобой неведомо для тебя, как присматривали за мной микродраконы. Опусть голову в папоротник и лежи очень тихо, как я делал давным-давно. Если пролежишь достаточно долго, сможешь ли ты тоже увидеть слабое очертание движущегося микродракона?

И Беззубик будет лежать и спать в заливаемой водой пещере в скалах, такой же маленький и непослушный, как всегда, в ожидании, пока его найдет храброе и доброе человечье дитя из будущего.

А может, останутся и более свирепые драконы. Они будут спать в недостижимых глубинах океана, во впадинах таких глубоких, что даже люди будущего не сумеют их исследовать, — и они могут проснуться снова. Если эти свирепые драконы и правда проснутся, если откроют яркие кошачьи глаза и встряхнут ужасными крыльями, а Драконий Камень будет по-прежнему затерян где-то в бескрайней шири океана...

Тебе просто придется позаботиться о том, чтобы драконы проснулись в мире лучшем, чем тот,

в котором жил я. Я немного его подправил, но ему надо стать еще гораздо лучше. А не то будут клыки, и огонь, и прочие ужасы.

И тогда нам понадобится Герой, и этим Героем вполне можешь оказаться...

...ТЫ

В моем начале мой конец...

Во времена моей юности в мире жили драконы.

*Книги подобны драконам — если мы в них
не верим и не читаем, они перестают
существовать. Как нам тогда учить язык
и понимать рассказы милых старых
призраков прошлого?*

**СПАСАЙ ДРАКОНОВ.
ГОВОРИ ПО-ДРАКОНЫИ.
ЧИТАЙ КНИГУ.**

СПАСИБО И ДО СВИДАНИЯ

Мудрый человек некогда сказал, что пишущему Герою нужны три вещи: невинность, гордость и терпение, так что, возможно, Рыбьеног нашел правильного дракона. Но никакой Герой не может писать один. Мой личный архипелаг населен народами, которые любили и поддерживали меня — кто лет пятнадцать, а кто и того дольше.

Раннее племя Хэтчет:

Марлен Джонсон, Кейт Бёрнс, Лиз Фиппс,
Элисон Стилл, Венеция Гослинг, Клаудиа Симонс,
Гарри Баркер, Маргарет Конрой, Мэри Бирн,
Дэвид Макинтош и Эрин Стейн.

Воины сегодняшнего дня —

у многих за плечами многолетняя служба:

Фрита Линдквист, Ребекка Логан, Эндрю Шарп,
Нирмал Сандху, Сьюзен Барри, Хэлен Мерридж,
Салли Фелтон, Дэниел Фрикер, Хилари Мюррей Хилл,
Эмили Смит, Джейсон Макензи, Чейрмен Олрайт,
Камилла Лиск, Джо Хардакр, Мэган Тингли
и Эндрю Смит.

Отдельное большое спасибо

Дженни Стефенсон и Наоми Гринвуд.

А главное — моему давнему редактору,
Большому Вождю Энн Макнейл, Могучему Мечу
и Защитнику всего Драконского.

Племя DreamWorks:

Верховный Вождь Джеффри Катценберг, Крис Кьюзер, Билл Дамашке, Крис Сандерс (сопродюсер первого фильма), Пьер-Оливье Винсент, Нико Марле, Саймон Отто, Уилл Дэвис, Джон Пауэлл, Джей Барухель, Америка Феррара, Джерард Батлер и вся команда актеров и аниматоров.

Особая благодарность Герою-Продюсеру
Бонни Арнольду и Его Бардовскому Великолепию
Дину де Блау.

Наемные Мечи и Служба Бардохранителей:

Стойкие Защитники, мои агенты Кэролайн Уолш
и Ники Ланд и мой юрист Дэвид Колден.

Особая благодарность странствующему трубадуру и гениальному актеру

Дэвиду Теннанту, он сам по себе человек архипелага.

Группа поддержки:

Аманда Крейг, Николетт Джонс, Джулия Экклешер,
Ник Такер, Питер Флоренс, Мартин Чилтон,
Эмили Дрэббл, Мишель Паули и команда Guardian
Children Online, Лорна Брэдбери, Джеймс Лавгроув
и команды BBC Breakfast, Newsround и Blue Peter.

Огненные племена Знания, Мудрости и ВЕСЕЛЬЯ:

книготорговцы, библиотекари и учителя повсюду.

Племя Друзья-и-Родные:

Мои родители, Великие Вожди Майкл и Марсия Блейкенхэм, Да-Трепещет-Всякий-Кто-Услышит-Их-Имена, Кхм, Гм, без которых вся эта авантюра вообще не началась бы, Джудит Кьюмар, Лорен Чайлд и ненаглядные Герои Алан Хэйр, Джил Хэйр и Нэнси Блейкенхэм.

Хэйры, живущие в Стране-Которой-Нет:
Каспар, Мелисса, Томазина и Иниго.

Пятеро Бесстрашных Фаццини:
Эмили, Бен, Франческо, Дельфина и Бэй.

И наконец, Коуэллы — Воины Драконьей Печати:

Мои Настоящие Герои-Викинги
МЭЙЗИ, КЛЕММИ и КСАННИ.

А больше всех Саймон, который (разумеется)
написал все лучшие места.

ПОТОМУ ЧТО:

Любовь Не Умирает.

То, Что Внутри, Важнее Того, Что Снаружи.

Не Все То Золото, Что Блестит.

Вспыхнет Снова В Сердце Пламень,

Тор, Я Знаю, Так Бывает.

Герой это навсегда

~ СОДЕРЖАНИЕ ~

Предыстория.....	11
Миру нужен Герой	17
1. Как бы плохо ни казалось, всегда может стать хуже.....	24
2. Видите, и пяти минут не прошло, а уже опять стало хуже	37
3. Мелкая неприятность	55
4. Неприятность покрупнее.....	82
5. Добраться до Завтра	104
6. Трудно спасти того, кто спастись не хочет ..	117
7. Лишь обладатель Утраченных Королевских Сокровищ может ступить на землю Завтра и остаться в живых.....	138
8. Спорим, вы подумали, что такого ни за что не случится.....	154
9. Пророчество Черноборода Оголтелого.....	169
10. Кто Король?	184
11. Письмо Черноборода	203
12. Коронация Короля Дикозапада	224
13. Очень короткая глава, которая начинается хорошо... А заканчивается плохо.....	245
14. Чернобород Оголтелый был большой хитрец. .	253
15. Подготовка к похоронам... Пардон, к поединку	262
16. Поединок.....	275
17. Порой то, что ты ищешь, обнаруживается под самым носом	301

18.	Прошлое не отпускает... ..	369	
19.	...Оно настигает будущее самыми невероятными путями... ..	318	
20.	...И пугает до дрожи	332	
21.	Ведьма вмешивается в ход Судьбы	338	
22.	Вот почему его зовут Элвин Вероломный (да уж, говорящее имечко).....	344	
23.	Всеобщая война	351	
24.	Мы уже говорили, что прошлое рано или поздно настигнет любого?.....	364	
25.	Как я могу тебе верить?.....	382	
26.	Клятва	396	
27.	Призраки на свободе.....	422	
Эпизод, написанный Иккингом			
Кровожадным Карасиком Третьим,			
последним из великих героев-викингов..			461

Коуэлл К.

К 73 Как спасти драконов : повесть / Крессида Коуэлл ; пер. с англ. А. Кузнецовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 480 с. : ил. — (Как приручить дракона).

ISBN 978-5-389-11268-1

Срок, отмеренный Судьбой, на исходе. Близится Последняя Битва между драконами и людьми. И чтобы победить в этой битве, людям нужен Король, потому что только истинному Королю откроется страшная тайна Драконьего Камня: как уничтожить всех драконов.

Иккинг Кровожадный Карасик III должен стать Королем, чтобы спасти людей и драконов, чтобы остановить войну. Но что он может — израненный, усталый, выброшенный бурей на пустынный берег? С ним нет друзей, нет даже Беззубика... Но и выбора у него тоже нет. Ему достался Трудный Путь в Герои.

УДК 087.5

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста
СЕРИЯ «КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА»

КРЕССИДА КОУЭЛЛ

КАК СПАСТИ ДРАКОНОВ

Ответственный редактор *Анна Гулявцева*
Редактор *Нат Аллунан*
Художественный редактор *Татьяна Павлова*
Технический редактор *Валентин Бердник*
Корректоры *Лариса Еришова, Елена Шнитникова*
Компьютерная верстка *Валентина Бердника*
Главный редактор *Александр Жикаренцев*

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, Москва, Павловская ул., д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков».

Подписано в печать 11.01.2021. Формат издания 60×90^{1/16}.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 30.

Тираж 3000 экз. Заказ №

Дата изготовления 01.02.2021.

Срок службы (годности): не ограничен.

Условия хранения: в сухом помещении.

Отпечатано в России.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

C-KPD-19297-04-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В М О С К В Е

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В С А Н К Т - П Е Т Е Р Б У Р Г Е

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В К И Е В Е

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/

Срок, отмеренный Судьбой, на исходе.
Близится Последняя Битва между драконами
и людьми. И чтобы победить в этой
битве, людям нужен Король, потому что
только истинному Королю откроется
страшная тайна Драконьего Камня:
как уничтожить всех драконов.
Иккинг Кровожадный Карасик III должен
стать Королем, чтобы спасти людей
и драконов, чтобы остановить войну.
Но что он может — израненный, усталый,
выброшенный бурей на пустынный берег?
С ним нет грузей, нет даже Беззубика...
Но и выбора у него тоже нет.
Ему достался Трудный Путь в Герои.

ВСЯ ПРАВДА О ДРАКОНАХ!

Именно по мотивам
этого сериала был снят
знаменитейший мультфильм

**«КАК ПРИРУЧИТЬ
ДРАКОНА»!**

А я всегда знал,
что так и будет...
Старый Сморок,
гедушка
Иккинга

ISBN 978-5-389-11268-1 04

9 785389 112681

ЕАС